

Научный редактор:

Лидере А.Г., кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель секции «Психология семьи, семейной терапии и консультирования» Московского отделения Российского психологического общества, главный редактор «Журнала практического психолога»

Рецензенты:

Шабельщиков В.К., доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии Института психологии им. Л.С. Выготского РГГУ

Фролов Ю.И., кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Б82 Борисенко Ю.В. Психология отцовства. — Москва-Обнинск: «ИГ-СОЦИН», 2007. - 220 с.

ISBN 978-5-91070-015-8

В монографии рассматриваются специфика феномена отцовства в современной культуре, его структурные составляющие, психологические закономерности формирования отцовства и влияния отцовства на развитие личности ребенка и самого мужчины-отца. Отражены современные отечественные и зарубежные подходы к структуре взаимодействия в диаде «отец-ребенок», к пониманию роли и функций отца в жизни ребенка, в том числе и в младенческом периоде, влиянию супружеских отношений на развитие ребенка.

Материалы предназначены для специалистов в области психологии, студентов психологических, психолого-педагогических и психолого-медицинских специальностей, работников сферы образования.

УДК 159.9-316.614.5(075.8) ББК 88.4+88.5

Оглавление:

Введение	5
Глава 1. Проблема изучения отцовства в психологии	10
1.1. Проблема отцовства как акмеологического феномена	10
1.2. Специфика современного отцовства в свете проблемы развития личности	13
1.2.1. История изучения развития личности в психологии	16
1.2.2. Этапы развития личности.....	26
1.2.3. Факторы развития личности.....	46
1.3. Методы Изучения феномена отцовства и факторов оптимизации развития личности	55
Глава 2. Отцовство как психологический феномен: структура, содержание, онтогенез	62
2.1. Проблема определения отцовства	62
2.2. Филогенетические предпосылки отцовства	63
2.3. Историческая и социокультурная специфика отцовства	65
2.4. Современная картина отцовства.....	72
2.4.1. Отцовство сквозь призму социального статуса	77
2.4.2. Отцовство как социальная роль.....	79
2.5. Онтогенез родительских ролей	81
2.5.1. Медико-биологический аспект формирования гендерной роли	81
2.5.2. Социально-психологический аспект формирования отцовства	89
2.6. Специфика отличий мужской и женской модели родительства	100
2.7. Структура отцовства.....	103
2.7.1. Экспериментальное исследование структуры отцовства	107
2.8. Влияние отцовства на оптимизацию развития личности	116
2.8.1. Экспериментальное исследование влияния отцовства на оптимизацию развития личности	121
Глава 3. Функции отца и психологическое развитие ребенка	136
3.1. Структура семьи: влияние взаимоотношений супругов на развитие ребенка	136
3.2. Влияние родительских установок и стилей семейного воспитания на развитие ребенка	156
3.3. Роль отца в личностном, интеллектуальном, нравственном и полоролевом становлении ребенка	167

3.4. Патернальная депривация и ее последствия	176
Глава 4. Психологическая помощь отцу и семье	184
4.1. Проблема психологической помощи отцу и ребенку	184
4.2. Содержание психологического консультирования. Проблема диагностики и коррекции проблем отцовства	188
4.3. Организация и методы тренинговой работы с отцами	190
Заключение.....	197
Литература	200

«Журнал практического психолога» зарегистрирован в Роскомпечати РФ,
свидетельство о регистрации № 014733 от 18 апреля 1996 г.

Учредители: Издательство «Фолиум» и Лидере А.Г.

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» — 71808

Периодичность — 6 выпусков в год

Главный редактор Лидерс А.Г.

Издатель: ООО «ИГ-СОЦИН»

Тел.: (48439) 7-41-26. Е-таП: 18_5Ост@таН.ги

Компьютерная верстка: Савостьянова Н., Федоров М.

Формат 60x84/16. Тираж 1250 экз. Заказ № 130

Отпечатано на Фабрике офсетной печати

249039, г. Обнинск, ул. Королева, 6.

Адрес редакции: 119261, Москва, а/я 754. Е-таП: а-П(1ег@таП.ги

Запрещается перепечатка статей без согласия редакции При использовании
материалов ссылка на журнал обязательна

ВВЕДЕНИЕ

Психология отцовства — одна из наиболее интересных и в то же время наименее исследованных областей психологии родительства. В современной психологической науке изучение родительства занижает особую нишу. С одной стороны, достоверно существует оформившийся в последние десятилетия социальный заказ на изучение проблем семьи и семейного взаимодействия, связанный с изменением традиционных семейных установок в современном обществе, когда в условиях профессиональной и экономической эмансипации женщин, либерализации брачных отношений акцентируется внимание на роли, функциях и требованиях к родителям.

Распространенная практика разводов, внебрачных рождений и воспитания ребенка одним из родителей, снижение рождаемости, и как результат уменьшения числа детей в семье и их более тесный порядок рождения, разделение родительства и супружества, выражающееся в широком распространении неполных (прежде всего материнских) семей и в увеличении числа супружеских пар, отказывающихся иметь хотя бы одного ребенка, характерные для современного общества, обуславливают научный и общественный интерес к проблемам семьи и в частности родительства.

Кроме того, массовое вовлечение женщин в производительный труд и общественную активность породило новые изменения в структуре и функциях семьи: женская занятость на производстве и в общественной жизни обусловила проблему совмещения труда на благо государства, общества и семейных обязанностей работающих женщин. Уравнивание мужчин и женщин в профессиональных правах и обязанностях, уменьшение времени, которое матери проводят с ребенком, увеличило требования к мужчине как к отцу. История не знает аналогов столь высоких ожиданий относительно вклада отца в жизнь ребенка, причем не экономического или статусного обеспечения жизни ребенка, а именно эмоционально-психологического участия в его проблемах. Сравнительно-исторические данные убедительно свидетельствуют, что современные представления о родительстве не являются универсальными и современное понимание родительской любви - это продукт длительного исторического развития.

На ранних этапах развития человеческого общества уход за детьми и их воспитание было делом всей родовой общины. Из-за высокой смертности и высокой рождаемости привязанность между ребенком и его физическими родителями не развивалась. Холодное отношение к смерти детей было психологической защитой на то, что случалось очень часто. Отец тогда выполнял функцию защиты и имел неограниченную власть над жизнью детей.

Только в конце восемнадцатого века семья начала отстаивать свое «естественное право» заботиться о детях. Мать берет на себя еще больше семейных функций, занимаясь только домом. Отец становится кормильцем, работает для того, чтобы мать занималась детьми. В девятнадцатом веке появляется теория

незаменимости матери в воспитании детей, понятие «материнского инстинкта». В то время как отец постепенно теряет свои функции, т.к. защиту и образование берет на себя государство. Постепенно с развитием женского движения во многих западных странах становится возможным обеспечение семьи женщиной.

В нашей стране этот феномен имеет свою историческую и политическую подоплеку. Классики марксизма полагали, что семья, основанная на частной собственности, праве наследования и домашнем воспитании детей, должна быть упразднена победившим пролетариатом. Например, К. Каутский считал, что с ликвидацией товарного производства отомрет и семья, поскольку будет отсутствовать экономическое основание для родительских чувств, а А.В. Луначарский полагал, что дети при коммунизме должны воспитываться обществом, однако считал, что в течение переходного периода семья должна сохраниться.

Дело в том, что семья как независимый агент воспитания детей не могла вписаться в тоталитарную систему. Так как за социализацию детей в нормальной семье отвечает отец, вся политика советской власти была направлена на то, чтобы свести роль отца в российской семье к минимуму, а всю ответственность за воспитание детей переложить на общество. Но общество не справилось с этой задачей, поэтому весь груз ответственности за семью и детей лег на плечи матери

В.Н. Дружинин определяет типичную советскую семью как вариант модели аномальной языческой семьи с рудиментами православной модели (Дружинин В.Н., 2006). В такой семье мужчина и женщина борются за доминирование, существуют противостояние поколений, подавление детей и борьба детей с властью родителей. Аномальность этой семьи в том, что мужчина не несет ответственности за семью в целом (определение аномальной семьи по М. Мид). Равенство мужчины и женщины рассматривается как достижение социализма. Первоначальным идеалом женщины при социализме была рекордсменка, рабфаковка, ударница, боец Красной Армии.

Так как при социализме проблемы семьи — это в первую очередь проблемы, решаемые матерью, а не отцом, традиционно большинство исследований, посвященных семье, начиная со времен советской психологии, отражают особенности отношений матери и ребенка. Причины трудностей социализации ребенка видят в искажении структуры семьи (неполная семья), в аномальных стилях воспитания, которые применяет мать. Однако, возможно, решением многих социальных проблем может быть возвращение отцу его роли, характеризующей нормальную семью (В.Н. Дружинин, И.С. Кон). Данная точка зрения нашла свое отражение в исследованиях детской психологии, например, А.И. Захаров считает, что главной причиной детских неврозов является извращенная ролевая структура семьи: мать в такой семье излишне «мужественна», недостаточно отзывчива и эмпатична, но требовательна и категорична. Если отец мягок, раним и не способен управлять ситуацией, ребенок становится для матери «козлом отпущения» (Захаров А.И., 2000).

В Конституции Российской Федерации 1993 г. впервые было провозглашено равенство полов и равная ответственность женщины и мужчины. До 1993 г. все

официальные тексты говорили лишь о равенстве прав родителей, но не говорили о равенстве обязанностей. В частности, в Конституции СССР 1977 г. можно прочитать только о «создании условий, позволяющих женщине сочетать труд с материнством» (Дружинин В.Н., 2006).

Если в так называемой патриархальной семье отец одновременно является кормильцем, носителем власти, а также наставником и примером для подражания, то в наше время с появлением реальной экономической и социально-нормативной возможности растить детей без участия отца, с уменьшением времени, проводимого мужчиной совместно с ребенком, остро встал вопрос о влиянии мужчины на развитие личности ребенка. Многими исследователями отмечается снижение педагогического потенциала семьи, ценности семьи.

С другой стороны, исследователи в области семьи и брака, полагая, что многие преобразования вытекают исторически из процесса развития общества и подготовлены целым рядом крупных социально-экономических изменений нашего общества, считают, что такое положение дел свидетельствует о нормативном «кризисе развития семьи», и наблюдают положительные изменения в том, что пересматриваются и перераспределяются роли и функции родителей, появляются новые ценности и новые пространства для реализации себя личностью, в частности в рамках выполнения отцовской роли, что ставит перед научной психологией задачи исследования отцовства как социального и личностного явления.

Косвенным подтверждением данной точки зрения является возникший в последние десятилетия большой исследовательский интерес к проблемам материнства и психологии родительских отношений, изучаемой в рамках исследования материнства. Исследования проблем отцовства менее представлены в исследовательских работах, для нашей страны эта тема является относительно новой. Весной 2002 г., когда нами было проведено первое пилотажное исследование данной проблемы, наш литературный обзор включал в основном работы зарубежных авторов. Однако за последние четыре года появились качественные отечественные работы по проблемам отцовства, в основном в рамках изучения родительства в целом.

Данное пособие представляет собой попытку систематизировать многочисленные результаты исследований отцовства, представить отцовство как комплексный психологический феномен, имеющий свою структуру и функционирующий в рамках собственных закономерностей.

Теоретико-методологической основой написания работы явились общая теория личности Б.Г. Ананьева, идеи гетерохронности и полифакторной обусловленности развития (К. Бюллер, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, П.М. Якобсон, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, В.К. Ви-люнас, Г.М. Бреслав); эпигенетическая теория развития личности Э. Эриксона, концепция материнства Г. Филипповой и концепция отцовства В.Э. Фтенакиса.

При написании работы использовались данные исследований отцовства и

семьи, а также собственные данные автора, полученные в ходе научной и консультативной практики. Представленные материалы использовались в рамках проведения тренинговой и лекцион-ой работы для специалистов и членов семей, обратившихся за психологической помощью.

В первой главе анализируются многочисленные литературные источники, рассматривающие место отцовства в процессе развития личности, проблемы отцовства как акмеологического феномена. Вторая глава основана на авторском подходе к отцовству как к психологическому фактору развития личности мужчины-отца, проанализированы фило- и онтогенетические, исторические и социокультурные предпосылки отцовства, специфика отцовства как социального статуса и социальной роли, особенности мужской и женской модели родительства, а также структура комплекса отцовства.

В третьей главе отцовство рассматривается с точки зрения влияния на развитие личности ребенка. Четвертая глава обобщает представленный в научной литературе и собственный опыт автора по организации психологической работы с отцами в рамках семейной и личностной консультации.

Автор выражает благодарность всем молодым мужчинам, принявшим участие в экспериментальной и тренинговой работе, особенно А.А. Борисенко, К.С. Андренкову и А.С. Третьякову. Отдельно хочу поблагодарить Н.В. Дмитриеву и А.Г. Портнову, А.Г. Лидерса, а также моего мужа и сестру за помощь и поддержку в работе над книгой.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ОТЦОВСТВА В ПСИХОЛОГИИ

1.1. Проблема отцовства как акмеологического феномена

Процессы и закономерности акмеологического этапа онтогенеза не обделены вниманием исследователей как в психологии, педагогике, физиологии и психофизиологии, так и на стыке этих наук. Множество работ посвящено как раздельному, так и взаимосвязанному прогнозированию развития индивидуальности. Однако, несмотря на повсеместное декларирование гуманистического индивидуального подхода, попытки построения системы детерминации личностных изменений, способной всесторонне описать траекторию индивидуального и личностного развития мужчины, встречаются нечасто и характеризуются, как правило, внутренней противоречивостью. В современном обществе происходит ломка традиционной системы половой стратификации, которая приводит к изменению тендерных ролей, в том числе и родительских, поэтому проблемы семьи как социального института и как социальной системы, вопросы семейного воспитания, влияния семьи на развитие личности ребенка и взрослого, социализирующей функции семьи становятся все более актуальными.

В настоящее время существует большое количество исследований роли матери, влияния материнства на развитие личности женщины (Абрамова Г.С., 1998). Эти

исследования имеют самый широкий спектр направленности: от исследования беременности до исследования влияния принятия матерью ребенка и влияния ее эмоционального отношения на развитие ребенка. Особенности отцовства, эмоционально-мотивационные и ценностно-смысловые аспекты роли отца мало изучены, хотя данные вопросы являются актуальными и значимыми при составлении коррекционных программ развития детей, программ психологического сопровождения семьи и, в частности, беременности и при разрешении различных конфликтных семейных ситуаций.

Вопросы участия мужчины во взаимодействии с будущим поколением, в воспитании, в передаче опыта поднимались еще со времен Ж.-Ж. Руссо. Различными аспектами данной проблемы в разное время занимались психоаналитики. О роли отца в развитии ребенка говорил еще З. Фрейд, но позднее исследования влияния семьи на ребенка сосредоточились в основном на изучении взаимоотношений матери и ребенка (М. Кляйн, Д. Боулби и др.) (Абрамова Г.С., 1998; Дружинин В.Н., 1996); бихевиористы (научение, в том числе тендерной роли) (Bandura A., Walters R., 1963); гуманистически и экзистенциально ориентированные психологи (Маслоу А., 1982,1999); ученые, придерживающиеся теории социального научения; занимающиеся педагогической, детской, возрастной психологией, психологией отклоняющегося поведения, педагоги, социологи (Кравченко А.И., 2000; Canitz H.-L.v., 1982) и даже юристы.

Вместе с тем, в связи со значительными изменениями в системе тендерных ролей, произошедшими в обществе за последние 50 лет, более социальная, чем материнская, отцовская роль претерпевает серьезные изменения, что приводит к образованию операционального вакуума отцовской роли в новых условиях, появлению новых форм активности отцов, что свидетельствует, по мнению Ш. Барта, о формировании новой тендерной системы, переоценке или уточнении обществом отцовских функций, дальнейшей дифференциации тендерных ролей. В Германии и США эта проблема уже разрабатывается и ведутся исследования в широком спектре как теоретических, так и прикладных проблем, однако единой точки зрения на данный феномен не существует. Отцовство исследуется как социальная роль, статус, в рамках исследования представлений и стереотипов в социальной психологии, в рамках тендерной психологии и феминистических исследований. Однако в рамках этих наук отцовство изучается в ряду, а чаще всего, как один из элементов других феноменов, таких, как тендерные стереотипы, сексуальные стереотипы, формирование социальных, тендерных, сексуальных ролей, ролевой конформизм, принятие или непринятие этнических, культурных, тендерных стереотипов (Целуйко В.М., Толстых М.А, 2005; Николаева И.М., 2005), не являясь по существу предметом изучения. Большинство же исследований отцовства проводится в рамках детской психологии с изучением влияния отца на развитие личности ребенка (Минияров В.М., 2005; Молоховская О.В., 2005). При этом изучается специфика влияния определенного поведения отца, выполняемых им функций и действий, на развитие личности ребенка. Например, по мнению W.L.

Doherty (Doherty W.L., 1993), формирующаяся в США основа обсуждения проблемы отцовства отражает потребности ребенка в определенном минимуме предсказуемости, заботы, исходящей от отца и матери, так же как и в экономической безопасности и взаимодействии предпочтительно любящих отношениях между родителями (Netherington Parke, 1993). Кроме того, по его мнению, определенные потребности детей изменяются с их развитием, с более высоким уровнем физической заботы родителей, требующейся в период младенчества, тогда как когда дети становятся подростками, от родителей требуется больше умения разрешать конфликтные ситуации. Таким образом, главное основание исследования и пропаганды ответственного отцовства — потребности детей.

Таким же образом изучается отцовство и в рамках семейной психологии как один из факторов, функций или особенностей семьи.

Самостоятельно феномен отцовства предметом изучения ни в рамках детской, ни в рамках семейной психологии не выступает. Однако, на наш взгляд, именно изучение отношения отца к ребенку и влияния отцовства на развитие личности мужчины позволит уточнить многие, возможно, менее очевидные, поэтому мало изученные, но теоретически уже обозначенные З. Фрейдом, К.Г. Юнгом, Ш. Бартом, С. Матейчиком аспекты влияния отцовства на развитие личности, и таким образом внести дополнения в решение некоторых проблем не только детской и семейной психологии, но и психологии развития, и психологии личности. Однако в рамках психологии развития изучается в основном специфика развития ребенка от рождения до взрослости. Изучение развития взрослой личности осуществляется в рамках новой, быстро развивающейся науки акмеологии.

На сегодняшний день акмеология как наука, изучающая закономерности и феномены развития человека на ступени его зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии (Бодалев А.А., 1993), изучающая именно личностную зрелость, может в рамках своей методологии предоставить базу для изучения отцовства, т.к. отцовство приходится на акмеологический период развития личности самого отца. Однако акмеологические исследования сосредоточены в основном на изучении факторов, условий, специфики, профессионального развития, выдающихся достижений на профессиональном поприще. Но может ли развитие личности человека быть вполне гармоничным, если будучи успешным в профессиональной сфере, он не реализуется в сфере семейной и личной жизни? Так или иначе, но отцовство, равно как и материнство, не входят в рамки методологии какой-либо узкой отрасли психологической науки. Они являются комплексными феноменами и могут быть изучены только в рамках междисциплинарного подхода, который позволяет изучать и анализировать и отцовство (или материнство) с учетом всех сфер приложения данного феномена.

1.2. Специфика современного отцовства в свете проблемы развития личности

Для нашей страны проблема отцовства является почти не изученной и особенно актуальной в силу исторических причин, особенностей влияния тоталитарного государства на становление роли мужчины вообще и отцовства в частности. В связи с этим нам представляется очень важным актуализировать и исследовать проблему влияния отцовства на развитие личности как ребенка, так и самого отца. Изучение данной темы охватывает широкий круг аспектов: психофизиологических (Ильин Е.П., 2002; Кон И.С., 1988); исторических (Кон И.С., 1988; БартШ., 1998; ГерхардА., 1999); социальных (Гурко Т.А., 2000; Дементьева И.Ф., 2001; Holdren, 1999; Fthenakis W.E., 1998); различных аспектов семейной психологии (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2003; ВейнингерО., 1992; ВинникотД., 1995; Гребенников И.В., 1991; Кон И.С., 2001; Кэмерон-Бэндлер Л., 1993; Попова П., 1989; Филиппова ГГ., 1999; Horst P., 2000); а также психологии личности (Эриксон Э., 1999; Пфау-Эффингер Б., 1999; МаслоуА., 1982; Кон И.С., 1978; Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2003; Fthenakis W.E., 1988; Lamb M.E., 1998; Richter R., 2000; Lenzen D., 1991) и детской психологии (Выготский Л.С., 1984; ДольтоФ., 1997; Дик-Рид Г., 1997; Кэмпбелл Р., 1992; Осорина М.В., 2000; Shelmerich A., 1998).

Биологические и исторические предпосылки играют важнейшую роль в формировании личности современного человека, что касается формирования способов, особенностей и характеристик выполнения отцовской функции конкретным мужчиной. Биологические и социальные факторы тесно взаимосвязаны, однако, по мнению И.С. Кона и В.В. Бочарова (Бочаров В.В., 1999), если биологическое определяет психофизиологическую готовность к отцовству, то социальные факторы достаточно жестко регламентируют реализацию этой готовности (Кон И.С., 2001). У человека различие отцовства и материнства и специфический стиль отцовства зависят от множества социокультурных особенностей и условий и существенно варьируются. Социум не только предъявляет определенные требования к возрастному, экономическому, профессиональному, социальному статусу отца, но и регламентирует поведение человека, обладающего определенным статусом в системе социальных ролей. Связанная с практикой разводов современная тенденция к воспитанию детей одним родителем, в подавляющем большинстве случаев матерью (Кон И.С., 1988), приводит, как было отмечено еще в начале XX в. П.П. Блонским и Л.С. Выготским, к обеднению самого процесса воспитания, разрушению связей между поколениями, проблемам личностного становления молодого поколения, росту социальных проблем.

С другой стороны, наблюдается противоположная тенденция: в современной западной психологической науке с восьмидесятых годов часто употребляется выражение «новый отец», отец, признающий ценность отцовства, принимающий активное участие в развитии своего ребенка (Fthenakis W.E., 1988).

Традиционно родительство изучается психологами в зависимости от теоретического подхода к данной проблеме. Существует два подхода к изучению родительства, в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения - ребенок или родитель. Первый, наиболее распространенный, подход рассматривает родительство применительно к развитию ребенка (Абрамова ЕС., 1998), во втором подходе рассматривается выполнение родительской роли через призму личности родителя. Здесь исследуется самореализация личности в родительстве, вводятся понятия «социальная роль», «статус», «социальные нормы», «стереотипы и требования», исследуется феномен так называемого родительского «инстинкта» (материнского и отцовского), исследуются чувства, образы - Я, Я-концепция и другие личностные характеристики, так или иначе связанные и изменяющиеся с родительством (ГодфруаЖ., 1996).

Исследования в рамках первого направления говорят о значительном влиянии отца на развитие ребенка еще до его рождения, когда отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий. По мнению Fthenakis W.E. (Fthenakis W.E., 1998), взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей. Кроме того, как полагает S. Barth (S. Barth., 1999), отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм, дисциплинирует детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя за одни поступки и наказывая за другие, т.е. является проводником общественных норм и ценностей. Доказано также и влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка, в том числе на его полоролевою идентификацию.

Такие авторы, как И.С. Кон, В.Ф. Анурин (Анурин В.Ф., 2000; Кон. И.С., 1978), придерживающиеся второго направления изучения родительства, считают, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому (шанс саморазвития). В древних культурах мужчина до рождения своего ребенка считался отроком (Кон И.С., 1978). Отцовство как вокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано и с объективными характеристиками личности, такими, как потребности, влечения, желания, установки, и с субъективными характеристиками личности - ценностными ориентациями, мировоззрением, а также с образом Я (реальным, идеальным, социальным), Я-концепцией личности и самооценкой. Для мужчины - это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости. Отцовство тесно связано с такими понятиями, как социальная роль отца, различающаяся в зависимости от

общественной системы, социальной, экономической и политической сфер общества, статуса мужчины в данном социуме, а также социальные стереотипы, предписывающие определенные правила выполнения этой роли, в том числе и гендерные стереотипы, а также с такими личностными образованиями, как эмоциональная, мотивационная и ценностно-смысловая сферы, самооценка, самосознание, Я-концепция, удовлетворенность жизнью и стиль жизни. Многие зависят от того, насколько данная роль принята мужчиной. Речь идет даже не столько об операциональном аспекте реализации роли, сколько о личностном принятии, интернализации роли отца конкретным мужчиной.

Материнская функция признается обществом почти священной и довольно хорошо регламентирована. Проявление материнских чувств является нормой. Мужчины же скупы на проявление эмоций вообще, в том числе и чувств к ребенку (Кон И.С., 1978).

Кроме того, важнейшим фактором отношения к ребенку являются отношения с собственным отцом, перенятие паттернов его поведения, стереотипа мужественности, что также не всегда способствует проявлению чувств мужчинами.

Таким образом, многие проблемы современного общества, семьи, системы воспитания имеют социальные причины. Участие отца в воспитании ребенка необходимо для нормального формирования личности, и, возможно, целый ряд современных социальных проблем связаны именно с отстранением мужчин от воспитания молодого поколения. В то же время современный кризис отцовства во многом обусловлен противоречивыми и стереотипными представлениями о роли отца, смешением отцовских и материнских ролей, выполнением в силу различных обстоятельств женщиной отцовских функций. Тем не менее большинство исследователей считают, что участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить. Оно необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, при условии четкого различения родительских ролей оказывает положительное влияние на развитие детей. Для гармоничного развития детей было бы желательно, чтобы больше отцов прилагали усилия к тому, чтобы быть ближе к своему ребенку, совместно переживать и узнавать вместе с ним мир, начиная с младенчества. Для этого необходимы соответствующие социально-экономические условия, такие, например, как фиксированный рабочий день и равная оплата труда для женщин и мужчин, т.к. различная оплата труда является, с одной стороны, дискриминацией женщин в профессиональной сфере, а с другой - не позволяет мужчинам при желании заниматься ребенком, а также и другие условия социально-политического характера, которые возможны только при сформированном представлении о незаменимости отцовской роли, важности отцовства для развития самого мужчины в общественном сознании, которое может быть обеспечено только своевременными и достоверными научными исследованиями феномена отцовства и его влияния на развитие личности.

1.2.1. История изучения развития личности в психологии

Современная наука все более плотно охватывает различные отношения и связи человека с миром. В системе тех или иных связей человек изучается различными науками и как продукт биологической эволюции - Ното заргеш, и как личность во всем многообразии ее социальных связей, и как субъект деятельности — основная производительная сила общества, субъект познания, коммуникации и управления, и как индивидуальность во всей уникальности сложности ее проявлений.

Подобного многообразия подходов к изучению человека еще никогда не знала история науки (Ананьев Б.Г., 2002). Во многом это связано с прогрессом научного знания и все расширяющимися возможностями практического приложения научных разработок в развивающихся отраслях промышленности, с усиливающейся ролью человеческого фактора.

Изучение развития личности в психологической науке прошло длительный этап становления: с IV в. до нашей эры до XVII в. нашей эры науки пользовались такими единицами анализа, положенными еще Эмпедоклом, как земля, воздух, огонь и вода, что достаточно долго признавалось сутью вещей мудрецами средних веков и эпохи Возрождения, включая христианских и мусульманских ученых. Теория личности как таковая полностью исчерпывалась терминами четырех темпераментов, порождая этим негибкость анализа, которая сохранилась вплоть до 1628 г., когда Х.У. Гарвей открыл циркуляцию крови, что поставило под сомнение всю доктрину жидкостей организма (История психологии, 1999). В идеалистической традиции, заложенной дуализмом Платона, развитие личности рассматривалось через призму идеального мира, «мира идей», и все развитие сводилось к возможности проникнуть в этот мир, «вспомнить» какие-либо идеи. Еще в IV в. до нашей эры Аристотель и его последователи (Аристотель, 1976) впервые заговорили о формировании личности через поступок, что много позже нашло свое продолжение в теориях бихевиорального направления. В XVII в. философские изыскания Дж. Локка подготовили почву для понимания прижизненности развития личности и влияния среды, в частности прижизненного опыта личности, на ее развитие. Ф. Бэкон еще в XVII в. впервые акцентировал внимание на влиянии культурологических особенностей на восприятие личности (его «идолы площади» могут быть рассмотрены как социальные установки, свойственные конкретному обществу, влияющие на развитие личности ребенка (История психологии, 1999)), однако на протяжении длительного периода исторического развития специфические особенности формирующейся личности не принимались во внимание (de Maese L., 1977). Как свидетельствуют письменные источники, в древних культурах и даже еще в средневековой Европе дети рассматривались как маленькие взрослые, имели такие же привилегии и ответственность, как и взрослые (История психологии, 1999). Примерно с начала XVII в., чему немало способствовало развитие педагогической мысли, в частности теория Я. А. Коменского (XVI-XVII вв.), впервые отметившего отличие форми-

рующейся личности от личности взрослого и выработавшего принципы управления процессами развития (Коменский Я.А., 1982), детство стали считать периодом невинности, постепенно к детям стали относиться как к лицам с особым статусом, занимающим свое место в социально-демографической структуре общества. Под влиянием Ч. Дарвина психологическая теория открыла «инстинкты», что положило начало исследованию структуры личности, личностных подструктур, характера, темперамента, способностей и, позднее, направленности личности. Проблеме личности в психологии посвящены многочисленные исследования. По существу, эта проблема является центральной; с которой так или иначе связаны все остальные. Изучение личности традиционно осуществлялось по нескольким направлениям — это разработка типологий и классификаций личности, концепций личности, изучение отношений личности и проч. Так, большая часть психологов определяют личность как устойчивое, стабильное образование, имеющее свою системную организацию. Традиционная характерология исходит именно из того положения, что характер личности является фиксированным, устойчивым качеством. Понятие диспозиции в психологии наряду с другими моментами (готовность, предрасположенность, направленность и т.п.) включает и момент фиксированности, устойчивости, стабильности. Момент завершенности и устойчивости акцентируется в разного рода типологических концепциях, в которых понятие личности фактически сводится к понятию индивидуальности (Сарджвеладзе Н.И., 1989).

Определение личности через момент устойчивости связано еще и с тем, что она выступает в качестве обобщенной сущности, репрезентантом определенного социального типа и человеческой общности. Такое понимание сущности личности реализовано, например, в исследованиях этнопсихологических особенностей и национального характера. Понятие «базовая личность», введенное Кардинером (Сарджвеладзе Н.И., 1989), представляет собой наиболее известную попытку обоснования идей о том, что существует некоторая обобщенная конфигурация личностных качеств, которые присущи членам общества и формирование которых является результатом социокультурных факторов. Э. Фромм (Фромм Э., 1990) и В. Райх (Райх В., 1999) говорят о социальном характере, имея в виду обобщенность и социальную репрезентативность структуры характера личности.

С внедрением положений психоанализа в психологическую науку большой интерес стал проявляться к изучению факторов формирования личности, к ее развитию. В психологии идея развития психики, как в филогенезе, так и в онтогенезе, получила распространение лишь в XIX в. Одна из концепций филогенетического развития ребенка была предложена К. Бюллером (Степанова Е.И.), который перенес на социальное развитие ребенка биогенетический закон Ф. Мюллера и Э. Геккеля. Согласно этому закону, эмбриогенез есть краткое и сжатое повторение филогенеза. К. Бюллер постулировал закон рекапитуляции, распространив биогенетический закон на

постнатальное развитие: развитие ребенка есть повторение социогенеза. В современной науке одно из центральных направлений имеет содержательно-процессуальный характер и заключается в изучении изменений, происходящих с личностью под влиянием различных условий и факторов. Ядром этого направления является исследование развития личности (Олпорт Г., 2002). Исторически так сложилось, что в первую очередь изучение возрастных особенностей развития началось с изучения процесса развития детей, подростков, основное внимание уделялось периодизации жизни человека в детстве, психологическим изменениям, происходящим с возрастом. Исследователи пытались установить связь между хронологическим возрастом детей и теми изменениями, которые наблюдались в их поведении на пути к зрелости, т.е. возрастные нормы развития, которые позволили бы оценить, насколько конкретный ребенок опережает или отстает от сверстников в своем развитии, оценить влияние различных социальных условий на развитие личности ребенка. Только много позже научный интерес обратился к исследованию развития личности в зрелом возрасте.

Существует несколько подходов к определению понятия «развитие». В.С. Ильин (Ильин Е.П., 2002) рассматривает развитие как прогрессивное изменение явления, качества, повышение степени целостности системы. Выступая как высший тип движения, развитие представляет собой не простой рост, увеличение, а качественные преобразования, отмечающиеся определенными закономерностями. Е.И. Степанова (Степанова Е.И., 2000) определяет развитие как процесс связанных между собой количественных и качественных изменений в явлениях природы и живых организмах, происходящих во времени. К количественным изменениям относят рост, накопление массы тела, к качественным — созревание, функциональные изменения с приобретением новых свойств.

Процесс развития носит, во-первых, поступательный характер, когда пройденные уже ступени как бы повторяют известные черты, свойства низших, но повторяя иначе, на более высокой базе; во-вторых, развитие характеризуется необратимостью, т.е. не копированием, а движением на новом уровне; в-третьих, развитие представляет собой единство борющихся противоположностей, являющихся внутренней силой процесса развития. В самом общем смысле развитие — это изменения, происходящие со временем в строении тела, психике, и поведении человека в результате биологических процессов в организме и воздействия окружающей среды (Психологический словарь, 1999). Таким образом, развитие человека происходит в трех направлениях: физическом, когнитивном и психосоциальном (Ломов Б.Ф., 1984).

По видимому, понятие «развитие» никогда не будет определено исчерпывающим образом, однако понимание этого обстоятельства не должно препятствовать созданию рабочих понятий, отвечающих необходимости решения исследовательских задач. В этой связи представляется необходимым выработать свое рабочее определение понятия «развитие». Мы понимаем развитие личности как направленный закономерный процесс качественных и количественных

изменений (накоплений) в системе социально значимых ценностей личности, стадийный процесс становления типологических социально значимых качеств человека и его индивидуальности.

Индивидуальное развитие человека, как и всякого другого организма, есть онтогенез с заложенной в нем филогенетической программой. Нормальная продолжительность человеческой жизни и последовательная смена стадий и фаз индивидуального развития строго определены этой программой и видовыми особенностями *Homo sapiens*. Одним из первых исследователей, не только обративших научный интерес к изучению данной проблемы, но и начавших использовать научные методы познания для изучения развития личности был З. Фрейд с его концепцией психосексуального развития ребенка. Согласно З. Фрейду, личность проходит в своем развитии несколько филогенетически определенных и общих для всех представителей вида стадий. Первые стадии ребенок проходит задолго до полового созревания, получая наслаждение от эрогенных зон своего тела, таким образом запускается развитие самосознания личности. Психосексуальное развитие начинается с оральной стадии, приходящейся на младенчество, когда центром наслаждения ребенка является рот. Позднее в течение анальной (1—3 года) и фаллической (3—5 лет) стадий центр наслаждения постепенно смещается из области рта к области гениталий. Эти три стадии развития относятся к прегенитальному периоду развития личности, который заканчивается к шести годам. Следующий и последний этап развития человека — генитальная стадия, следующая после продолжительного латентного периода (6-12 лет), является стадией формирования зрелой сексуальности и зрелого баланса между любовью и работой при нормальном течении процесса развития личности. Однако, если на какой-либо из стадий ребенок испытывает слишком сильную фрустрацию или слишком большое удовлетворение, может произойти фиксация потребностей индивида на этой стадии, тогда все дальнейшее развитие личности будет протекать в зависимости от условий специфической фиксации на определенной стадии развития (Freud S., 1964).

Теоретические посылки З. Фрейда были безусловным прорывом в изучении развития личности человека. Впервые внимание было привлечено к специфическим особенностям развития личности ребенка в отличие от взрослого. Изучение специфики развития личности ребенка в рамках психологической науки началось именно с теоретических разработок З. Фрейда и было продолжено его последователями, такими, как К.Г. Юнг, А. Адлер, М. Кляйн, Э. Эриксон. К. Хорни, Дж. Боулби и др., уже в более детальном и тщательном анализе особенностей развития ребенка в различных условиях (Хорни К., 1993).

К.Г. Юнг, отказавшись от пансексуализма своего предшественника, был первым исследователем, который рассматривал развитие личности человека, как процесс, продолжающийся всю жизнь человека. Он полагал, что, в общем, развитие человека происходит в два этапа: первую половину жизни человек пытается достичь

социально значимых успехов в карьере и семейных отношениях; вторая половина жизни посвящена достижению духовного роста и совершенствованию, достижению «самости», что близко представлениям отечественной психологии о развитии личности как о процессе становления индивидуальности (Юнг К.Г, 1998).

Совершенно другую концепцию развития предложили ученые, придерживающиеся бихевиорального направления в психологии, рассматривая развитие личности как результат научения. От наиболее радикальных положений Дж. Уотсона и Б. Скиннера, постулирующих о том, что все поведение личности есть результат обусловленных реакций по типу условного рефлекса (Skinner B., 1974) до более свободных концепций А. Бандуры и Дж. Роттера, рассматривающих человека как постоянно развивающегося индивида, т.е. приобретающего все более гибкий набор реакций на различные воздействия среды (Bandura A., Walters R., 1963), развитие понимается, как процесс адаптации к окружающей среде, что во многом согласуется с концепцией отечественных ученых, занимающихся изучением человека в традициях И.М. Сеченова и И.П. Павлов таких, как В.М. Бехтерев, П. К. Анохин и Н.А. Бернштейн.

Представители гуманистического и экзистенциального направлений в психологии рассматривали адаптацию только как один из аспектов развития. По мнению К. Роджерса, например, развитие личности ребенка происходит на основе оценки индивидуума другими людьми. Особенно это важно в период младенчества и раннего детства. К. Роджерс выдвинул теорию о том, что первоначально новорожденный воспринимает все переживания нерасчлененно, и только под влиянием; оценки окружающих начинает отделять самого себя от окружающего мира. В некотором смысле организмический оценочный процесс является контролирующей системой развития, позволяющей ребенку ориентироваться в окружающей среде и своих переживаниях, оценивая их по критерию: нравятся ли они ему или нет, таким образом, регулируя собственное поведение. Структура личности формируется во взаимодействии с окружающими, значимыми другими и во многом связана с их оценкой поведения ребенка (ХьелЛ., ЗиглерД., 1998). Своеобразное логическое подтверждение данная точка зрения получила в теориях Дж. Мида, Ч. Халлера и др., главной точкой отсчета в которых являлось понятие «социальная роль». В ходе процесса развития индивидуум последовательно проходит стадии усвоения новых ролей, развивает в себе способность «видеть» роли других, и через осознание собственных ролей и ролей других (в концепции Ч. Халлера - значимых других) человек формирует собственную концепцию Я. Экзистенциально-гуманистическая традиция признает бесконечное разнообразие жизненного опыта скорее как благоприятную возможность, чем как проблему. Экзистенциалисты от А. Камю и Ж.-П. Сартра до позитивно настроенных В. Франкла, М. Бубера, Р. Мея видят в осознанном принятии решений и ответственности за собственный выбор предпосылки и характеристики развития личности (Айви Е.А., 2000).

В отечественной традиции определение термина «развитие» трактуется, начиная с работ Л.С. Выготского, как сложный системно организованный процесс,

имеющий различные стадии, периоды, этапы, фазы, стороны, уровни, совершаемый спиралевидно и многоступенчато, дискретно и непрерывно, дифференцированно и интегрировано. Непрестанное возникновение и образование нового характеризует непрерывный процесс самодвижения личности (Выготский Л.С, 1984). Автор уточняет, что развитие начинается с ситуации симбиоза ребенка взрослого, где взрослый выступает с социальной позиции носителя человеческой культуры и способов ее освоения, стимулируя становление дальней активности растущего человека. Именно эта активность является определяющей характеристикой развивающейся личности, позволяя ей выходить за пределы опыта, сформированных качеств.

Вслед за Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьев полагал, что личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, а становятся. Таким образом, формирование личности есть процесс прямо не совпадающий с процессом прижизненного изменения природных свойств индивида в ходе его приспособления к внешней среде. Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, типом нервной системы, темпераментом, динамическими силами биологических потребностей, аффективностью и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития многообразно меняются (Леонтьев А.Н., 1975). А.Н. Леонтьев рассматривал развитие личности через соотношение понятий «личность» и «индивид», а также понятие социализация». Согласно его концепции, особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности), так что первые уничтожаются, они сохраняются, но именно как особенности индивида. Личность, как и индивид, является продуктом интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Однако личность определяется природой самих порождающих ее отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания.

Таким образом, согласно А.Н. Леонтьеву, в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. Ситуация развития человеческого индивида приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только в их физических свойствах, но и в том особом качестве, которое они приобретают в человеческой деятельности. Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком. В этой исходной ситуации развития ребенка содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых приводит к формированию его как личности. В онтогенезе

эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз развития предметной (практической и познавательной) деятельности — фазами развития взаимоотношений с людьми, с обществом. Но такие же переходы характеризуют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют «узлы» личности (Леонтьев А.Н., 1975). Формирование личности предполагает развитие процесса целеобразования и иерархизации мотивов субъекта. Важнейшим параметром личности является степень иерархизированности деятельностей, их мотивов. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть разъединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым и протекает совершенно по-разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде.

Подобная трактовка развития личности перекликается с наиболее влиятельной в последние десятилетия в зарубежной психологической науке моделью развития личности по У. Бронфенбреннеру (Bronfenbrenner U., 1981), который постулировал, что развитие личности — это динамический, идущий в двух направлениях процесс: растущий индивидум активно реструктурирует свою многоуровневую среду, при этом сам постоянно испытывая воздействие со стороны элементов окружающей среды. Согласно У. Бронфенбреннеру, экологическая среда развития ребенка представляет собой четыре вложенные одна в другую системы: микросистемы (ближайшее окружение личности, семья, детский сад, школа), мезосистемы (формальные и неформальные связи между микросистемой и окружением ребенка), экзосистемы (элементы общественной и социальной среды, не имеющие непосредственного отношения к микросреде, но влияющие на нее опосредованно — место работы родителей, статус семьи, экономическое развитие страны) и макросистемы как культурно-историческая база для развития микросреды.

Несколько иную трактовку понятия «развитие» дает В.И. Слободчиков. Развитие человека, всего его психического строя — это временно и естественный (спонтанный), и искусственный (регулируемый) процессы. Он считает необходимым ввести и особое третье представление о «развитии» вообще, как о кардинальном структурном преобразовании того, что развивается, как о сдвиге, скачке в развитии, которые не сводятся ни к процессуальным, ни к деятельностным характеристикам. Речь должна, по его мнению, идти о развитии сущности человека, общественно-естественном процессе саморазвития как ментальной способности человека действительно быть субъектом своей жизни (Поливанова К.Н., 2000).

С.Л. Рубинштейн рассматривал развитие личности через то, как она формируется, совершая свой жизненный путь. Ее психические особенности —

не только предпосылка, но и результат ее поступков и деяний. В них она не только выявляется, но и формируется. В отличие от многочисленных последователей Л.С. Выготского, таких, как Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, Н.Ф. Талызина, занимающихся изучением развития личности ребенка и полагающих, что личность формируется к началу периода взрослости, таким образом, сам этот период выпадает из поля интереса исследователей, как период «плато», когда важных изменений личности не происходит, С.Л. Рубинштейн рассматривал взрослого человека как изменяющегося, следовательно, развивающегося (Божович Л.И., 1972).

Б.Г. Ананьев развил собственную концепцию личности, основанную во многом на изучении специфики, гетерохронности и неоднородности развития личности в период взрослости. По его мнению, формирование начальных свойств личности связано с образованием постоянного комплекса социальных связей, регулируемых нормами и правилами, освоением средств общения и их знаковым аппаратом, предметной деятельности с ее социальной мотивацией, осознанием семейных и других ролей (Ананьев Б.Г., 2002). В дальнейшем становление свойств личности протекает неравномерно и гетерохронно, соответственно последовательности усвоения ролей и смены позиций ребенка в обществе. Эта гетерохронность личностного формирования накладывается на гетерохронность развития индивида. Социальное формирование личности человека — это, согласно Б.Г. Ананьеву, образование человека как субъекта познания и деятельности, начиная с игры и учения и заканчивая трудом, и переход от одного вида деятельности к другому представляет собой одновременно стадии развития свойств субъекта деятельности и познания, изменения социальных позиций, ролей в обществе, сдвигов в статусе, что и есть процесс становления личности. В своих работах Б.Г. Ананьев впервые начал разрабатывать критерии «зрелости» личности, теоретические посылки данной концепции легли в основу методологии акмеологии как науки о взрослости, выделившейся в недавнее время в отдельную отрасль психологической науки. Именно в теоретических разработках и прикладных исследованиях Б.Г. Ананьева наиболее четко в отечественной психологической науке определены направления развития личности после формирования зрелости, рассматривая таким образом развитие как процесс, который происходит непрерывно всю жизнь человека. Данная точка зрения нашла подтверждение в рамках психоаналитической методологии в концепции Э. Эриксона, который, однако, сконцентрировался в большей степени ни на общей теории развития личности, а на этапах формирования личности и задачах развития, встающих перед личностью при прохождении конкретных этапов жизненного пути.

1.2.2. Этапы развития личности

Идея деления онтогенеза на периоды, в течение которых происходят характерные, свойственные всем представителям вида, а следовательно, дающие возможность для выделения примерной возрастной нормы, изменения, ведущие к

формированию определенных свойств, качеств личности, имеет широкое применение в педагогических науках, детской и специальной психологии. В существующих в настоящее время периодизациях в основе выделения этапов развития лежат различные показатели развития человека: антропологические, психологические, социальные и педагогические.

В основе деления по антропологическим и физиологическим признакам оказались конституциональные особенности, строение тела, рост, вес мозга, эндокринная система, половое созревание, смена зубов (например, периодизация П. П. Блонского). В основу деления на периоды по психологическим признакам легли особенности психических функций, процессов, речи, эмоционально-волевой сферы, отношения Я к миру, становления личности в целом. Педагогическая периодизация (авторы А.А. Люблинская, И.А. Арямов) построена на этапах обучения, на основе чего выделены дошкольный, младший школьный, подростковый (средний школьный), юношеский (старший школьный) возрасты (Степанова Е.И., 2000).

В детской психологии возрастные периодизации развития охватывают возраст от рождения до ранней юности (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, З. Фрейд, Д.Б. Эльконин), основополагающим в этих классификациях является термин «развитие». Принципами основания для возрастной I периодизации развития являются «внутренние изменения хода самого развития, переломы и повороты в его течении», которые дают «надежное основание для определения основных эпох развития личности ребенка, которое мы называем возрастными» (Выготский Л.С., 1984).

Если в зарубежной методологии такие периодизации строятся на предложенной в начале XX в. З. Фрейдом периодизации психосексуального развития личности, то в отечественной традиции первое деление онтогенеза на стадии дал П.П. Блонский. Он выделил возрастные этапы развития личности, полагая, что развитие влечет за собой серьезные преобразования, связанные со сменой и появлением зубов. В соответствии с этим детство делится на три эпохи: беззаботное (8 месяцев— 2—2,5 года), детство молочных зубов (2—2,5 года — 6,5 лет) и детство постоянных зубов, в дальнейшем при формировании коренных зубов в подростковом возрасте формируется взрослая личность (Выготский Л.С., 1982). Он же обратил внимание на особые переходные возрасты и подчеркивал, что они представляют трудность в педагогическом отношении. Их называют «критическими». Позднее концепция «кризиса» нашла блестящее воплощение в принципиально иной методологии психоаналитической школы в теоретических разработках Э. Эриксона, который развил одну из самых валидных и часто используемых периодизаций в современной психологической науке. В отечественной традиции понятие «кризис» прежде всего укрепилось за возрастом полового созревания. П.П. Блонский указывает на неустойчивость, немотивированность поведения детей, неустойчивость нервных процессов в критические периоды (Поливанова К.Н., 2000). Л.С. Выготский, опираясь на представления П.П. Блонского, подходит к анализу возрастных кризисов в общем

ходе развития со стороны общей теоретической модели развития. Л.С. Выготский вводит понятие о двух типах возрастов — критическом и стабильном. Изменения, происходящие в стабильном возрасте, накапливаются и затем скачкообразно обнаруживаются в виде какого-либо новообразования. Стабильные возрасты, по мнению Л.С. Выготского, изучены гораздо полнее, чем те, которые характеризуются другим типом развития - критическим. Характеризуя кризис, Л.С. Выготский подчеркивает, что развитие ребенка принимает бурный, стремительный, иногда катастрофический характер и напоминает революционное течение событий как по темпу, так и по смыслу происходящих перемен. На основании эмпирических данных, Л. С. Выготский выделяет следующие критические периоды развития: кризис новорожденности, за которым следует стабильный период — младший возраст (2 месяца — 1 год), кризис одного года, раннее детство (1—3 года), кризис трех лет, дошкольный возраст (3—7 лет), кризис семи лет, школьный возраст (8-12 лет), кризис тринадцати лет (подростковый), пубертатный период (14—18 лет) и кризис семнадцати лет (юношеский) (Выготский Л.С., 1984).

Различие стабильных и критических возрастов Л.С. Выготский основывает на анализе социальной ситуации развития ребенка как фактического определения возраста: стабильный возраст определяется гармонией между средой и отношением ребенка к ней, критический период — дисгармонией, противоречием. Развитие в стабильный период приводит к возникновению новообразования, которое нарушает гармонию между ребенком и окружающей действительностью. Возникает противоречие, поскольку ребенок, изменивший строение личности, — уже другой ребенок, социальное бытие которого не может не отличаться от бытия ребенка более раннего возраста. Это противоречие задает условия своего разрешения, определяя специфику критического возраста. Преодоление этого противоречия есть условие взрывного, революционного характера развития в критическом возрасте. По определению Л.С. Выготского, в кризисные периоды ребенок в относительно короткие периоды меняется весь целиком, причем изменения эти не латентны, а заметны окружающим. Сами изменения относительны. Л.С. Выготский, говоря о критических периодах, отмечал, что дети становятся относительно трудновоспитуемы. Кроме того, ребенок становится иным относительно себя прежнего. Описывая критические периоды, Выготский говорил, что в эти периоды на протяжении короткого времени сосредоточены резкие и кардинальные сдвиги и смещения, изменения и переломы в личности ребенка (Выготский Л.С., 1982, 1984). Основные положения Л.С. Выготского о периодизации развития нашли свое продолжение в работах его последователей. В деятельностной парадигме возраст характеризуется через определение ведущей деятельности данного периода и места ребенка в общественных отношениях. Каждому стабильному периоду соответствует новая ведущая деятельность, новый тип сотрудничества ребенка и взрослого.

Критический возраст — это момент смены ведущей деятельности и переход к новым общественным отношениям. В русле теории деятельности анализ критических возрастов затруднен тем, что в фокусе внимания исследователя всегда находится определенная деятельность субъекта и механизмы ее становления, т.е. механизмы становления стабильных периодов развития. Механизмы же смены деятельности остаются на периферии (Выготский Л.С., 1984).

По А.Н. Леонтьеву, возникновение новой деятельности связано с возникновением новых мотивов, со «сдвигом мотива на цель». А.Н. Леонтьев полагал, что болезненный и острый кризис не является обязательным симптомом перехода к новой ведущей деятельности. Неизбежны, по его мнению, не кризисы, а переломы в развитии. Наоборот, кризис свидетельствует о не совершившемся своевременно переходе. М.И. Лисина доказывает «бескризисность» развития, рассматривая возрастной переход, как частный случай диалектического взаимодействия формы и содержания общения. По мере обогащения содержания общения ребенка и взрослого в процессе становления ребенка наступает момент, когда «перерастает» старая форма общения и возникает новая. Главное расхождение Л.С. Выготского и его последователей — это указание на процессы «отмирания». По мнению Л.С. Выготского, развитие нового непременно должно сопровождаться отмиранием старого. В позициях А.Н. Леонтьева и М.И. Лисиной существуют предпосылки такой организации развития, при которой переход будет проходить бескризисно. Л.И. Божович не только поддерживала данную точку зрения, но и подтвердила ее экспериментально (Божович Л.И., 1972).

Исключение в этом ряду составляет позиция Д.Б. Элькониной. Кризисы в его определении — это переход от одной системы к другой, от овладения мотивационно-потребностной сферой к операционально-технической и наоборот. При этом переходы между эпохами названы «большими» кризисами — в этот период открывается новая эпоха и новый период развития мотивационно-потребностной сферы. Существуют также и «малые» кризисы, как переходы между периодами внутри эпохи, открывающие следующий этап в развитии интеллектуально-познавательных сил ребенка. В определенном смысле представления Д.Б. Элькониной о критическом периоде инкорпорируют линии, возникающие в работах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева, — он развивает деятельностную концепцию онтогенеза, утверждает и развивает идею о несводимости кризиса к простой смене деятельностей. Он выделил несколько периодов (или этапов) развития личности от рождения до окончания школы: младенчество (до года), основным новообразованием которого является формирование потребности в общении, раннее детство (1—3 года), когда происходит развитие речи и наглядно-действенного мышления, дошкольный возраст, который подразделяется на младший и средний дошкольный возраст (3—4,5 года), старший дошкольный возраст (от 4—5 до 6—7 лет). Основным новообразованием дошкольного возраста является стремление к социально значимой деятельности, что лежит в основе готовности к школе. Следующий за этим младший школьный возраст (от 6—7 до

10—11 лет) является периодом формирования произвольности психических явлений и внутреннего плана действий. Подростковый возраст (от 10—11 до 13—14 лет) является возрастом таких новообразований, как критическое отношение к людям, стремление к взрослости и самостоятельности, умение подчиняться нормам коллективной жизни. В период раннего юношеского возраста (от 13—14 до 16—17 лет) происходит формирование мировоззрения, профессиональных интересов, самосознания. Описание каждого из этих периодов включает анализ ведущего вида активности ребенка (например, перехода от игры к учебе, от учебы к труду) и влияние его отношений со взрослыми на его развитие и познание окружающего мира. Основываясь на данных теоретических посылах, Д.И. Фельдштейн разработал периодизацию, которая ориентирована в большей степени на анализ этапов развития личности, а не процесса познания. Он выделил две фазы развития личности: от рождения до 10 лет и от 10 до 17 лет, которые укладываются в три этапа (1-3 года, 3-10 лет, 10-17 лет). Каждый из этапов был поделен на стадии в соответствии с логикой смены ведущего вида деятельности и внутренними преобразованиями личности: развитием определенной стороны деятельности, максимальной ее реализацией, насыщением этой деятельностью и актуализацией другой ее стороны. Д.И. Фельдштейн указывал также на важность социальной позиции ребенка и плавности или резкости ее смены в процессе жизни, т.е. на подготовленность ребенка к новому этапу жизни.

В плане влияния среды на процесс развития личности интерес представляет концепция А.В. Петровского, которая включает две модели. Первая модель демонстрирует процесс развития личности в относительно стабильной среде, вторая — в изменчивой, при этом учитываются возрастные этапы развития личности. А.В. Петровский выделяет три эпохи развития личности: эпоху детства, которая является важнейшим периодом формирования личности, эпоху отрочества и эпоху юности.

Таким образом, в отечественной традиции изучение этапов развития личности концентрируется в основном на детальном и тщательном анализе процесса формирования личности от рождения до возраста окончания школы - юношества. Исследованию этих периодов жизни человека посвящены многочисленные работы последователей В.С. Выготского: Д.Б. Эльконина, А.В. Петровского, Д.И. Фельдштейна, Л.И. Божович и др.

К изучению периода, следующего за моментом достижения определенной «зрелости», отечественные исследователи обратились много позже в рамках новой отрасли психологического знания - акмеологии, не выделяя, однако, специфических периодов или этапов в развитии личности на этом возрастном этапе вплоть до геронтологического возраста, либо в связи с циклическими изменениями в семейной жизни в рамках семейной психологии и психотерапии.

Полная периодизация всего жизненного цикла развития человека представлена англо-американскими учеными (Д.-Б. Бромлей, Д.-Б. Биррен, Д. Векслер), отечественными физиологами, представившими ее на симпозиуме в АПН СССР (1965), антропологами (В.В. Бунак, В.В. Гинзбург).

В западной психологии представление об этапах развития личности многоаспектно. Можно выделить следующие подходы: представление о смене некоторой структуры или организованности (Ж. Пиаже, Л. Колберг), изучение психологических механизмов возникновения нового (Я. Боум), а также представление о кризисе (конфликте) как о характеристике некоторого возрастного периода (Э. Эриксон, Д. Левинсон). Сам термин «развитие» включает две трактовки: нормативное развитие (описание общих изменений, присущих всем людям) и индивидуальное развитие (описание вариативности нормы в способностях, стилях, предпочтениях и способах выполнения действий) (Поливанова К.Н., 2000).

Деление онтогенеза на отдельные нормативные (т.е. обязательные, в противном случае приводящие к искажениям в развитии) стадии существует в различных западных парадигмах, в частности, в психоаналитической, неопрейдистской, а также в теории когнитивного развития Ж. Пиаже, в трудах англо-американских ученых, изучающих эту проблему, таких, как Д.-Б. Бромлей, Ш. Бюллер, Д. Векслер, Д. Левинсон.

Д.-Б. Бромлей является автором возрастной периодизаций, построенной на основе сравнительно-возрастных характеристик большого диапазона возрастов, в которой выделяются внутриутробный период, детство, которое подразделяется на младенчество (от рождения до 18 месяцев), дошкольное детство (19 месяцев — 5 лет) и раннее школьное детство (5—13 лет). Следующим периодом является юность — период полового созревания или ранняя юность (11—15 лет) и поздняя юность (15-21 год). Самый длительный период - взрослость (21—65 лет) делится на раннюю взрослость (21—25 лет), среднюю взрослость (25-40 лет), позднюю взрослость (40-55 лет) и предпенсионный возраст (55—65 лет). С 65 лет начинается старение. Старый возраст продолжается с 65 до 70 лет, затем следует дряхлость (Степанова Е.И., 2000).

Ш. Бюллер предложила концепцию пяти стадий взрослой жизни человека, основываясь только на рассмотрении профессиональной жизни человека. Она выделяет следующие стадии: первая стадия (16—20 лет) предшествует профессиональному самоопределению; вторая стадия (16-20 - 25-30 лет) характеризуется поисками своего призвания и профессии; третья стадия — пора зрелости личности (охватывает период от 25 до 45—50 лет), ее основой является нахождение сферы применения своих сил, возможностей, в этот период происходит уточнение жизненных планов и их реализация, накопление жизненного опыта; четвертая стадия жизненного цикла наступает в возрасте от 45-50 до 65-70 лет, когда происходит завершение профессиональной деятельности;

пятая стадия наступает после 65 лет и длится до завершения жизни, это период, в котором профессиональная деятельность сменяется общением (Степанова Е.И., 2000).

Наиболее известной и широко применяемой является периодизация Э. Эриксона, в которой выделяются не только этапы развития в период детства и юности (соответствующие оральной, анальной, фаллической и латентной стадиям по З. Фрейду), но и три стадии взрослости, которым Э. Эриксон не дает специальных названий: шестая стадия (ранняя зрелость — 20—25 лет), когда совершается базовый выбор между близостью и изоляцией, седьмая (средняя взрослость — 25-64 года), как выбор между общечеловеческими ценностями и самопоглощенностью и восьмая (поздняя взрослость), как выбор между цельностью и безнадежностью. Таким образом, по Э. Эриксону, каждый этап развития личности представляет собой кризис (конфликт) как выбор между благоприятным и неблагоприятным направлениями в развитии, в отличие от представления о кризисе в отечественной психологии. Критический период — это отрезок времени, когда данная характеристика подвержена особо интенсивному развитию, если же она испытывает неблагоприятные воздействия, она оказывается особо уязвимой (Хьел Л., Зиглер Д., 1998).

Г. Крайг определяет кризис как «единственный отрезок времени в жизненном цикле организма, когда определенный средовой фактор способен вызвать эффект» (Крайг Г., 2000). Такая трактовка кризиса делает данное понятие синонимом термина «сензитивный период». Таким образом, восемь стадий по Э. Эриксону - это восемь сензитивных, стабильных периодов, если рассматривать их с позиций Л.С. Выготского. Э. Эриксон не говорит о механизмах перехода от одной стадии к другой, но новое качество, возникающее в каждом периоде, является двухполюсным (антиподом другого разрешения конфликта) и поэтому оказывается внутренне конфликтным. Таким образом, концепция Э. Эриксона во многом перекликается с позициями отечественных психологов (историзм, социальная обусловленность развития, стратификация онтогенеза) (Эриксон Э., 1999).

Согласно теории Э. Эриксона, хотя специфические, связанные с развитием конфликты становятся кризисными только в определенных точках жизненного цикла и приобретают более важное значение, по сравнению с другими в этот период, однако каждый из конфликтов присутствует в течение всей жизни человека. Первая психосоциальная стадия соответствует оральной стадии по З. Фрейду и охватывает первый год жизни человека. По тому, как за ребенком ухаживают в младенчестве, он узнает, заслуживает ли окружающий мир доверия. Если его потребности удовлетворяются, к нему относятся с вниманием и заботой, обращаются с ним последовательно, у него складывается общее впечатление о мире, как о месте безопасном и достойном доверия. В противном случае, если мать некомпетентна, отвергает ребенка, или он перестает быть для нее главным

центром внимания, например, при возобновлении карьеры или рождении следующего ребенка,

у него формируется установка, направленная на мир в целом, связанная со страхом, подозрительностью, опасением за свое благополучие. Если данный кризис не находит разрешения в течение первого или второго года жизни, то в соответствии с эпигенетическим принципом, предложенным Э. Эриксеном, дилемма «доверие—недоверие» будет проявляться снова и снова в каждой последующей стадии, хотя она и является специфической для периода младенчества (Крайг Г., 2000).

Вторым кризисным этапом развития личности ребенка является формирование автономии или стыда в период мышечно-анальной стадии, приходящейся на период от 2 до 3 лет. В этом возрасте, начиная ходить, дети открывают для себя возможности своего тела и способы управления им. При благоприятном разрешении конфликта, когда ребенку удастся делать что-то самостоятельно, он приобретает чувство уверенности в себе, у него развивается самоконтроль. В случае неблагоприятного исхода данного кризиса формируется неуверенность, сомнение в собственных силах. Важность данного периода для развития личности отмечается и всеми отечественными исследователями вслед за выделившим кризис трех лет Л.С. Выготским (Выготский Л.С., 1982).

Конфликт между инициативностью и виной — последний в дошкольном периоде развития ребенка — приходится на 4-5 лет (локомоторно-генитальная стадия). В этот период дети исследуют мир и начинают на него воздействовать. Если исследовательская деятельность в целом эффективна, ребенок научается взаимодействовать с окружающими предметами и людьми конструктивным способом, у него формируется инициативность как черта характера. Э. Эриксон указывает на связь степени инициативности, приобретаемой ребенком на этой стадии с экономической системой общества. Он утверждает, что потенциальные способности ребенка трудиться продуктивно в будущем, его самостоятельность в контексте данной социально-экономической системы существенно зависят от его способности решить кризис этой фазы.

Четвертый психосоциальный период продолжается от 6 до 12 лет и соответствует латентному периоду в теории З. Фрейда. В этот период ребенок усваивает культурные навыки, обучаясь в школе, развивается также логическое мышление, самодисциплина, способность взаимодействовать со сверстниками, способность выполнять предписанные обществом правила. Благоприятными обстоятельствами является развитие чувства трудолюбия у ребенка, когда он начинает постигать технологию своей культуры, обучаясь в школе. Если интерес подкрепляется и удовлетворяется учителями, родителями, сверстниками, то кризис «трудолюбие — чувство неполноценности» разрешается в сторону трудолюбия. При негативном оценивании ребенка, по сравнению с другими, частых неудач у ребенка формируется пассивность, чувство неполноценности,

причем чувство собственной компетентности в этом возрасте во многом зависит от успеваемости в школе и оценок учителя и сверстников, чему существуют подтверждения и в отечественных исследованиях этого возраста (Абрамова Г.С., 1998).

Юность, на которую приходится пятая стадия в схеме жизненного, цикла Э. Эриксона, считается важнейшим периодом психосоциального развития личности. Еще не взрослый, но уже не ребенок, подросток (12-20 лет) сталкивается с различными новыми социальными задачами, новыми ролями. Новый психосоциальный параметр, появляющийся в юности, на положительном полюсе представляет собой эгоидентичность, в случае неблагоприятного разрешения конфликта — ролевое смещение. Задача подростка состоит в том, чтобы собрать воедино все имеющиеся к этому времени знания о себе и интегрировать эти многочисленные образы в личную идентичность, которая представляет собой осознание прошлого, настоящего и будущего, которое логически следует из него. Согласно Э. Эриксону, основы для благополучного разрешения этого кризиса закладываются в детстве. Однако, кроме этого, развитие личной идентичности происходит под сильным влиянием тех социальных групп, с которыми подросток себя идентифицирует. Неспособность молодых достичь личной идентичности приводит к состоянию, которое Э. Эриксон назвал кризисом идентичности - неспособность выбрать карьеру, продолжить образование, сопровождаемые чувством собственной бесполезности, душевного разлада, бесцельности. Но даже благополучное разрешение этого кризиса не дает гарантии, что проблемы идентичности не появятся на следующих стадиях или что не будет найдено новое решение старых проблем (Абрамова Г.С., 1998). В отечественной традиции данный кризис также является объектом пристального внимания и изучения исследователей, которые определяют его как важнейший этап формирования личности, период первого серьезного выбора, влияющего на дальнейшую жизнь личности, — профессионального самоопределения (Абрамова Г.С., 1998), период выбора, усвоения и интеграции репертуара ролей, имеющихся у подростка (Кон И.С., 1978).

Следующим и самым длительным этапом развития личности является взрослость, изучение которой заслуживает самого пристального внимания, по мнению Э. Эриксона.

В истории развития возрастной психологии характеристики взрослого человека выполняли функции эталонов по отношению к различным периодам роста, созревания и формирования личности в годы детства, отрочества и юности. А сама взрослость рассматривалась как стабильный период. Так, например, французский психолог Э. Клапаред характеризовал взрослость, как «окаменелость», когда прекращается процесс развития. Э. Эббингауз выделял в развитии памяти три периода и определял возраст 25—50 лет, как не изменяемый в отношении данной функции. Выделяемые Ж. Пиаже основные стадии развития

интеллекта относятся к дошкольному и школьному возрасту, где завершается, по его мнению, развитие операционного механизма мыслительной деятельности. Кроме того, психологические характеристики взрослого выступали в качестве эталонов и при выявлении инволюционных процессов в период старения. С возникновением геронтологии, данные о молодых людях использовались для определения величины снижения функций или их сохранности в общем инволюционном процессе.

Важнейшим вопросом психологического изучения взрослости является выделение периодов или этапов во взрослости. Традиционно период взрослости определяют возрастом 20—25 — 60 лет, выделяя внутри этого периода несколько отдельных возрастных этапов. Например, Е.С. Абрамова рассматривает взрослость как последовательность следующих периодов: ранняя взрослость — 23-30 лет, переходный возраст — 30—35 лет и зрелость — 36—50 лет. Периодизация Всемирной организации здравоохранения определяет взрослость в рамках 18-60 лет, выделяются ранняя взрослость (18 - 25-30 лет), средняя взрослость (30-45 лет) и поздняя взрослость (45-55 лет для женщин, 45-60 лет для мужчин) (Абрамова ГС., 1998).

Несколько другого подхода придерживается Г. Крайг, которая делит взрослость на три возрастных подпериода (или стадии): ранняя взрослость (20-40 лет), средняя взрослость (40-60 лет) и поздняя взрослость (от 60 и далее), рассматривая таким образом взрослость как период, последующий за юностью, период дееспособности, включающий в себя и расцвет, и инволюцию, который, однако, не имеет четких временных границ (Крайг Г., 2000).

Э. Эриксон также рассматривает данный период, как период способности, обозначая его подпериоды, как раннюю взрослость (20—25 лет), среднюю взрослость (25—64 года) и позднюю взрослость (от 65 и далее) (Эриксон Э., 1999). Он, рассматривая взрослость как период, имеющий свои особенности и задачи развития, выделяет три периода и, соответственно, три различных конфликта, три типа ошений со средой во взрослости. Если в ранней взрослости уста-овление доверительных и близких отношений с другим человеком является фактором развития личности, как антипод изоляции, излишней поглощенности собой и состояния, характеризуемого социальным вакуумом, то период средней взрослости, охватывающий самый длительный отрезок времени в жизненном цикле индивида, является выбором между продуктивностью (как озабоченностью человека не только собственным благополучием, но и благополучием следующего поколения, а также состоянием общества, в котором будет жить и работать это поколение) и инертностью. Одной из характеристик данного возраста является забота, происходящая из чувства, что кто-то или что-то имеет значение, как противоположность безразличию и апатии. Забота — это расширение взятых на себя обязательств заботиться о других людях, результатах и идеях, к которым человечество проявляет интерес. Согласно Э. Эриксону, такое явление, как «кризис среднего возраста», связано с утратой продуктивности, когда человек не заботится о

других людях, потакает своим прихотям. Проявляется этот кризис в чувстве безнадежности, бессмысленности жизни. Итогом жизни тогда является отчаяние - депрессия, ипохондрия, вызванные осознанием бессмысленности жизни и отсутствием времени на изменения. Продуктивность в средней зрелости помогает обрести интеграцию, выражающуюся в способности осознать значение жизни перед лицом смерти (Эриксон Э., 1999).

Данная трактовка согласуется с точкой зрения К.Г. Юнга, который рассматривает период середины жизни как переход к своей противоположности, рассматривая, например, экстраверсию, как бессознательную тенденцию интроверсии. Таким образом, все депрессии и проблемы данного возраста связаны со встречей со своим бессознательным (Эриксон Э., 1999).

Л. Колберг предложил свою периодизацию этапов развития личности, выделив стадии личностного развития, приходящиеся в основном на период зрелости. По Л. Кольбергу, существует три стадии развития личности, причем индивидуум может остановиться; на каждой из них в своем развитии. Первая, названная предконвенциональной, стадия характеризует период, предшествующий усвоению индивидуумом норм и ценностей общества, характеризуемый поведением, свойственным маленьким детям и отдельным взрослым, когда ведущим процессом личностного развития является адаптация, реализуемая через психологические защиты. Вторая стадия — конвенциональная — характеризуется усвоением социальных норм и ценностей культуры, ведущим процессом личностного развития здесь является социализация, осуществляемая посредством различных механизмов, например, идентификации. Третья стадия - постконвенциональная - соответствует развитию автономной личности, когда индивидуализация является ведущим процессом развития, осуществляемым через интернализацию. Все эти стадии могут наблюдаться у взрослого человека (Поливанова К.Н., 2000).

Американский исследователь Д. Левинсон также рассматривает развитие личности как регулярную последовательность стадий, как стабильных, так и переходных, концентрируя свое внимание на периоде зрелости. В стабильном периоде развитие индивида характеризуется постепенным достижением цели, поскольку существенные задачи развития представляются решенными. В переходной фазе сами способы самореализации оказываются предметом анализа для индивида, а новые возможности — предметом поиска. К таким периодам относится возраст 18—20 лет, когда встает проблема достижения независимости от родителей, когда индивидуумы выстраивают собственную структуру жизни, затем наступает стабильная фаза, на протяжении которой человек находит свое место в жизни. Около 30 лет возникает необходимость пересмотра жизненных схем, причем, если обнаруживается их неправильность, возможно их изменение. При этом возможна дифференциация по половому признаку: мужчины пересматривают собственные карьерные установки и способы их

реализации, а женщины делают окончательный выбор между семьей и карьерой.

Затем в 40—45 лет происходит еще одно переосмысление жизненных ценностей (эти данные касаются мужчин), при этом обнаруживается, что «юношеские мечты так и не осуществились». Факт отрицательного эмоционального переживания этого возраста подтвержден в 80% случаев. Однако можно предположить, что широкое распространение идеи о кризисе среднего возраста провоцирует людей определять свои переживания именно таким образом.

Работы Д. Левинсона касаются взрослости, что делает вопрос о нормативности регулярной смены периодов и фаз еще более неоднозначным, чем это характерно для периодизаций детства. Существенным признаком перехода здесь является анализ субъектом тех характеристик его жизни, которые в стабильный период не были предметом анализа и отношения (Поливанова К.Н., 2000).

Исследования Д. Левинсона проводились на мужском контингенте испытуемых, что вызвало дальнейшие исследования, испытуемыми, в которых стали женщины. Обнаружилось, что у женщин, в отличие от мужчин, стадии жизненного цикла в большей степени детерминированы не хронологическим возрастом, а стадиями семейного цикла — брак, появление детей, оставление детьми родительской семьи. Обнаружились различия в том, какие мечты возникают у мужчин и женщин: у мужчин они связаны с карьерой и профессией, у женщин мечты связаны с семьей и профессией, таким образом оказываются расщепленными, это переживается как чувство раздвоенности. И переживание это не связано с конкретным возрастным периодом, а связано с конкретными обстоятельствами, такими, как, например, необходимость оставить работу ради детей.

Придерживаясь отечественной методологии, Г.С. Абрамова приходит к аналогичному выводу, что данный период протекает по-разному у мужчин и женщин. Если женщина в это время передает ответственность за жизнь своего ребенка самому ребенку, и у нее появляется внутренняя свобода, то для мужчины этот возраст — период нравственного кризиса. Он учится осознавать свой эмоциональный опыт, осваивает роль отца и приходит к необходимости жить правильно везде, строится новая нравственная концепция жизни и, кроме того, появляется новая потребность, характерная для этого возраста - потребность в ученике, у которого можно учиться, обучая его самого. Реализация данной потребности порождает чувство значимости, включенности в жизнь. Таким учеником может быть ребенок. Сложность переоценки жизненных ценностей связана для мужчины с тем, что в сфере его интересов достаточно долгое время находятся чужие люди, карьера и работа. Смена оценок близких людей, налаживание отношений с взрослеющими детьми, кроме того, переживание несоответствия психологического и физического возрастов, притязаний и планов юности и реальности, которая показывает насколько они осуществлены, составляют основные сложности данного возраста для мужчины (Абрамова Г.С.,

1998).

Н.Я. Перн предложил рассматривать развитие личности через «узловые точки», не выделяя определенных этапов жизненного цикла. Согласно его концепции, первой такой «узловой точкой» жизни является возраст 6—7 лет, когда человек созревает как существо, узнавшее о своем существовании, обращенное на себя, свои функции и ощущения. На 12-13 лет приходится вторая «узловая точка», которая состоит в том, что человек осознает себя как часть окружающего мира, который он стремится освоить. В 18-19 лет человек созревает как член общества, развиваются его социально-этические идеи, связанные с другими людьми, закладываются душевные привязанности, понятие о долге. В 25-26 лет формируется мировоззрение, происходит созревание личности, личность осознает себя как явление мира. В 32—33 года человек созревает как деятель, способный осуществить замыслы предыдущего периода. 37—38 лет — вторая вершина деятельности, «когда свежесть еще не потеряна, и уже достаточно высока зрелость» (Степанова Е.И., 2000). 43—44 года — критический «узел», когда деятельность продолжается без заметного ущерба в силу приобретенного опыта. Вслед за этим может начаться спад активности, когда человек просто доживает вторую половину своей жизни, или начаться новое духовное зарождение. Около 50 лет возможен новый творческий подъем, фаза созревания и мудрости, которая уже не делится на стадии (Степанова Е.И., 2000).

Американский исследователь Г. Крайг вообще приходит к выводу о невозможности хронологического подхода к этапам развития личности во взрослости. Она рассматривает две модели возраста — модель перехода и модель кризиса. Модель перехода предполагает, что перемены в жизни заранее планируются, и поэтому человек в состоянии с ними справиться. Модель кризиса - противоположная. При кризисном течении жизни происходит утрата иллюзий, возникает болезненная неспособность справиться с собственными проблемами, разводами, потерей работы, признаками надвигающейся старости. То есть в данном подходе этапы развития четко не выделяются, кризис, таким образом, является не нормой развития, характерной для данного возрастного периода, а негативным вариантом развития (Крайг Г., 2000).

Таким образом, период взрослости рассматривается в западной психологии, как время, когда люди продолжают развиваться, сами отвечают за собственное развитие, критически переоценивают свою жизнь, анализируют ее. Одни могут быть удовлетворены собой и своими достижениями, для других этот процесс может быть болезненным, но так или иначе, независимо от модели, речь идет об особом рода рефлексии, взгляде на собственную жизнь, т.е. в какие-то периоды человек «делает», а в другие — осмысливает сделанное.

В новейших отечественных исследованиях данного возрастного периода ученые также в меньшей степени делят его на определенные возрастные этапы

развития, акцентируя внимание на прохождении определенного кризиса как этапа развития личности. Например, в теоретическом исследовании В.И. Слободчикова (Поливанова К.Н., 2000) взрослость описывается двумя событийными общностями: воспроизводство и творчество в системе общественных деятельностей, творчество в системе экзистенциальных ценностей. Вхождение в новую общность знаменуется кризисом рождения. Позитивное разрешение кризисов связано с тем, что в культуре всегда находится более масштабная форма общности. Вступая в первую из названных общностей, субъект переживает кризис юности - разрыв идеала и реальности, при вступлении во вторую — кризис взрослости, как разрыв личного и общечеловеческого смыслов жизни. В кульминационной точке общности происходит развитие, когда заканчивается освоение новых способов взаимодействия в общности и начинается развитие индивида внутри общности. В данных общностях строится в первой — мировоззрение, во второй — личность, как собственная позиция в культуре и истории. Существует несколько точек зрения относительно того, когда человека можно считать взрослым: первая из них — физиологическая; считается, что взрослость — период, когда человек достигает пика физического развития, что характеризуется такими параметрами, как сила, ловкость, а также способность к воспроизведению потомства; другая точка зрения — юридическая — рассматривает взрослость через призму выполнения социальных норм и правил, оперируя понятиями «норма», «патология», «здоровье»; третья точка зрения — психологическая — представлена, по мнению Г.С. Абрамовой, теми важнейшими новообразованиями, которые вносят в жизнь взрослого человека создание собственной семьи и родительство, профессиональное становление, самореализация. Таким образом, взрослость — это период реализации всех возможностей человека как индивида и как личности (Абрамова Г.С., 1998).

Проблемы возрастного перехода изучаются также в подходах, исследующих «жизненные задачи» (N. Cantor, J.F. Kihlstrom, S. Zirkel). Жизненные задачи — это сознательно принимаемые цели, которые индивид ставит себе в определенные моменты жизни. Они представляют собой важные, аффективно переживаемые личностные интересы, которые определяют усилия личности по самореализации, определяют надежды и мечты индивида, связанные с его личной историей, и тем, как он смотрит на окружающий мир. Особенно интересны случаи, когда ситуация меняется и, по гипотезе, может трансформировать жизненные задачи. При изменении ситуации жизненные задачи осознаются индивидом с большей легкостью. Во время перехода люди склонны с большей осознанностью относиться к себе и своему месту в мире. Психолог Каспи указывает, что ситуация перехода открывает возможности и для успеха, и для провала, и для изменения, и для стабильности. Актуализация жизненных задач происходит непосредственно перед изменением жизненной ситуации, во время этого изменения и после него. При этом некоторые жизненные задачи могут быть вневременными, а иные (например, достижение независимости) в большей степени связаны с определенным возрастом.

Во время возрастного перехода характерные для возраста в целом жизненные задачи переплетаются с индивидуальными, создавая структуры, определяющие поведение индивида в изменяющихся условиях.

П. Хейманс предлагает следующее определение задачи развития - это особый период, в течение которого индивид имеет возможность доказать окружающим людям, что он (она) действительно может выполнить некоторые действия или обладает некоторой способностью. Реализация этой способности предполагает целесообразное использование его личных и общественных ресурсов, условий. Если окружающие люди («жюри») убеждаются, что индивид имеет эту способность, ему предоставляется право действовать самостоятельно, как будто он действительно приобрел данную способность. Таким образом, задача развития — это механизм связи индивида и социального окружения. Задача может быть решена, если окружающая среда организована как сценарий развития, т.е. как последовательность развертывания задач во времени (Абрамова Г.С., 1998).

Каждый возраст, таким образом, имеет определенные общие для всех индивидов задачи и трудности их выполнения помимо индивидуальных.

Например, по мнению Д. Левинсона, чтобы стать взрослым, мужчина должен справиться с четырьмя задачами развития: 1) увязать мечты с реальностью; 2) найти наставника; 3) обеспечить себе карьеру; 4) наладить интимные отношения (Поливанова К.Н., 2000).

Хотя некоторые теоретики утверждают, что период взрослости разделяется на ряд хорошо различимых стадий развития, сам процесс развития в зрелом возрасте отличается от процессов развития в детстве, отрочестве и юности. Главная особенность развития во взрослости — минимальная его зависимость от хронологического возраста, в гораздо большей степени изменения мышления, поведения и личности взрослого человека определяются обстоятельствами жизни человека — его опытом, родом занятий, установками и т.д. Ход развития во взрослости невозможно четко очертить какими-либо стадиями интеллектуальных или физических процессов, вместо этого он размечен определяемыми культурой социальными ориентирами, а также ролями, которые входят в состав циклов семейной жизни и карьеры.

Период взрослости представляет собой значительный по времени отрезок жизни человека, с этим связаны многие проблемы исследования данного периода. Одним из наиболее спорных вопросов, возникающих при изучении периода взрослости, является понятие «зрелость» применительно к возрастному аспекту развития и ее критерии. Все работы по изучению взрослости можно разделить на работы по акмеологии индивида, акмеологии субъекта деятельности и акмеологии личности. Область акмеологии индивида представлена на сегодняшний день целым рядом фундаментальных исследований и монографическими обобщениями их результатов (Абрамова Г.С., 1998; Реан А.А., 2000; Фернхейм А., 2001). При разработке концепции индивида Б.Г.Ананьев рассматривал его в виде

системы природных свойств, как разноуровневое, структурное образование. Три группы природных свойств (конституциональные, нейродинамические и билатеральные особенности симметрии организма, признаки пола) образуют класс первичных свойств, которые называют индивидуально-типическими. Несомненна зависимость вторичных свойств (темперамент, структура органических потребностей, задатки и сенсорная организация). Выделение первичных и вторичных свойств позволило по-новому решать проблему происхождения психофизиологических функций и рассматривать индивид как целостное образование (Ананьев Б.Г., 2002). Область акмеологии субъекта деятельности в настоящее время разрабатывается в широком спектре вопросов достижения профессионализма деятельности, профессионального мастерства и самореализации в деятельности, продуктивности деятельности, в том числе разрабатывается проблема сохранности продуктивности в позднем онтогенезе, изучаются фазы творческого процесса, особенности его протекания в зависимости от личностных особенностей работника (Реан А.А., 2005). Акмеология личности занимается проблемой социальной зрелости личности. С данной проблематикой связаны различные науки, такие, как педагогика, психология, социология и криминология, как изучение модели социально незрелой личности.

Внутри акмеологии существует несколько взглядов на данный период, в том числе и взгляд на взрослость как возрастное понятие, не связанное с понятием «зрелость». Такое представление в большинстве случаев обосновывается ссылками на Б.Г. Ананьева. Однако сам Б. Г. Ананьев активно обсуждал в своих работах проблему зрелости и пытался выделить объективные критерии зрелости человека, специфичные для различных уровней анализа. Зрелость человека как индивида он связывал с биологическими критериями, но уже умственная зрелость и критерии ее определения представлялись как исторические и социальные (связанные с образованием), в еще большей степени эти критерии определяют гражданскую зрелость (Ананьев Б.Г., 2002).

Таким образом, период взрослости, как специфический этап развития личности, отличается от предыдущего юношеского тем, что в нем заканчивается общесоматическое развитие, достигает своего оптимума физическое и половое созревание, т.е. индивидуальная организация человека достигает своей зрелости. Рассматривая онтогенез индивида, Б.Г. Ананьев подчеркивал, что возрастные изменения и процессы роста, созревания, зрелости и старения характеризуют строго определенную фазность развития, обусловленную физиологической эволюцией и историческим развитием человека. Вместе с тем зависимость между природными свойствами всегда опосредована внешними условиями, как социальной, так и экологической, природной средой. В рамках данного направления изучались гетерохронность развития сенсорных, познавательных функций человека, а также были установлены возрастно-половые особенности внутрифункциональных и межфункциональных корреляционных связей психофизиологических и соматических показателей, изучение корреляционных отношений, которых

позволяет подойти к пониманию целостности психического развития, которая носит внутренне противоречивый характер. Изучение периода взрослости в рамках структурно-динамического подхода к психическому развитию индивида в период взрослости состоит в изучении и учете характера взаимосвязей, степени связанности отдельных сторон психики, выявлении многокачественности, как одной из главных черт развития, путем описания структурных новообразований. Общие закономерности, как хронологические, так и структурные, имеют в разные периоды жизни свои специфические особенности и жизненный смысл. В акмеологический период их действия обеспечивают сохранность достигнутого в прежние годы высокого потенциала и его дальнейшее развитие в имеющихся условиях. Важнейшее значение при этом имеют основные внешние и внутренние детерминанты бытия человека: труд, образование, самообучение, самовоспитание, образ жизни в целом. Их совокупное влияние с учетом наследственных факторов обуславливает продолжающееся психическое развитие в период «акме», но не прямо, а опосредованно, через действие внутренних закономерностей (Поливанова К.Н., 2000). Период взрослости рассматривается (в основном исследователями-приверженцами концепции возрастных кризисов) как критический и неоднозначный, переживания которого очень индивидуальны, различаются для мужчин и женщин, однако подчиняются некоторым общим закономерностям. По мнению всех авторов, важнейшей проблемой данного возраста является переоценка собственной жизни и построение отношений с окружающими, в том числе и с близкими, как способ достижения продуктивности (Э. Эриксон), реализации потребности в принятии (Г. Крайг, А. Маслоу), потребности в ученике (Г.С. Абрамова) (Абрамова Г.С., 1998; Крайг Г., 2000), что позволяет решить основные задачи и преодолеть сложности данного возрастного периода.

Итак, выделение определенных этапов в процессе развития личности на протяжении всего жизненного пути, чаще всего возрастных периодов и связанных с ними преобразований, помогает более глубоко изучить процесс развития личности, однако многочисленные исследования развития личности в интересующий нас период взрослости показывают, что данный период, в отличие от детского возраста, не имеет четко выраженных нормированных по времени этапов развития личности и сами эти временные интервалы значительно более длительны.

1.2.3. Факторы развития личности

Прежде чем анализировать факторы развития личности и их составляющие, обратимся к основному понятию. Смысловое значение понятия «фактор» с лат. означает делающий, производящий. Это - причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные черты (Философский словарь, 2001). В философском словаре дается следующая трактовка: фактор - момент, существенное обстоятельство в каком-либо явлении, процессе, причина или движущая сила, определяющая его характер и специфику (Философский словарь,

2001).

Если рассматривать личность как совокупность стабильных, длительно существующих характеристик, понимание того, как они развиваются, приобретают определенный, свойственный данной личности характер, возможно только при тщательном изучении совокупности причин и факторов, влияющих на развитие личности. В основе анализа развития личности лежит несколько научных теорий, рассматривающих в качестве факторов, влияющих на развитие личности, культурно-исторические детерминанты (Л.С. Выготский) либо мегафакторы, макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы окружающей среды (А.В. Мудрик, У. Бронфенбреннер), либо противостояние между внутренними побуждениями личности и внешними запретами общества (З. Фрейд), которые, однако, могут быть сведены к двум важнейшим факторам — внутренние и внешние детерминанты развития личности.

К внешним, или детерминантам окружения, относятся принадлежность индивидуума к определенной культуре, включая природно-климатический фактор, специфику страны и общества, этнические традиции, принадлежность к социально-экономическому классу и уникальной для каждой семейной среде. С другой стороны, внутренние детерминанты включают генетические, биологические и физиологические факторы (Хьел Л., Зиглер Д., 1998).

Важнейшим содержанием социальной среды является культура, которая формирует личность главным образом потому, что она дает готовые, апробированные решения многих жизненных проблем, включая средства коммуникации, такие, как язык, схемы медицинского лечения, научные достижения, облегчающие жизнь, этика, религия. Культура предлагает хранилище решений, не всегда точных, но всегда доступных. Культура - это набор изобретений, возникших в разных частях мира (или подгруппах населения), чтобы сделать жизнь более эффективной и понятной для людей, сталкивающихся с одинаковыми проблемами: рождением, ростом, смертью, поиском здоровья, благосостояния и смысла. Решения эти передаются из поколения к поколению (Олпорт Г., 2002). Сначала культура - инструмент, обучающий человека удовлетворять свои потребности в обществе. Постепенно она становится ценностью сама по себе, хотя не обязательно все особенности данной культуры усваиваются и интернализируются человеком. Человеческий младенец не может выжить, если о нем не заботятся окружающие. Так как у маленького ребенка мало природных ресурсов для выживания, он, в отличие от многих других организмов, становится «пленником» своей культуры. Первоначально культурную практику удовлетворения потребностей ребенка обычно осуществляет мать, и через домашнюю обстановку, изучаемый язык, школьные правила, экономические традиции и предписания, касающиеся еды, сна и выделений, ребенок начинает познавать ценности своей культуры.

В самом общем смысле можно было бы сказать, что требование социальной среды может выражаться в том, чтобы «подстроить» личность под социальные

стереотипы, нормы и предписания посредством постоянного воспроизводства индивидом в своих поступках, представлениях, образе жизни этих же стереотипов, норм и предписаний. Стремлением личности при такой деиндивидуации может быть стремление «подстроиться» под указанные «схематизмы» путем реального их воспроизведения в индивидуальном поведении и самопрезентироваться, либо показаться среде в качестве воспроизводящего установленных стереотипов, норм и предписаний. Социальная и культурная среда, вырабатывает определенные личностно-характерологические стереотипы для эффективного упорядочения опыта межлических связей, коллективного сосуществования и индивидуальных поступков, а также для эффективного управления деятельностью отдельных членов сообщества.

Стремление индивида «быть как другие», принадлежать к определенной общности людей, или, как это сейчас принято обозначать, иметь социальную идентичность — многоаспектное явление. Оно находит выражение во множестве конкретных проявлений. Анализ социально-психологических особенностей человека в условиях разных социальных формаций и положения современного человека в мире, исследования процессов этнической принадлежности показывает, насколько важную функцию в человеческом бытии выполняет его изначальная потребность в принадлежности к определенной социальной общности. Многочисленные исследования социальных психологов о том, как человек ищет подобия с другими и насколько он испытывает стремление ассоциироваться с ними (Сарджвеладзе Н.И., 1989), данные из детской психологии о роли потребности в симбиозе, принадлежности, безопасности, нежном уходе и общении в психологическом развитии ребенка (Эриксон Э., 1999), изучение социально-ролевой идентичности в плане анализа межгрупповых отношений и группового членства, половой самоидентичности и полового диморфизма с разных сторон демонстрируют первостепенность потребности в принадлежности и поиска идентичности с другими, что является базой для усвоения культурных моделей поведения и восприятия, транслируемой этими другими. Важно отметить, что усвоение культурных моделей происходит в основном в ранние годы жизни, индивидуализация и бунт происходят позже. Реверс (Ол-портГ, 2002) предложил рассматривать в процессе аккультурации три стадии: 1) усвоение культурной модели; 2) сопротивление этой модели; 3) ассимиляцию пересмотренной модели в качестве непосредственного приспособления взрослой личности. Так, например, Н.И. Сарджвеладзе в своей работе, посвященной изучению взаимодействия личности с социальной средой, предлагает рассматривать развитие личности через понятие «личностный способ бытия», которое означает не только и не столько то, насколько человек автономен, но и насколько он стремится к автономности и самостоятельности. По его мнению, личность не только совокупность определенных потенциальных возможностей, которые так или иначе реализуются в ходе жизни, но и субъект, сам стремящийся к реализации этих возможностей (Сарджвеладзе Н.И., 1989).

Однако принадлежность к той или иной культуре приводит в конце концов посредством социализации к нормативным моделям в мышлении, эмоциях и поведении. Осознает ли индивидуум или нет, культурная среда формирует в нем образ себя, форму отношений к другим людям, социальные потребности и способы их удовлетворения, а также цели, ценностные установки, стиль жизни. Даже в самом демократическом обществе принадлежность к определенному социальному классу часто определяет индивидуальный статус человека. Факторы, обусловленные принадлежностью к определенной социальной группе, оказывают влияние на то, в каких наиболее типичных стрессовых и конфликтных ситуациях оказывается индивидуум и каким образом он: ими справляется.

Однако влияние культуры не может быть единообразной последовательностью влияний, сходным образом действующих на всех членов данной культуры. Первоначально влияния среды накладываются на врожденные и наследственные особенности, однако даже при сходных наследственных параметрах, например, у сиблингов, влияние среды может быть сколько угодно различным. В одной семье встречаются дети с разными ожиданиями и отношением к ним: старшие, средние и младшие дети вследствие своего положения в семье испытывают различные социальные влияния (ХьелЛ., ЗиглерД., 1998), культурные предписания по воспитанию девочек и мальчиков разнятся, отличается отношение к детям в зависимости от исторического периода, экономического статуса семьи, образовательного уровня родителей и проч. (Олпорт Г., 2002). Реальная культура, таким образом, не является ; монолитным фактором, она воздействует избирательно — в зависимо-И ста от человека и преобладающих условий.

Однако есть определенные принципы и механизмы (например, интериоризация, идентификация, интернализация), лежащие в основе того, как протекает аккультурация маленького ребенка в данном обществе. Например, родители, служащие моделью для подражания, посредством своих поступков, убеждений и целей, оказывают на детей влияние, сохраняющееся на протяжении всей их дальнейшей жизни. Кроме того, культура предоставляет определенные нормативы для развития личности — возрастные периоды, в которые человек не только получает социальное одобрение за выполнение определенной деятельности (решение социальных задач по П. Хеймансу), но и имеет физические, социальные и психические возможности для ее выполнения и, таким образом, ресурсы для адаптации. Если говорить в терминологии эпигенетического подхода, это возрастные периоды, когда культура предоставляет определенную социальную базу для разрешения возрастных кризисов, что приводит к дальнейшему развитию личности по Э. Эриксону.

Таким образом, фактором развития личности мы будем считать каждую переменную, оказывающую влияние на процесс развития личности в направлении адаптации, как приспособления к условиям жизни в социуме, социализации, как выполнения социальных задач, общих для всех представителей данной культуры в определенный возрастной период, и индивидуализации, как полной реализации

своего Я.

Согласно мнению многочисленных исследователей (Э. Эриксон, Н. Кантор, С. Циркель, П. Хейманс, Д. Левинсон, ГС. Абрамова, Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев), самой общей задачей развития в интересующий нас период взрослости является достижение «зрелости».

Е.И. Степанова полагает, что «зрелость» является синонимичным понятию «взрослость» - это стадия развития личности, представляющая собой развитие человека как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности (Степанова Е.И., 2000).

По мнению Б.Г. Ананьева, значительные трудности в выявлении критериев зрелости и развития личности в этот возрастной период приводят к замене этого понятия термином «взрослость», однако даже на уровне индивида понятия «зрелость» и «взрослость» не полностью синонимичны, еще более расходятся они, когда речь идет о субъекте деятельности или о личности (Ананьев Б.Г., 2002).

«Зрелость» и ее критерии исследовались Б.Г. Ананьевым, он рассматривал зрелость на уровнях индивида, субъекта деятельности, личности и индивидуальности. А.А. Реан (Реан А.А., 2000) предлагает рассматривать зрелость интеллектуальную, эмоциональную и личностную. И в той, и в другой парадигме существует объективная реальность, очерчиваемая понятием «личностная зрелость». А.А. Реан выделяет четыре компонента или критерия личностной зрелости. Эти четыре компонента, по его мнению, являются базовыми, фундаментальными и вокруг них определенным образом формируется множество других. Такими компонентами являются, во-первых «тройка»: ответственность, терпимость, саморазвитие, и, во-вторых, четвертый интегративный компонент, который охватывает все предыдущие и присутствует в каждом из них, — это позитивное мышление, позитивное отношение к миру, определяющее позитивный взгляд на мир. Таким образом, можно сказать, что критерием социальной зрелости является просоциальное поведение.

В настоящее время распространена концепция о двух типах ответственности: ответственность первого типа — когда личность считает ответственной за происходящее в жизни саму себя (интернальный локус контроля по Дж. Роттеру); ответственность второго типа — когда человек склонен считать ответственными за все происходящее в его жизни других людей либо внешние обстоятельства (экстернальный локус контроля), говоря житейским языком, — безответственность. По данным К. Муздыбаева (Муздыбаев К., 1981), существует положительная корреляция между интернальностью и наличием смысла жизни. Исследования А.А. Реана показали, что экстерналов характеризует повышенная агрессивность, тревожность, меньшая терпимость к другим. По его данным, среди молодых делинквентов 84% составляют экстерналы, тогда как среди молодых людей того же возраста,

но с четкой просоциальной направленностью, 72% оказались интерналами. Таким образом, обобщение различных экспериментальных исследований позволяет констатировать, что интернальность (или доминирующая тенденция личностной ответственности) коррелирует с социальной зрелостью и просоциальным поведением. Данная точка зрения поддерживается и в западной экзистенциальной психологии, например, по Э. Фромму, забота, ответственность, уважение и знание — это совокупность качеств зрелого человека (Фромм Э., 1990).

В. Франкл также уделяет ответственности значительное место в своей концепции, утверждая, что духовность, свобода и ответственность - это три основы, три экзистенциала человеческого существования (Франкл В., 1990). Согласно взглядам отечественных психологов, ответственность формируется и развивается в деятельности, в предоставлении личности свободы выбора и ответственности за него.

Второй составляющей зрелой личности является терпимость. Существует два вида терпимости — сенсуальная, как повышения порога чувствительности к различным воздействиям окружающей среды, и диспозиционная, как предрасположенность, готовность к определенной терпимой реакции на среду. За ней стоят определенные установки личности, ее система отношений к миру и другим людям, их поведению, к себе, к воздействию других на себя. При этом такая терпимость не связана с психофизиологической толерантностью, человек может быть терпимым, оставаясь эмпатийным и чувствительным, т.е. терпимость связана с отношением к миру, с мировоззрением личности (Реан А.А., 2000). Можно провести параллели между точкой зрения А.А. Реана и Э. Эриксона: оба говорят об особенностях взаимодействия со средой, обусловленных личностным отношением к ней.

Саморазвитие является основополагающей составляющей зрелой личности. Эта идея является чрезвычайно значимой для многих современных концепций о человеке (А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм, А. Брушлинский, В. Зинченко, Б. Моргунов). Актуальная потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации представляют огромную ценность. Они являются показателем 1 личностной зрелости и одновременно условием ее достижения. С наличием выраженного стремления к саморазвитию связана и успешность профессиональной деятельности, и профессиональное долголетие. Проявляется самоактуализация различными способами — в служении делу, любви к другому человеку (Франкл В., 1990), увлеченность значимой работой (Маслоу А., 1999), или утверждение собственной жизни свободы и развития происходит через способность человека любить (Фромм Э., 1990).

Данная точка зрения перекликается с концепцией Э. Эриксона о восьми основных стадиях развития человека, на каждой из которых личности предстоит сделать для себя определенный выбор, решить определенную для каждого возраста

задачу, при этом нередко сталкиваясь с различными трудностями. Так, на стадии ранней зрелости это установление интимности в широком смысле этого слова, т.е. установление близких отношений, что так или иначе связано со статусом личности в обществе, если вспомнить концепцию жизненных задач П. Хейманса, и с социальным одобрением, т.е. является просоциальным поведением. В средней зрелости - это продуктивность, как интегральная характеристика просоциального поведения, связанная, кроме того, с экзистенциальными переживаниями личности. И здесь важнейшую роль играет, по мнению Е.С. Абрамовой, выполнение родительской функции, как связь с поколениями по Э. Эриксону. Таким образом, сложности и проблемы в этот период связаны с неспособностью человека наладить контакт с социумом в широком смысле и с отдельным человеком в частности.

Таким образом, проанализировав теоретические подходы к пониманию развития личности в интересующий нас период зрелости и факторов, на него влияющих, можно выделить определенные задачи развития, характерные для данного возраста, реализация которых является критерием развития личности в период зрелости. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Как следует из табл. 1, самой общей задачей развития, выполнение которой является фактором развития личности в данный возрастной период, является достижение зрелости. Зрелость можно рассматривать на индивидуальном уровне, уровне субъекта деятельности, личности и индивидуальности (Б.Г. Ананьев). Критерием личностной зрелости является, по мнению отечественных исследователей (Б. Г. Ананьев, А.А. Реан), социальная зрелость, компонентами которой являются ответственность, терпимость, саморазвитие и позитивное отношение к миру (Реан А.А., 2000). Это положение находит подтверждение в концепциях зарубежных авторов, занимающихся данной проблемой, таких, как А. Маслоу, В. Франкл, Э. Фромм, Э. Эриксон, Г. Крайг, Д. Левинсон, П. Хейманс. Кроме того, все исследователи так или иначе выделяют в качестве важнейшей задачи установление интимности, в терминах Э. Эриксона, или установление близких отношений, что является одной из форм просоциального поведения. Реализация задач данного возраста позволяет преодолеть различные трудности, для него характерные. Одним из важнейших путей достижения этого и очень ответственным этапом в развитии личности является родительство.

Таблица 1

Основные оси развития личности в период зрелости

Авторы	Критерии (основные оси) развития личности в период зрелости
Абрамова Е.С.	Установление интимных отношений выполнение родительской роли. Просоциальное поведение

Ананьев Б.Г.	Уровни	Биологическая зрелость Трудовая зрелость, мастерство Социальная зрелость Гражданская зрелость
	Индивид Субъект деятельности Личность Индивидуальность	
Кантор Н., Циркель С.	Выполнение жизненных задач, возникающих в общественной жизни Просоциальное поведение Установление интимных отношений Выполнение родительских функций	
Кольберг Л.	Адаптация Социализация Индивидуализация	
Левинсон Д.	Выполнение задач развития:	«Увязать» мечты и реальности Найти наставника Обеспечить карьеру Интимные отношения
Маслоу А.	Самоактуализация Реализация любимого дела	
Реан А.А.	Достижение, формирование :	Ответственности Терпимости, толерантности Саморазвития Позитивного социального мышления
Хейманс П.	Жизненные задачи, которые ставятся обществом Просоциальное поведение	
Франкл В.	Ответственность Любовь к другому человеку Духовность Свобода	
Фромм Э.	Любовь Забота Уважение Знание	
Эриксон Э.	Достижение интимности Достижение продуктивности Просоциальное поведение Участие в связи поколений	

Таким образом, в процессе анализа проблемы развития личности были рассмотрены теоретико-методологические подходы к изучению развития

личности в исторической перспективе эволюции взглядов на данную проблему, а также основные этапы и факторы, влияющие на личностное развитие при прохождении этих этапов. Опираясь на утверждение Г.С. Абрамовой, Н. Кантора, С. Циркеля о том, что родительство является одной из важнейших задач развития в период взрослости, и мысль Э. Эриксона о том, что достижение продуктивности в период средней зрелости является положительным разрешением психосоциального конфликта, ведущим к дальнейшему развитию личности, представляется закономерным рассмотрением психологического феномена отцовства как фактора, влияющего на эффективное развитие личности.

1.3. Методы изучения феномена отцовства и факторов оптимизации развития личности

Б.Г. Ананьев предложил применяемые в психологии методы исследования поделить на четыре группы: организационные - данные методы характеризуют научный подход в исследовании, эмпирические, обрабатывающие и интерпретационные (Ананьев Б.Г., 2002). В возрастной психологии взрослых в настоящее время сложилось два подхода к изучению личности: возрастной и индивидуально-психологический, или личностный. Первый из подходов отличается оперированием количественными показателями, по которым прослеживается возрастная изменчивость в процессах, функциях, интеллекте личности. Массовый экспериментальный материал, полученный при работе: большим количеством испытуемых, подвергается статистической обработке, в результате которой получают средний показатель развития определенной функции или процесса. Показатели индивидуально-психологических особенностей личности необходимы для выявления закономерностей развития, вместе с тем путь индивидуального развития может быть глубже понят на основе сравнения с общими закономерностями возрастного развития. Данный подход был взят в качестве методической базы нашего исследования.

Второй подход с применением лонгитюдного метода характеризуется изучением изменений индивидуально-психологических особенностей человека на протяжении определенного периода его жизни. Группу эмпирических методов составляет набор методов и методик добывания научных фактов, среди которых наиболее распространенными являются наблюдение, эксперимент, тесты, беседа, анкетирование, изучение продуктов деятельности, каждый из которых может быть применим для изучения особенностей отцовства. Так, например, наблюдение и беседа успешно применяется для изучения культурной специфики практики родительства в Германии и США (Scholmerich A., Wessels H., 1998; Harwood R.L., Scholmerich A., Schulze P.A., Gonzalez Z., 1999). В данном контексте реже применимы экспериментальные методы в связи с ограничениями этического порядка. Анкетирование и другие опросные методы позволяют

определить представления испытуемых, касающиеся различных вопросов, связанных с родительством, в частности с отцовством (Т.А. Гурко, И.С. Кон., А.В. Алексеева, В.Ф. Анурии, А. Gerhard, K. Canfield, H. Keller).

Третью группу методов составляют методы обработки данных, полученных с помощью эмпирических методов. Обнаруженные в исследовании факты подвергаются качественной и количественной обработке. Качественная обработка используется при обработке единичных феноменологических фактов, для получения групповых показателей акцент делается на количественных методах обработки, в том числе и в сочетании с качественными. Применение методов статистической обработки зависит от целей и задач исследования: при задаче проследить динамику изменений достаточно средних показателей и выявления степени достоверности различий, при изучении структурных изменений применяют корреляционный и факторный анализы.

Полученные факты могут служить аргументом для научных выводов только при достоверной интерпретации. Выявление причинно-следственных связей, вычленение существенного в различных фактах и установление на этой основе общих закономерностей в изучаемых явлениях, обнаружение тенденций развития относятся к завершающему этапу исследования, составляющему четвертую группу методов - интерпретационных, которые составляют: генетический и структурный методы. В исследовании родительства выбор интерпретационного метода зависит от позиции или подхода исследователя к данной проблеме. Можно выделить два основных подхода к изучению родительства в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения - ребенок или родитель. Первый, наиболее распространенный, рассматривает родительство применительно к развитию ребенка (Е.П. Ильин, И.С. Кон, Г.Г. Филиппова, Н.Н. Авдеева, Lenzen D., 1991; Fthenakis W.E., 1984, 1998; Lamb M.E., Leyendecker B., Scholmerich A., 1998; Barth S., 1999; Hewlett B.S., Lamb M. E., Leyendecker B., Scholmerich A., 2000). Во втором подходе (С.Ю.Мещерякова, Verlinden M., 2000) рассматривается выполнение родительской роли через призму личности родителя. Здесь исследуются самореализация личности в родительстве, вводятся понятия «социальная роль», «статус», «социальные нормы», «стереотипы и требования», исследуется феномен так называемого родительского «инстинкта» (материнского и отцовского), чувства, образы - Я, Я-концепция и другие личностные характеристики, так или иначе связанные и изменяющиеся с родительством (Barth S., 1999).

В исследованиях отцовства в основном используется генетический метод в связи с тем, что большинство исследователей изучают отцовство через призму его влияния на ребенка. В нашем исследовании мы придерживались как генетического подхода в интерпретации результатов, так и структурного при разработке структурной модели феномена отцовства.

Родительство, в том числе и отцовство, является важнейшим аспектом развития личности в период взрослости. Актуальность, связь со всеми

социальными, социально-психологическими процессами и с психологией личности, и с экзистенциальной психологией, и с социальной психологией, и с психологией развития, а также малая изученность, с одной стороны, и сложность исследования вопросов данной проблематики, неразработанность и отсутствие одной сколько-нибудь определенной точки зрения или подхода к данной проблеме, с другой стороны, обуславливают специфику исследования данной области в отечественной и зарубежной психологической науке.

Родительство — достаточно значимый аспект жизни каждого индивида, поэтому существует большое количество исследований и теоретических обобщений по данной теме, но в то же время, если материнская роль, статус, особенности формирования чувства материнства, изменения, происходящие во время беременности, изучаются (Филиппова Г.Г., 2001; Авдеева Н.Н., 1997; Алексеева А.В., 2003; Батуев А.С., 2002; Брутман В.И., 1997; Родионова В.С., Гурко Т.А., 2000; Мухамедрахимов Р.Ж., 1994; Смирнова О.Е., Божова М.В., 2000; Суханова К.Н., 2003), то проблемами формирования отцовского чувства и роли отца, если и занимаются, то в основном в теоретическом аспекте. Например, И.С. Кон изучал данную проблему в историческом и филогенетическом контекстах (Кон И.С., 1988), Е.П. Ильин - в рамках изучения психофизиологического статуса родителя (Ильин Е.П., 2002), Г.С. Абрамова - в рамках возрастной психологии (Абрамова Г.С., 1998), В.В. Бочаров (Бочаров В.В., 1999), изучая антропологию возраста, как и И.С. Кон, в историческом и культурном аспекте, Т.А. Гурко, изучавшая вариативность представлений в сфере родительства (Гурко Т.А., 2000), (Короленко Ц.П., Дмитриев Н.В., 2003), И.Ф. Дементьева, рассматривавшая негативные факторы воспитания детей в неполной семье, а также Е.А. Островская, исследовавшая проблему совместных родов как медик.

Таким образом, психологических исследований данной темы мало, в основном это теоретический анализ частных аспектов проблемы. В последнее время возрастающий интерес к этой проблеме выражается в появлении новых теоретических исследований. Например, исследование И.М. Марковской (Марковская И.М., 2003), изучавшей специфику представлений о семейных тендерных ролях у различных поколений, работа Н.А. Коркиной (Коркина Н.А., 2003), изучавшей отцовство в современной семье. Изучается влияние отношений с собственным отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей (Архирева Т. В., 2005), специфика психологического сопровождения родительства (Овчарова Р.В., 2005), стереотипы современного отцовства (Беляева Т.Б., Сокол О.В., 2005), влияние родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству (Демчук Н.А., 2005), зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве (Литвинова А.В., Большакова Н.Г., 2005), проблемы эмоционального состояния детей в неполных семьях (Казарян М.Ю., Сайфугалиева А.И., 2005), социально-психологические особенности формирования личности ребенка в

неполной семье (Колисниченко Е.А., 2005), проблемы детско-родительских отношений (Минияров В.М., 2005), вопросы психологической готовности к отцовству (Неумоина Е.С., 2005), проблема семейных отношений в период ожидания ребенка (Полотнжж М.В., 2005), особенности патеральной депривации в условиях семейного восприятия (Федорова Н.В., 2005), проблема становления тендерной идентичности ребенка в семье (Целуйко В.М., Толстых М.А., 2005).

Большое количество исследований по данной проблеме проводятся в Германии и США. Исследуются различные аспекты феномена отцовства: статус отца (Behrendt V., Himmelsbach P., 1987; Bergmann J.-R., 2001) и его поведение по выполнению отцовской роли (Canitz H. – L. V., 1982; Horst P., 1999); удовлетворенность мужчины отцовством, в том числе и выполнением роли отца (Fthenakis W.E., 1985, 1988); удовлетворенность отношениями с собственным отцом и перенос паттернов поведения по выполнению роли, общения и отношений к ребенку и с ребенком (Lenzen D., 1991, Scheffer D., Chasiotis A., Restemeier R., Keller H., Scholmerich A., 2000), а также социальные и демографические проблемы отцовства (Scholmerich A., 2000; Vogt G.M., Sirridge S.T., 1993; Fthenakis W.E., 1996, 1999; Barth S., 1999).

Немецкие исследователи занимаются проблемами социального изменения отцовства (Fthenakis W.E., 1999), трансформации ролей в обществе (Jopt J.-U., 1998); изменения социальных стереотипов и установок относительно того, каким должен быть отец (Barth S., 1999; Stechhammer B., 1981); проблемами семейной психологии, выполнения мужчинами ролей в рамках семьи в изменяющихся условиях современного общества (Пагке R.D., 1982; Pohle-Hauss H., 1977; Pruett K.D., 1988; Behrendt V., Himmelsbach P., 1987); исторические и культурные предпосылки современного стереотипа отцовства (Olivier C., 1997; Lenzen D., 1991); психологические особенности отцовства (Fthenakis W.E., 1985), такие, как удовлетворенность собственной ролью, отношениями с ребенком, супругой и окружающими (Fthenakis W.E., 1999; Stechhammer B., 1981), а также исследуется процесс становления отца, его психологических характеристик, принятие роли, изменение Я-концепции в отцовстве, возрастные закономерности данного феномена (Schneider W., 1989).

Проанализировав литературные источники, посвященные описанию исследований, можно сказать, что проблема отцовства достаточно широко исследуется в США и Германии, а также привлекает довольно широкое общественное внимание: американские исследователи ориентированы на практику и практическую помощь родителям в выполнении их функций (Canfield K., 1999, Eagle P.L., 1994), исследования носят прикладной характер (Beahm B.) и позволяют отследить многие закономерности и особенности феномена отцовства в современном обществе, чаще всего социологические (Doherty W.J., 1993). Кроме того, в США существует несколько коммерческих и некоммерческих организаций (например, The Fatherhood Coalition, возглавляемая M. Charalambous, National Center for Fathering, во главе с Dr. K. Canfield, The March Of Dimes и др.),

деятельность которых направлена на оказание консультационной помощи, информационной поддержки родителей и проведение различного рода семинаров и тренингов для молодых семей, одиноких отцов и т.п. (например, Canfield K., 1999), а также финансирование различных исследований родительства и связанных с ним проблем. Помимо этих организаций, Департамент образования США также финансирует исследования, посвященные современным проблемам семьи (например, Nord C.W., Brimhall D.A., West J., 1997). Немецкие исследования более фундаментальны и ориентированы как на практику, так и на теоретическое осмысление и обоснование практических результатов исследования и изучения проблемы. Например, приверженцы психоаналитического подхода, весьма распространенного в Германии, продолжают развивать мысль З. Фрейда о социализирующей роли отца. Согласно этой концепции, мать дает ребенку безусловную любовь и принятие, отец — любовь условную, за выполнение каких-то предписаний, и одновременно защиту (Lenzen D., 1991). Однако по сравнению с началом XX в. сейчас меняются научные теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям (Camus J., 2001). Например, раньше было распространено и в быту, и в науке представление о том, что мать лучше справляется и взаимодействует с ребенком-младенцем «по природе», подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, поэтому она более компетентна в уходе за ребенком. Поэтому отец может довольствоваться только так называемой ролью «заместителя матери», т.е. он заменяет мать, когда ее нет, и помогают ей, выполняя ее поручения. Например, по данным американского центра отцовства (National Center for Fathering (Canfield K., 1999)) большинство матерей полагают, что отцы менее компетентны в различных сферах, касающихся воспитания детей, приводя в подтверждение этого время, проводимое с детьми. 71% мужчин, имеющих детей до 18 лет, на вопрос «Часто ли вы делаете какие-нибудь дела совместно с ребенком?» ответили «Да», в то время как только 55% матерей ответили «Да» о своих мужьях (Canfield., 1999).

Но многие ученые (Heiliger A., 1989, Barth S., 1999) считают, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за совсем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать, что доказано исследованиями. Некоторые исследования показали, что в процессе «становления отца» еще в период беременности партнерши в организме мужчины, как и женщины, происходят гормональные изменения. В течение всего периода беременности у мужчины - будущего отца — понижается уровень тестостерона в крови (Werneck H.).

Эти и многие другие исследования подтверждают, что отец может заботиться о ребенке так же хорошо, как и мать, и что здесь нет никаких генетических различий. Кроме того, во многих исследованиях прослеживается тенденция к увеличению количества отцов, которые принимают самое активное

участие в жизни своего ребенка, начиная с момента его рождения (Schneider W., 1989).

Исследования оптимизации развития личности также проводятся в зависимости от теоретического подхода к самому понятию развития личности. Такие исследования могут иметь сугубо теоретический характер, как, например, исследование самоактуализации личности Маслоу, либо более практический (К.Г. Юнг, В. Франки). Многие исследователи изучают отдельные аспекты оптимизации развития личности, такие, как нравственное становление личности и его аспекты (Орбан Л.Э., 1992), основы эмоционально-нравственного развития личности (Корниенко НА., 1998), основы саморегуляции психической устойчивости личности (Секач М.Ф., 1999), феномен активности в развитии личности (Хайкин В.Л., 2001) и др. Большинство исследований данной темы в нашей стране выполнены в рамках акмеологии и зачастую являются исследованиями профессионального роста и самореализации; в профессиональной сфере (Степанова Е.И., 2000; Реан А.А., 2000), это исследования психологических особенностей оптимизации управленческой деятельности военных кадров (Лаптев Л.Г., 1995), оптимизации гуманитарно-технологического развития государственных служащих (Гусева А.С., 1997), становления Я-концепции в управленческой деятельности (Агапов В.С., 1999), оптимизации личностно-профессионального развития госслужащих регионального управления (Дьячков В.М., 1997) и др. Большинство акмеологических исследований проводятся с помощью статистических методов обработки данных, часто с применением экспериментального метода.

Таким образом, феномен отцовства, как и проблема оптимизации развития личности, исследуется в широком спектре проблем и вопросов, особенно за рубежом, однако сложность и многогранность данной проблемы, трудности в построении экспериментальных исследований, необходимость теоретического, социально-культурного и философского осмысления феномена отцовства, а также глубина и связь данного феномена с вопросами социологии, социальной психологии, психологии развития, психологии личности, антропологии, истории, культурологии, педагогики и многих других наук обуславливает малую изученность многих аспектов данной проблемы.

ГЛАВА 2. ОТЦОВСТВО КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: СТРУКТУРА, СОДЕРЖАНИЕ, ОНТОГЕНЕЗ

2.1. Проблема определения отцовства

Анализ литературы, посвященной проблемам семейной психологии, показал, что, несмотря на то, что проблема широко исследуется, единого мнения относительно структуры феномена отцовства не существует. Нет даже четкого определения, т.к. данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как «роль», «статус», «чувства», «мотивация», «ценностно-мотивационная» или «потребностная сфера» или «самооценка».

Однако изучение феномена отцовства неразрывно связано с понятием «родительство», достаточно сложно определяемым, но в то же время более широким, чем понятие «отцовство».

И. С. Кон определяет родительство как систему взаимосвязанных явлений, включающих: а) родительские чувства, любовь, привязанность к детям; б) специфические родительские роли и нормативные предписания культуры; в) обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания (Кон И.С., 1988).

Р.В. Овчарова считает, что родительство — это социально-психологический феномен, представляющий собой эмоционально и оценочно окрашенную совокупность знаний, представлений и убеждений относительно себя как родителя, реализуемую во всех проявлениях поведенческой составляющей родительства (Овчарова Р.В., 2005).

Российский социолог Т.А. Гурко обращает внимание, что в англоязычной литературе существует два термина, определяющих родительство: термин «parenthood» используется в анализе институциональных характеристик родительства, термин «parenting» — для раскрытия родительских ролей, одобряемых конкретной культурой моделями обращения с детьми.

Само же отцовство определяется в основном через введение общих научных терминов, которые позволяют выделять сложность изучаемого феномена.

Р.В. Овчарова подчеркивает, что отцовство является системным образованием, имеющим свою структуру и функции. Т.В. Архирева считает, что отцовство — открытая система, имеющая свою достаточно устойчивую структуру, — компоненты, связи и уровни, а также осуществляющая взаимосвязь с окружающей средой, в результате чего возможно развитие данной системы (Архирева Т.В., 2005).

Для дальнейшего изучения отцовства необходимо четкое определение данного феномена, не основывающееся на отдельных понятиях, таких, как «чувство», «инстинкт», и в то же время конкретно определяющее специфические особенности явления.

Мы полагаем, что «отцовство» можно определить, как категорию психология личности, отражающую основные этапы развития личности, характеризующую

комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмотивно-аксеологическом, когнитивном и операциональном; включающую в себя оценочный компонент и необходимость выполнения следующих функций: защитной - как кормилец и защитник; презентативной — как персонификация власти, воспитатель и высший дисциплинизатор; ментальной - как пример для подражания; социализирующей — как наставник во внесемейной общественной деятельности и отношения, транслятор социальных норм, фигура, обеспечивающая связь поколений.

2.2. Филогенетические предпосылки отцовства

В виду того, что родительство, и в частности отцовство, является многомерным и многоаспектным феноменом, имеет глубокие исторические корни, во многом детерминировано генетическими и видовыми особенностями прокреационного процесса *Homo sapiens* и в то же время связано с социальной сферой активности личности, личностным развитием, и, несмотря на важность и длительную историю, достаточно мало регламентировано и изучено, исследование данного феномена требует четкого методологического принципа, положенного в основу его изучения. Для теоретико-методологического изучения психологического концепта отцовства во избежание каких-либо упущений и неполноты анализа в качестве основы нами был взят принцип общего научного пентабазиса, предложенного для анализа психических феноменов В.А. Ганзенем, который обосновал целесообразность изучения любого психического феномена с точки зрения четырех его характеристик: пространственной, временной, энергетической и информационной (Сарджвеладзе Н.И., 1989). В целях упорядочивания анализа нами в качестве пространственной характеристики было принято культурное пространство приложения феномена, в качестве временной характеристики — процесс становления феномена в филогенезе и онтогенезе, его этапы, информационной — информационная осведомленность мужчины, энергетической — его активность.

Проблема природы родительских чувств очень противоречива. Существует точка зрения, что поведение родителей детерминировано врожденными инстинктами, потребностью в продолжении рода, а отсутствие родительских чувств является проявлением нарушения этой биологической и социально-нравственной нормы (Кон И.С., 1988).

Однако родительство является не только биологическим, но и социокультурным или биосоциальным явлением, и разноуровневые его характеристики и доминанты по-разному взаимодействуют между собой. Отношения родителей и ребенка зависят от их собственного пола и пола ребенка, возраста ребенка, конкретных социальных условий, традиций.

Родительская забота о потомстве (в том числе и отцовство) имеет, по мнению многих авторов, в частности И.О. Кона, филогенетические предпосылки. Общий

образец родительского ухода генетически запрограммирован и варьируется от одного вида к другому. Наличие или отсутствие такого ухода, его длительность и специфика различают биологические виды. Очень важную роль в детерминации родительской заботы играют экологические факторы.

Согласно представлениям современной популяционной биологии, если условия среды, в которой обитает данный вид, устойчивы и предсказуемы, К-отбор преобладает над Г-отбором (К-отбор, где К — несущая способность среды, тип естественного отбора живущих в стабильной среде обитания, которая позволяет поддерживать более или менее устойчивый численный уровень популяции, в отличие от Г-отбора, характеризующегося постоянным ростом популяции, с этим связаны генетические свойства). В результате возникает ряд демографических следствий, способствующих развитию родительской заботы о потомстве. Такие животные дольше живут и производят потомство через определенные временные интервалы, а не все сразу. Если место обитания вида жестко структурировано, то животные будут занимать определенную территорию или, по крайней мере, периодически возвращаться в определенные места для кормления или в поисках убежища. В обоих случаях адаптивным будет рождение относительно малого числа потомков, чьи шансы на выживание увеличиваются в результате специального внимания и заботы на ранних стадиях развития. С другой стороны, виды, осваивающие новую, физически трудную для выживания среду, вырабатывают специфические способы самозащиты, включая заботу о потомстве в период его максимальной ранимости. Специализация на таких видах пищи, которые трудно находить, использовать или охранять от конкурентов, иногда дополняется территориальным поведением и усиленной защитой пищевых ресурсов в период выращивания потомства. Охота, хищнический образ жизни может требовать увеличения родительского вклада для защиты жизни потомства. Эти четыре средовых фактора — стабильная, структурированная среда, способствующая К-отбору, необычные физические условия, возможность и необходимость определенной специализации и, наконец, охотнический образ жизни — могут по отдельности и в сочетании друг с другом благоприятствовать усилению родительской заботы (Кон И.С., 1988).

Видовая «структура семьи», с которой связана дифференциация отцовских и материнских функций, также имеет экологические предпосылки. Например, переход от полигамии к моногамии, т.е. устойчивому брачному союзу самца и самки, хотя бы на срок выращивания одного выводка, обусловлен, по мнению Э. Уилсона, специфическими условиями, когда самка без помощи самца не может вырастить потомство (скудость пищевых ресурсов, необходимость охраны территории от врагов, длительность периода беспомощности потомства) (Кон И.С., 1988). Ж. Годфруа приводит данные о существовании родительского инстинкта у животных, у птиц — строительство гнезда, высиживание птенцов, даже у насекомых (например, у пчел) есть специальные инстинкты заботы о потомстве, не говоря уже о млекопитающих. И чем выше уровень организации, тем дольше период зависимости детеныша от

матери и тем сильнее выражен родительский инстинкт (Годфруа Ж., 1996).

Таким образом, существуют очевидные генетически запрограммированные предпосылки отцовства, однако биология не объясняет всю специфику родительского поведения, его мотивации и институ-циализации у человека.

2.3. Историческая и социокультурная специфика отцовства

Современные сравнительно-исторические данные убедительно свидетельствуют, что современные житейские представления о родительстве не являются универсальными, и родительская любовь, как мы ее понимаем, — продукт длительного и весьма противоречивого исторического развития.

Исследователи социологии и истории отцовства (в основном за рубежом (LaRossa R., Reitzes D., 1993)) видят формирующийся идеал отцовства конца двадцатого столетия как отца, являющегося в такой же равной степени родителем, как и мать. В западных странах проблема; исследования отцовства достигла заметного положения в общественных науках во время эры исторически высоких ожиданий мужской вовлеченности в повседневную жизнь своих детей. Не удивительно, что большинство исследований сравнило уровни вовлеченности отцов в жизнь детей с вовлеченностью матерей, и после этого материнские функции стали точкой отсчета для формирования норм отцовства.

Работы социологов и историков по отцовству говорят о том, что отцовство — по существу, социальное явление. Каждое поколение формирует свой культурный идеал отца согласно своему времени и условиям, и каждое поколение имеет дело с неизбежным пробелом между тем, что LaRossa R (1993) назвал «культура» отцовства и «поведение» отца в семье. Социологические и исторические исследования также проясняют, что отцовство не может быть определено в изоляции от материнской заботы и ожиданий матерей, от социальных стереотипов заботы о детях в обществе, и что эти социальные ожидания были довольно разнообразными в двадцатом столетии: культура отцовства и поведение отцов изменяется от столетия к столетию, как изменяются и социальные, и политические условия.

На ранних этапах развития человеческого общества уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины. Родительские функции распределялись между широким кругом родственников, и детей поощряли считать себя принадлежащими к группе как к целому. Привязанность между ребенком и его физическими родителями не развивалась.

Демографы считают, что существует специфическая «потребность в родительстве», в отцовстве и материнстве. С одной стороны, эта потребность поддерживалась тем, что дети были экономически полезны. Дети были помощниками в производстве и кормильцами в старости. В патриархальной семье много детей, особенно сыновей, было гарантией прочности социальных позиций в семье (Кон И.С., 1988).

Существует другое объяснение, с точки зрения теории «полезности», которая заявляет, что «дети нужны как объект альтруистической заботы и опеки». Но у этой теории есть серьезные ограничения: данная теория гласит, что когда полезность детей падает, то и «потребность в детях» ослабевает. Но люди прошлого далеко не всегда имели выбор — это противоречило основным догматам их поведения (религия, традиции).

Кроме того, существовала практика инфантицида, связанная с дефицитом средств к существованию. Оседлый образ жизни и более надежная пищевая база снижают вероятность инфантицида: убивали в основном младенцев, которых считали физически неполноценными или по ритуальным соображениям, например, близнецов (de Mause L., 1977).

В первобытном обществе убийство ребенка не считалось таким преступлением, как убийство взрослого, похоронный обряд сводился к минимуму или отсутствовал. Но иметь детей считалось почетным. И не только родители и близкие родственники, но и другие взрослые члены общины обычно были ласковы и внимательны к детям (Aries P., 1975).

Даже в античном обществе забота о детях была весьма избирательна. Аристотель считал справедливым, что ребенка-калеку кормить не следует, Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить «со спокойной душой». Маленькие дети не вызывали у античных народов чувства умиления, их по большей части не замечали. Ребенок рассматривался как низшее существо, которое принадлежит родителям как прочая собственность. Например, по данным Ш. Барта (Barth S., 2000) в Древнем Египте отношения отцов и детей строились на взаимовыгодном сотрудничестве: дети помогали по дому, отцы их кормили. Дети были полностью подчинены воле отца. И, хотя в позднем Египте уже существовали школы, тем не менее в большинстве случаев, подчиняясь традиции, именно отцы обучали своих сыновей, в том числе и тому, что значит быть отцом.

В древней арабской культуре отец был главой семьи и решал все вопросы, в том числе и выбирал брачных партнеров своим детям. Отношения «отец—ребенок» строились на строгости и жесткости. У древних израильтян отец почитался как Бог-творец, был не только защитником и кормильцем, но и карал за проступки. В Древней Греции отец вообще не принимал участия в воспитании своих детей, однако позднее, во времена полиса, вернулся к своим функциям, т.к. общество осознало, что взаимоотношения родителей и детей транслируются на все последующие поколения. В Древнем Риме отношения отца и детей строились как отношения владения вещью, а не на основе любви или заботы. У отца были более важные интересы, чем воспитание детей. Отец имел абсолютную власть над детьми, и даже сыновья не могли получить ничего, пока он был жив (Aries P., 1975). Однако в последнее время исследователи изменили мнение относительно отношений отца и детей в Древнем Риме. Раньше изучались только нормативные и юридические документы, которые действительно показывали такую картину отцовства, однако сейчас принимаются во внимание также и литературные

источники, анализируя которые можно сделать вывод о том, что отец в Древнем Риме был не чужд милосердия и не был жесток к своим детям. Право же полновластного распоряжения жизнью и смертью детей было отобрано у отцов только около 390 г. н. э., инфантицид стал считаться преступлением только в 318 г. при императоре Константине, и только в 318 г. был приравнен к человекоубийству (de Mause L., 1977).

Раннее христианство привнесло духовность в отношения отца и детей, кроме того, стали четче разграничиться отцовская и материнская функции. В отношениях появилась эмпатия. Однако позднее, в средние века, происходят значительные изменения: появляется новая социальная роль — священник, исповедник, который вмешивается во все внутренние дела семьи и берет на себя функцию отца. При этом сам дает обет безбрачия и не имеет права иметь детей. Таким образом, происходит ущемление отцовства как важнейшей роли в жизни мужчины. Данная тенденция еще более усиливается в двенадцатом-тринадцатом веках, когда отцовство связывается с женщиной и грехом. Только в четырнадцатом веке церковь начинает почитать материнство и позднее - отцовство, когда, согласно учению Фомы Аквинского, духовные наставления отца становятся важны для воспитания ребенка в духе почитания религии.

Однако формирование стойкой привязанности родителей к детям затруднялось, во-первых, из-за высокой смертности и высокой рождаемости — холодное отношение к смерти детей — своеобразная психологическая защита на то, что случалось очень часто. Во-вторых, обычай воспитывать детей вне семьи в среде феодальной знати приводил к тому, что взаимоотношения родителей и детей регламентировались не чувствами, а нормой и сознанием родственных обязанностей и правил этикета. В России зависимость детей от родителей была рабской: от отца — главы семьи — находились в зависимости и женщина (жена), и дети. Церковные предписания требовали строгости воспитания. Домострой запрещал даже смеяться и играть с ребенком (Кон И.С., 1988).

В средневековой Франции воспитание детей было жестоким и, одновременно, небрежным. В пятнадцатом—шестнадцатом веках внимание к детям возросло, что означало, однако, усиление требовательности и строгости, а не любви. Вплоть до середины восемнадцатого века, несмотря на то, что книг, посвященных родительским обязанностям, выходило множество, родительские чувства занимают мало места в личной переписке и дневниках. Этому способствовал обычай воспитывать детей в закрытых пансионах и монастырях (Barth S., 2000).

Только во времена Ренессанса отношение к семейным функциям начинает меняться. Эпидемии и высокая смертность привели к тому, что отношения между родителями и детьми стали более близкими, особенно это справедливо для матерей, т.к. отец очень часто находился вне дома из-за войн или работы. Реформация сделала женские роли матери и хозяйки в доме главными и единственными в жизни женщины. Отцовские же функции не контролировались больше церковью, т.к. брак был

теперь в ведении государства, таким образом, и отцовские функции регулировались обществом (de Mause L., 1977).

В конце восемнадцатого — начале девятнадцатого веков детоцентристская ориентация прочно утвердилась в общественном сознании и семья начала отстаивать свое «естественное право» заботиться о детях, экономические трудности доводили людей до полного отрицания нужности детей семье. Дети нужны были не семье, а государству, армии и т.д. В восемнадцатом веке мать берет на себя еще больше семейных функций, занимаясь только домом. Отец становится кормильцем, работает для того, чтобы мать занималась детьми. Тогда и появляется концепция материнской любви, о любви отца речи не идет. Девятнадцатый век привнес юридические изменения статуса отца, который потерял свою абсолютную власть. Кроме того, провозглашается незаменимость матери в воспитании детей, появляется теория «материнского инстинкта». Отец постепенно теряет свои функции, так защиту и образование берет на себя государство. Становится возможным обеспечение семьи женщиной, развивается женское движение во многих западных странах.

Отношение родителей к детям меняется не только со временем, оно зависит от культурных традиций. Важный вклад в изучение традиций культуры внесла М. Мид (Мид М., 1989), изучившая в ходе полевых исследований на Самоа (1924—1925), островах Адмиралтейства (1928—1929, 1953, 1965, 1966, 1967), Новой Гвинее (1930-1933), острове Бали (1936—1939) особенности детско-родительских отношений и описавшая непривычные европейцам стили и методы воспитания. Работы М. Мид показали, что родительство заложено в человеке биологическими предпосылками и только социальные установки могут подавить его. Там, например, где беременность наказывается социальным неодобрением, женщины могут идти на все, чтобы не рожать детей. Кросскультурные исследования свидетельствуют, что там, где люди ценят, прежде всего, социальный ранг, женщина может убить собственного ребенка (например, когда, прежде всего, ценится законнорожденность).

Родительские установки в отношении, например, беременности совпадают с установками культуры. Иногда беременность считается неприличным состоянием, о котором нельзя говорить и неприлично замечать. В некоторых культурах к беременным относятся с почтением и наделяют особым статусом (Кон И.С., 2001). В западных культурах к беременности относятся как к обычному явлению. Существуют культуры, в которых беременность воспринимается как изменение состояния и матери, и отца. Например, среди коренного населения штата Юкатан в Мексике знаком того, что женщина беременна, считаются приступы тошноты, рвоты, диареи и колик у ее мужа. Будущих отцов тянет на соленое, им снятся зловещие сны (КрайгГ, 2000). Взаимоотношения между родителями и детьми сильно детерминированы установками общества. Например, в Японии дети до трех лет спят либо с родителями, либо с бабушками или дедушками, либо с братьями или сестрами, но никогда одни. Такая ориентация детского сна способствует

установлению близких, гармоничных отношений между детьми и родителями и принятию культуры, где ценятся гармоничные коллективные отношения. Американские дети почти всегда спят в отдельной комнате, что, по мнению родителей, способствует развитию независимости. Вырастая, представители разных культур по-разному организуют свое взаимодействие с детьми (КрайгГ, 2000). Культура формирует отношение к детям и опосредованно — через принятое количество детей, — в маленькой семье родители уделяют гораздо больше внимания ребенку, чем в большой.

Кросскультурные данные И.С. Кона показывают, что национальная принадлежность и социально-классовое положение, как вместе, так и порознь, сильно влияют на отношение родителей к ребенку. Но картина далеко не единообразна. Во всех этнических группах родители; из более низших социально-экономических слоев склонны к большей строгости, чем представители средних слоев. Но у разных народов это проявляется по-разному, в зависимости от типа поведения. Существенная разница выявилась между европейским и американским стилем воспитания: американские родители более либеральны и терпимы, нежели европейцы. Но речь идет не столько о большей или меньшей строгости национального стиля, сколько о различном отношении к тем или иным поступкам, т.к. терпимость в одном часто сопровождается повышенной строгостью в другом. Такая же качественная, а не просто количественная разница обнаружилась между отцами и матерями. Родительские установки и стиль воспитания тесно связаны с наличием у данной субкультуры тех или иных мотивационных синдромов (потребность в достижении, потребность в аффилиации, ориентация на других). Люди, в этнической культуре которых сильнее выражена потребность в достижении, склонны больше опекать детей, незамедлительно откликаясь на их просьбы о внимании, но они гораздо острее реагируют на проявление дерзости, нежели люди, которые больше ценят групповую принадлежность и дружественные отношения с окружающими (Крайг Г., 2000).

В большинстве культур признается решающая роль матери в выхаживании и воспитании ребенка, об этом единодушно свидетельствуют и этнографические, и исторические данные. Даже когда мать заменяется нянькой или кормилицей, это не меняет принципиального различия мужских и женских функций. Однако в некоторых обществах, в которых очень важную роль играют традиции, например, в Полинезии, отцовская роль, ассоциирующаяся с властью и статусом вождя, структурируется и символизируется детальнее, чем материнская, рождение ребенка не ритуализировано и не дает женщине особого престижа, а генеалогические и личные связи ребенка с отцом социально более значимы (Кон И.С., 1988).

Но у многих народов существуют строгие правила избегания, ограничивающие контакт между отцом и детьми, делающие их взаимоотношения чрезвычайно сдержанными и суровыми, исключая проявления нежности. Культ мужчины всегда был культом силы и суровости, а «невостребованные»,

подавленные чувства атрофируются.

Соответственно, отцовство в разных культурах зависит от факторов половых различий и жизненного цикла мужчин и женщин, культурного регулирования сексуальности, интернализации социальных норм и правил поведения, мотивов аффилиации, предприимчивости, достижения и соревнования, особенностей традиций ухода за младенцами, и даже языка и экологических условий (Крайг Г., 2000).

Итак, рассмотрев филогенетические предпосылки отцовства, исторические изменения института отцовства, влияние культуры на особенности отцовства, можно заключить, что существуют очевидные генетически запрограммированные предпосылки отцовства, однако биология не объясняет всю специфику родительского поведения, его мотивации и институционализации у человека, многие проблемы и кризис семьи в конце двадцатого века имеют достаточно длительную историю, и чтобы понять современные сложности отношений отца и ребенка, нужно рассматривать их не изолированно, а в широкой сравнительно-исторической и кросскультурной перспективе.

2.4. Современная картина отцовства

Современная картина отцовства достаточно разнообразна. По данным Т.Г. Гурко (Гурко Т.Г., 1997), с одной стороны наблюдается значительный кризис семьи, рост безотцовщины и уменьшение общего вклада отца в воспитание детей. Рост разводов приводит к возрастанию количества детей, живущих с одним родителем, в подавляющем большинстве — с матерью. Т.А. Гурко говорит о том, что мужчины редко вносят материальный или духовный вклад в воспитание детей, не живущих с ними в одном домохозяйстве. А женщины в таких семьях выполняют и родительские роли, и роли добытчиц. Особенно это распространено в России, т.к. в советское время понятие «отцовство» было весьма слабо представлено в общественном мнении, появляясь только тогда, когда речь шла о лишении родительских прав (Кон И.С., 2001).

Фактически за очень короткое время в течение жизни двух поколений картина отцовства существенно изменилась, изменились и социальные представления о том, каким должен быть отец и как он должен себя вести.

Меняются и научные теоретические представления о том, какие именно функции должен выполнять отец по отношению к своим детям. Если раньше было распространено представление о том, что мать лучше взаимодействует с ребенком-младенцем, подчиняясь природному инстинкту, и более приспособлена к этому генетически, поэтому она более компетентна в уходе за ребенком, сейчас ученые «считают, что принципиальной разницы между отцом и матерью в уходе даже за совсем маленькими детьми нет. Отец может делать это так же хорошо, как и мать, что доказано исследованиями (Schmidt-Denter U., 1984). Но отец делает это

совершенно по-другому, чем мать. Исследования показывают, что многие женщины считают, что отцы заботятся о детях хорошо, но делают это только тогда, когда хотят (эта проблема известна как проблема «представления о компетенции») (Schmidt-Denter U., 1984).

По мнению В. Stechhammer (1981), здесь необходимо иметь в виду, что часть отцов вполне удовлетворяются так называемой ролью «заместителя матери», т.е. они заменяют мать, когда ее нет, и помогают ей, выполняя ее поручения. Но сейчас все более заметна тенденция к увеличению количества отцов, которые принимают самое активное участие в жизни своего ребенка, начиная с момента его рождения.

По статистическим данным (Barth S., 2000), в Германии присутствуют при рождении своего ребенка 90% отцов. Это не просто наблюдение, это переживание процесса родов вместе с матерью и с ребенком. Хотя это стало нормой сравнительно недавно, раньше долгое время совместные роды по гигиеническим или моральным соображениям были запрещены. Такие отцы очень сближаются со своими детьми, с которыми они вместе пережили роды. В дальнейшем они более близки своим даже очень маленьким детям: они заботятся о них, вполне справляются с пеленанием и проводят с ними очень много времени, ходят с детьми, например, к детскому врачу, очень часто они проводят с детьми свободное время, например, на детских площадках и различных мероприятиях для детей, где раньше можно было увидеть только матерей; одним словом, они стараются принимать самое настоящее живое участие в жизни своих детей и рассматривают время, проведенное с ребенком, по существу (конечно, не все 100% отцов), как нечто ценное, как личное достижение, а не как бесцельно потерянное.

Это, несомненно, позитивно сказывается и на партнерских отношениях между супругами, которые благодаря этому делят все заботы (ведение домашнего хозяйства, забота о детях, работа) пополам (хотя это и не всегда 50:50%). Такие отцы во всяком случае уделяют время семье, что увеличивает для их супруг возможность работать и профессионально самореализовываться. Это является одной из важнейших характеристик «нового отца». Проводятся исследования, которые позволяют выяснить процент таких отцов в современном обществе. По предварительным данным W. Fthenakis, группа эта пока не очень большая, всего около 10-20% из всех отцов (W. Fthenakis, 1999). Прослеживается совершенно четкая тенденция к увеличению данной группы. Время, которое отцы проводят с детьми и семьей, уже можно сравнить со временем, проводимым с семьей матерями, хотя, конечно, оно меньше. Но в исследовании бюджета времени была отмечена тенденция к возрастанию «времени для семьи» у мужчин (W. Fthenakis, 1999).

Фактически даже стиль воспитания изменился за последние несколько поколений. Современные отцы во многом менее авторитарны, чем даже поколение современных дедушек, более эмпатийны и знают больше о каждодневных проблемах и заботах своих детей. Эти данные подтверждаются и американскими исследованиями (Samus J., 2001). Для России это менее характерно.

Таким образом, как уже отмечалось выше, многие проблемы и кризис семьи в конце двадцатого века имеют достаточно длительную историю, и чтобы понять современные сложности отношений отца и ребенка, нужно рассматривать их не изолированно, а в широкой сравнительно-исторической перспективе.

В современном обществе мысль о слабости и некомпетентности «нынешних отцов» является весьма распространенным стереотипом общественного сознания. Ученые констатируют (Кон И.С., 1988) рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми, по сравнению с материнскими; педагогическую некомпетентность, неумелость отцов; незаинтересованность и неспособность отцов выполнять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми.

Интерпретация этих данных может быть самая разная: некоторые полагают, что происходит быстрое, неуклонное и чреватое опасными последствиями ослабление отцовского начала; другие (меньшинство) склонны думать, что так было всегда, что отцы никогда не играли важной роли в воспитании детей и сегодняшние тревоги только отражают сдвиги в массовом сознании.

Однако из перечисленных выше элементов стереотипной модели «ослабления отцовского начала» безусловной реальностью является только рост безотцовщины, связанный в первую очередь с динамикой разводов.

Остальные утверждения гораздо более проблематичны. Действительно, отцы проводят со своими детьми значительно меньше времени, чем матери, причем лишь незначительная часть этого времени расходуется непосредственно на уход и общение с детьми. Но мужчины никогда сами не выхаживали детей. Современные отцы в этом смысле не только не уступают прежним поколениям, но даже превосходят их тем, что, особенно в нетрадиционных семьях, основанных на принципе равенства полов, берут на себя гораздо больший круг таких обязанностей, которые раньше считались исключительно женскими. Например, обследование 231 канадской семьи показало, что при выравненных социальных факторах, таких, как количество внерабочего времени, отцы проводят с детьми столько же времени, что и матери (Кон И.С., 1988).

Снижению вклада отца в воспитание способствует ломка традиционной системы половой стратификации. В традиционной семье отец выступает как 1) кормилец, 2) персонификация власти и высший дисциплинизатор, 3) пример для подражания и наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях.

В современной городской семье эти традиции ослабели из-за женского равноправия, вовлечения женщин в профессиональную работу, тесного семейного быта, где для отца не предусмотрено пьедестала, и пространственной разобщенности труда и быта. В патриархальной семье дети, особенно мальчики, проводили много времени, работая с отцом и под его руководством. В городе дети не видят, как работает отец, а количество и значимость его внутрисемейных обязанностей значительно меньше, чем у матери. По мере того, как «невидимый

родитель» становится видимым и более демократичным, он все чаще подвергается критике со стороны жены, а его авторитет, основанный на внесемейных факторах, снижается. Например, в Японии, где, основываясь на принципах конфуцианства, отец, как глава семьи, имел неограниченную власть и описывался как «строгий и грозный», а мать - «нежная и любящая». В послевоенные годы положение изменилось. Ведущие японские этнографы, социологи и психологи отмечают падение отцовского авторитета и рост материнского влияния. Однако эти данные нельзя рассматривать однозначно: налицо заметное ослабление поляризации мужских и женских, отцовских и материнских ролей и образов (Кон И.С, 1988).

А некоторая холодность и наличие социальной дистанции во взаимоотношениях отца с ребенком (по данным опроса молодежи 15—23 лет с матерью свои дела обсуждают 85,9%, а с отцом - только 57,7%); часто рассматриваемые как свидетельство снижения отцовского авторитета, являются, по мнению И.С. Кона, пережитком нравов традиционной патриархальной семьи, в которой к отцу не смели приблизиться и он сам был обязан держаться «на высоте».

Ослабление мужской власти в семье отражается на стереотипе некомпетентности. Но главное, что мужчина оценивается по традиционно женским критериям, по деятельности, которой отцы раньше никогда всерьез не занимались, к которой они социально, психологически и, возможно, биологически плохо подготовлены. Эта проблема ставит сложный и очень спорный вопрос: насколько вообще заменяемы и обратимы отцовские и материнские роли и каково соотношение их биологических и социально-культурных доминант?

Ситуация во многом усложняется тем, что женщины сами воспринимают отцов, как своих заместителей, при этом зачастую мужчина вообще не включен в общение и заботу о ребенке-младенце, хотя данный период является важным для установления взаимоотношений отца и ребенка. Однако потом от отца требуется участие в воспитании ребенка, с которым он уже привык не общаться. С другой стороны, мужчина-отец обязан обеспечивать семью, и если для матери общество полагает возможным и даже предписывает уход за ребенком и обеспечивает женщин специальным отпуском, то мужчины в данном случае менее свободны. Для гармоничного развития детей было бы желательно, чтобы больше отцов прилагали усилия к тому, чтобы быть ближе к своему ребенку, совместно переживать и узнавать мир, начиная с младенчества.

Но для этого необходимы соответствующие социально-политические условия, такие, как, например, разная оплата труда для женщин и мужчин, т.к. различная оплата труда является, с одной стороны, дискриминацией женщин в профессиональной сфере, а с другой, не позволяет мужчинам при желании заниматься ребенком, или, например, фиксированный рабочий день, что сделает возможным для мужчин-отцов и, конечно, для их партнерш во всяком случае осуществить это на практике.

Таким образом, социальные стереотипы отцовства представляют собой достаточно разнообразную систему представлений и нормативных требований общества в том, что именно должен делать отец, однако являются весьма противоречивыми, что, по мнению немецких авторов S. Barth, J Camus, P Horst, H.-L.v. Canitz, L. de Mause, W.E. Fthenakis (S. Barth., 2000; J Camus, 2001; P Horst., 2000; H.-L.v. Canitz., 1982; L. de Mause., 1977; W.E. Fthenakis., 1999), является следствием переходного периода в истории отцовства, когда общество всерьез обратило внимание на важность отца для развития личности ребенка.

Итак, совершенно очевидно, что одной из важнейших характеристик отцовства является его социальная детерминированность. Однако социум не только предъявляет определенные требования к возрастному, экономическому, профессиональному социальному статусу отца, но и регламентирует поведение человека, обладающего определенным статусом через систему социальных ролей. Одной из самых противоречивых и сложных является социальная роль отца.

2.4.1. Отцовство сквозь призму социального статуса

Несмотря на большое культурное разнообразие в традициях и способах регламентации тендерных ролей, можно выделить одну сходную для многих культур особенность — это значительная разница брачного возраста мужчин и женщин. Брачный возраст женщины определяется ее биологическим созреванием, наступлением периода фертильности, в то время как мужчины вступают в брак значительно позже (Бочаров В.В., 1999). Несомненно, большую роль в регламентации отцовства играет социальный фактор. В.В. Бочаров отмечает, что существует несколько точек зрения на эту проблему. Большинство социальных антропологов ссылаются на экономические факторы, отмечая роль мужчины в производственном процессе и необходимость экономической зрелости для вступления в брак. Это связано еще и с тем, что в большинстве случаев женщина, выходя замуж, уходит жить к мужу, таким образом ребенок наследует социальное положение отца.

Кроме того, считается, что в первобытном обществе вступление в брак означало приобретение социальной полноценности со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая увеличение прав в сфере управления общественными делами. Таким образом, в большинстве культур с рождением ребенка меняется статус мужчины, но для рождения ребенка необходимо уже обладать определенным статусом.

По данным антропологов, это достаточно четко просматривается у первобытных народов. Например, у ньякьюса — небольшого народа населяющего Танзанию, пока подросток не женится, он обрабатывает поля своего отца, жениться начинают примерно в 25 лет по прохождении обряда инициации, т.е. по достижении определенного статуса.. До прохождения инициации подросток не признается мужчиной, а следовательно, не допускается к скоту, не имеет права носить копье, жениться. Чтобы принять участие в инициации, мальчики должны

получить согласие отца.

По определению А.И. Кравченко (Кравченко А.И., 2000), социальный статус — это определенная позиция в социальной структуре группы или общества, связанная с другими позициями через систему прав и обязанностей. Существуют статусы приписываемые и достигаемые. Социальные статусы взаимосвязаны, но не взаимодействуют между собой. Взаимодействуют только субъекты статусов, они вступают в социальные отношения, которые связывают между собой статусы. Таким образом, отцовство как социальный статус является достигаемым статусом и связано с экономическим, политическим, демографическим и религиозным социальными статусами мужчины.

Именно отцовство, наличие детей позволяет говорить о статусе мужчины, не случайно в Древнем Китае мальчик становился мужчиной, когда рождался его первый ребенок, а количество детей являлось показателем высокого социального статуса. И в современном обществе важные государственные посты или какие-либо ответственные должности занимают непременно люди, которые являются хорошими семьянинами, по крайней мере, это пропагандируется, и если происходит отступление от норм, общество жестко карает нарушителей. Высокий социальный статус неразрывно связан с образцовым выполнением семейных, в том числе отцовских обязанностей, но и отцовство повышает статус мужчины, когда наличие семьи и детей косвенно свидетельствует о его экономической и социальной зрелости. То есть, с одной стороны, отцовство связано с социальным статусом, т.е. становится возможным для мужчины, в отличие от женщины, только по достижению определенного статуса, а с другой, отцовство само по себе повышает статус мужчины как члена общества, что проявляется в большем уважении и доверии к мужчине-отцу. Это может заметно влиять на поведение людей и оценку человека при приеме на работу, в увольнении, проявляется в общественном мнении и используется в различных выборных технологиях (Бочаров В.В., 1999).

Т.А. Гурко (Гурко Т.А., 2000) полагает, что стереотипы в сфере родительства, под которыми понимаются устойчивые представления, ставящие женщин в более невыгодное положение в обществе, в сравнении с мужчинами, с точки зрения достижения статуса, власти и доступа к ресурсам, являются наиболее устойчивыми в обществе. И именно «материнская обязанность», как жесткая привязанность женщины не только к биологическому, но и к социальному воспроизводству, особенно уходу за детьми, является основным аргументом дискриминации женщин (Гурко Т.А., 2000).

Однако именно эти стереотипы являются причиной не только проблем женщин в профессиональной сфере, но причиной сложностей мужчин в выполнении ролей мужа и особенно отца.

2.4.2. Отцовство как социальная роль

Отцовство очень часто описывается через понятие «социальная роль», и

этим ограничивается его изучение. Однако состояние отцовства и материнства - один из аспектов более общей половой дифференциации, имеющей не только социальные, но и биологические предпосылки. Биосоциальный подход, по мнению А. Росси (цит. по: Кон И.С., 1988), не утверждает генетического предопределения полового разделения труда, он указывает на то, что биологические предпосылки формируют то, чему мужчины и женщины учатся и насколько легко они овладевают той или иной деятельностью. То есть врожденные свойства определяют рамки, в которых происходит социальное научение, и влияют на легкость, с какой мужчины и женщины обучаются поведению, которое общество считает нормативным для их пола.

Существует несколько подходов к рассмотрению роли отца. Представителями психоаналитического направления (Fthenakis W.E., 1999) выполнено большое количество работ по исследованию роли отца. В основном изучается роль отца в психосексуальном развитии ребенка. Отец, таким образом, является важнейшей фигурой в жизни ребенка до четырех лет. З. Фрейд выделял следующие важнейшие аспекты взаимоотношений отца и ребенка: 1) отец — воплощение силы, как объект восхищения и любви; 2) отец как объект реализации потребности в безопасности и защите; 3) отец как авторитет, который наказывает за проступки и таким образом регулирует поведение, а в дальнейшем моральные установки человека. Любовь матери — безусловная любовь, принятие и теплота — обеспечивает чувство безопасности, удовлетворяет потребность в принятии (Маслоу А., 1982), создает базу для развития. Ребенок может исследовать мир только тогда, когда уверяется, что в любой момент может вернуться к матери. Об этом говорят исследования и теоретические посылки Э. Эриксона, К. Хорни, Д. Вии-никотта, М. Кляйн, Л.И. Божович, М.И. Лисиной и др. Отец же несет социализирующую функцию, кроме удовлетворения потребности безопасности, стабильности и надежности существования. Его любовь условна и таким образом дает ребенку возможность социализироваться, отец передает социально-культурные нормы, традиции и следит за их соблюдением. Быть отцом — это быть носителем истины, нормы в семье. Так как мать безогочна, за социализацию отвечает отец. Когда отец — носитель нормы, с ним связано чувство опоры, надежности; и уверенности у других членов семьи (Barth S., 2000).

S. Barth (Barth S., 2000) рассматривает отца как единственного взрослого в жизни ребенка, который может организовать жизнь ребенка, дифференцировать и интегрировать его в общество. Даже М. Кляйн, исследовавшая взаимоотношения матери и ребенка, говорит о том, что отношения с отцом даже на развитии совсем маленького ребенка сказываются положительно. S. Barth подчеркивает также, что отец, являясь транслятором социальных норм, становится для ребенка фигурой, обеспечивающей связь поколений.

Представители бихевиорального направления рассматривают отцовство с точки зрения выполнения предписаний данной социальной роли. Причем

классический бихевиоризм видел в отце только важнейший элемент среды, который усиливал или пресекал определенные реакции ребенка, таким образом воспитывая правильные реакции. Представители необихевиоризма говорят о том, что отец является еще и моделью, наблюдая за которой, ребенок учится (Bandura A., Walters R., 1963).

Исследователи семейной психологии (Barth S., 2000; Becker G.S., 1991; Behrendt V., 1987; Belsky J., 1987; Clinton W.J., 1995; Cowan C.P., 1987; Lamb M.E., Pleck J., Levine J.A., 1985; LaRossa R., 1993; Lenzen D., 1991) рассматривают семью как систему, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой невозможно без какого-либо ее элемента. Все члены семьи рвходятся во взаимосвязи друг с другом и взаимовлияют друг на друга. Таким образом, не только отец и мать влияют на детей или отношения супружеской пары оказывают влияние на развитие детей, но и отношения в диаде родитель — ребенок влияют на стабильность семьи и самочувствие каждого из ее членов, при этом отношения отца и ребенка не изолированная сфера, но эти отношения важны и для функционирования всей системы. В подтверждение данного положения А. Gerhard (1999) приводит результаты исследования, в котором было выяснено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, «достраивают» семью в своих фантазиях об отце.

Зная вклад каждого члена семьи в систему, можно сказать, что семья как система будет нестабильна или неустойчива при отсутствии любого из компонентов.

Итак, можно выделить следующие важнейшие функции, выполнения которых требует роль отца:

1) Отец как кормилец — исторически сложившаяся и закрепившаяся роль мужчины как кормильца семьи. И хотя сейчас многое меняется, но во многих семьях, особенно в период беременности жены и во время ухода за маленьким ребенком, отец является главным и единственным добытчиком в семье. Мальчиков с детства ориентируют на выполнение этой роли, которая дает семье необходимое чувство безопасности и уверенности. Возможно, многие проблемы подростковой преступности связаны именно с увеличением количества детей, растущих без отца (Barth S., 2000).

2) Отец как защитник - также исторически закреплённая функция мужчины.

И хотя в современном обществе отец не защищает больше ребенка от непосредственной военной опасности, тем не менее отец выполняет функцию социальной защиты, предоставляя своим детям возможности образования, обучения, выбора профессии, а также опосредованно через собственный социальный статус и экономический класс.

3) Отец как воспитатель — история показывает множество примеров, когда воспитание и образование подрастающего поколения было делом мужчины-отца. Отец не только прививает нормы и правила поведения, но и во многом может

вносить вклад в профессиональный выбор ребенка, расширяя его кругозор, занимаясь, особенно с мальчиком, каким-либо совместным делом.

Таким образом, в целом к числу элементов, от которых зависит отцовская роль, по мнению М. Уэст и М. Коннера (цит. по: Кон И.С. 1988), относятся:

1. Количество детей, которых имеет и за которых ответственен отец.
2. Степень его власти над ними.
3. Количество времени, которое он проводит в непосредственной близости с женой (женами) и детьми в разном возрасте и качество контактов.
4. То, в какой мере он ответственен за непосредственное и опосредованное обучение детей навыкам и ценностям.
5. То, в какой мере он непосредственно ухаживает за детьми.
6. Степень его участия в ритуальных событиях, связанных с детьми.
7. Сколько он трудится для жизнеобеспечения семьи или общины:
8. Сколько ему нужно прилагать усилий для защиты или увеличения ресурсов семьи или общины.

Соотношение и значимость этих факторов зависят от целого ряда условий — преобладающего типа хозяйственной деятельности, полового разделения труда, типа семьи и т.д.

Таким образом, роль отца является одной из важнейших как для нового поколения, так и для развития личности самого отца и многогранных социальных ролей, имеет глубокие исторические корни, но, несмотря на важность и длительную историю, достаточно мало регламентирована (Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., 2003). Социальные предписания по ее выполнению и представления о ее сущности представлены в социальных стереотипах, однако они зачастую противоречивы.

2.5. Онтогенез родительских ролей

2.5.1. Медико-биологический аспект формирования гендерной роли

Биологические и исторические предпосылки играют важнейшую роль в формировании личности современного человека. Справедливо это и относительно формирования способов, особенностей и характеристик выполнения отцовской функции конкретным мужчиной. Биологические и социальные факторы тесно взаимосвязаны, однако, по мнению И.С. Кона и В.В. Бочарова, если биологическое определяет психофизиологическую готовность к отцовству, то социальные факторы достаточно жестко регламентируют реализацию этой готовности (Кон И.С., 1988; Бочаров В.В., 1999).

Биологически пол определяется генетической информацией, заложенной в

каждой клетке организма, хранимой в ДНК, за собственно пол отвечает набор хромосом — у человека — $46 = 22$ пары одинаковых (обоих полов + различающаяся. XX — у женщин и XY — у мужчин.

Внутренние и наружные половые органы человека формируются в период эмбрионального развития. У мужчин в течение всей жизни с пубертатного периода происходит сперматогенез, образование сперматозоидов, несущих равное количество X и Y хромосом. У женщин половые клетки закладываются во внутриутробном развитии и созревают по одной в месяц, начиная с пубертатного периода. Это делает женщин более уязвимыми к мутагенным явлениям во внутриутробном развитии, что может сказаться на потомстве, у мужчин же, даже подвергшихся ионизирующему излучению, через 1-1,5 года мутаций в половых клетках уже нет (Кришталь В.В., Григорян С.Р., 1999). Формирование пола начинается с момента зачатия до достижения половой зрелости, когда определяется направленность полового влечения, выбор сексуального партнера, завершается формирование представлений о родительстве.

Можно выделить следующие уровни пола человека: генетический пол — определяемый генетической комбинацией, возникающей при оплодотворении, когда сперматозоид проникает в яйцеклетку. Набор генов, в дальнейшем определяющий пол человека; гонадный пол — генетическая информация определяет развитие гонад — половых желез — либо яичники, либо яички, которые начинают секретировать в организме человека гормоны. Гонадный пол обуславливает гаметный пол — способность половых желез вырабатывать сперматозоиды и яйцеклетки и гормональный пол — способность половых желез секретировать специфические половые гормоны (тестостерон, эстроген) — от этого зависит морфологический пол и половая дифференциация мозга. Анатомические структуры, с которыми человек рождается, внутренние и внешние половые органы определяет морфологический (соматический) пол. Открытие церебрального пола, определяющего особенности половой дифференциации головного мозга (специфику латерализации мозга), приводит к мысли, что гормональное влияние на головной мозг обуславливает в некоторой степени женское и мужское поведение. Кроме того, выделяют гражданский пол, определяемый по анатомическим признакам при рождении, и паспортный пол, который оформляется в соответствии с гражданским полом. Все эти уровни пола, воспринимаемые окружающими и транслируемые на индивидуум составляют базу для формирования социального пола, представляющего собой совокупность социокультурных и поведенческих характеристик и ролей, определяющих личный, социальный и правовой статусы мужчины и женщины в определенном обществе.

В современной науке принадлежность к определенному полу можно выразить двумя терминами, имеющими различную смысловую нагрузку: пол — как совокупность биологических, анатомо-физиологических, соматических свойств, на основании которых человеческие существа определяются как

мужчины и женщины. Таким образом, понятие «пол» может быть использовано для определения характеристик биологического пола. Вторым термином, определяющим социальные характеристики пола, является понятие «гендер», представляющее собой совокупность социально детерминированных ролей, идентичностей и ответственности мужчины и женщины, зависящих не от биологических детерминант, а от социальной организации общества (Кон И.С., 2003).

В понятие «гендер» входит понятие «гендерная роль» — это внешнее выражение и демонстрация социальной идентичности с помощью поведения, одежды. Параметры тендера могут быть физическими (внешний вид половых органов, тела) и социокультурными (длина волос, одежда и тип поведения, принятый в данном обществе). Чтобы понять поведение человека, нужно понимать, как отражается все это на психологии — осознании своей принадлежности, самосознании, уровне притязаний и мотивации. Для этого применяется понятие «гендерная идентичность».

Гендерная идентичность — внутреннее восприятие человеком своего пола, степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины или женщины или некоего сочетания того и другого, это внутренняя структура, создаваемая в процессе развития, организующая образ Я и социально функционирующая в соответствии с полом. Она определяет, как индивид переживает свой гендер, способствует чувству уникальной тождественности и принадлежности, в том числе и специфическому переживанию своих родительских ролей (Кон И.С., 2003).

Общество воспитывает, обучает ребенка, помогая усвоить определенную систему гендерных ролей в процессе тендерной социализации. И именно требования и стереотипы общества вырабатывают у личности, мужчины или женщины, определенные представления о родительстве.

До рождения половое развитие контролируется только биологическими механизмами. Сначала определяется пол будущего человека в зависимости от хромосомы X или Y. На пятой—шестой неделе беременности формируются первичные половые железы. У мужского и женского организма развиваются парные системы протоков - мюллеровы и вольфовы. Половая дифференцировка осуществляется уже на уровне внутренних половых структур, наружных гениталий и головного мозга. Если в это время не образуется достаточное количество тестостерона, то развитие мужского организма идет по женскому типу.

На седьмой неделе половые органы эмбрионов внешне не отличаются, на восьмой неделе у эмбрионов мужского пола яички начинают секретировать вещества, которые приводят к изменению и исчезновению мюллеровых протоков, и к развитию вольфовых протоков в половые органы мужчины (семявыводящие, семявыбрасывающие протоки и семенные пузырьки). Тестостерон стимулирует развитие мошонки и полового члена. У женщин половая дифференцировка не

регулируется гормонами. Мюллеровы протоки оформляются в матку, маточные трубы и внутреннюю часть влагалища. Таким образом, в процессе внутриутробного развития именно андрогены способствуют развитию головного мозга и половых органов по мужскому типу.

Гормональное программирование определяет функционирование гипоталамуса и гипофиза в пубертате и после него. У девочек формируется система циклической продукции половых гормонов, у мальчиков, достигнув определенного уровня, уровень гормонов остается постоянным. Действие гормонов в пренатальный период определяет поведение зрелой особи. Критическим периодом в пренатальном периоде является промежуток с 8 по 32 неделю. Половая дифференцировка в это время определяет не только гонады и половые органы, но и мозговые структуры, отвечающие за половое поведение, родительский инстинкт, агрессивность. Нарушения могут быть следствием стресса матери, введения андрогенов, острой асфиксии, приема матерью тестостерона, прогестинов или резерпина.

С рождения до семи лет идет осознание ребенком своей половой принадлежности и возникает любопытство к половым признакам, проблеме появления детей. Девочки в этот период проигрывают материнские роли в играх.

Но важнейшую роль играет мать. Ее отсутствие ведет к формированию агрессивности, импульсивности. Кроме того, известно, что с самого рождения родители по-разному относятся к мальчикам и девочкам. А ведь именно любовь, тепло и внимание к ребенку в этом возрасте ограждает его от множественных проблем в дальнейшем. Правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5—2 годам. В 3 года дети начинают проявлять интерес к вопросу «Откуда берутся дети?», к 3—4 годам дети уже дифференцируют людей по внешним признакам: одежде, длине волос, голосу.

Важность этого периода состоит в том, что он является сензитивным для развития полового самосознания, и различные травмирующие обстоятельства могут нарушить ход этого развития на всю дальнейшую жизнь.

Если мы вспомним, З. Фрейд впервые обратил внимание на существование детской сексуальности и на то, что мать является первым сексуальным объектом и для мальчика, и для девочки. Он же объяснил влияние родителей на формирование сексуальности ребенка. При детских неврозах, таким образом, особенности психосексуального развития напрямую зависят от того, на какой стадии произошла фиксация сексуальных потребностей. Интересные дополнения внес Э. Эриксон. Он обратил внимание на то, что осознание своего тела ведет к формированию различных стратегий поведения у детей разного пола. Объясняется это через введение понятия «модус поведения ребенка». Он выделяет следующие модусы (или направленности): инкорпоративный (формируется в период оральной стадии при кормлении ребенка — когда ребенок любит посредством рта) — включение в свой состав, присоединение. Это сосание материнской груди, и

оттого, как мать обеспечивает ребенка теплом и любовью, зависит фиксация этого модуса. Фрустрация этого модуса может привести к смерти. Выделяют 1 и 2 инкорпоративный модусы: 1 — сосание, 2 — сжимание зубов при поглощении. Вторым важнейшим модусом является интрузивный модус — внедрение во что-либо. У особо энергичных малышей, отмечает Э. Эриксон, может проявляться стремление завладеть матерью, прилепиться к материнскому соску, вжаться. При дальнейшем развитии формируются и другие модусы - отпусканье и удерживание, связанные с переходом на анальную стадию.

В итоге в процессе отлучения от грудного вскармливания, приучения к туалету и других форм семейного воспитания у большинства мальчиков ведущим становится интрузивный модус, у девочек — инкорпоративный и сенсорный.

При любом нарушении в развитии ребенка, фиксации на определенной стадии или травме ведущий модус может смещаться в сторону модусов удержания и отпусканья или принятия модуса противоположного пола, что также отмечено Э. Эриксоном. В дальнейшем сформированные модусы влияют на осознание ребенком себя представителем мужского или женского пола, что способствуют принятию гендерных ролей и стереотипов поведения.

Период препубертата (7— 13 лет) характеризуется формированием стереотипа полоролевого поведения — системы представлений и моделей полового поведения для обоих полов.

В это время происходит переход в школу, новое общение, развитие абстрактного мышления, постепенная потеря близкого контакта с родителями и повышение авторитета сверстников. Однако правильное полоролевое поведение родителей в этом возрасте влияет на формирование гендерной идентичности ребенка, как прежде. Например, жесткие, авторитарные отцы, стремящиеся «сформировать из сына мужчину», обычно имеют слабых, податливых, внушаемых и несамостоятельных сыновей. Напротив, у демократичных, но требовательных отцов вырастают ответственные и самостоятельные сыновья. Для девочек же общение с отцом формирует модель общения с противоположным полом. Вот почему так важно, чтобы такой опыт был, хотя бы с дедом, отчимом, дядей и т.д. У требовательных доминантных матерей чаще всего вырастают так называемые «маменькины сынки».

Для примеривания на себя взрослых ролей дети продолжают играть в «семейные игры». По мере взросления дети все большее значение придают коллективу с его гипертрофированными требованиями к мужественности и женственности и в нем происходит формирование сексуального поведения, ролей отца и матери. Значение препубертата заключается в формировании стереотипа мужского и женского поведения, таким образом создается база для последующего общения и адаптации в браке и родительстве.

Следующий период формирования гендерной идентичности — пубертат (с 12 до 18 лет) — время формирования психосексуальных реакций и психосексуальной ориентации, и максимального функционирования эндокринной системы. Он

включает стадии формирования платонического, эротического и сексуального либидо.

В это время на основе индивидуальных особенностей и опыта формируется личность, происходит эмансипация от семьи, вырабатывается собственное мировоззрение, социальное сознание, оформляются представления об отцовской и материнской ролях. И если женщины примеряют на себя материнские роли с детства, то мужчины именно в этом возрасте впервые задумываются об отцовстве, чаще всего в связи с возникновением проблем или разговоров о нежелательной беременности, общественным мнением об ответственности за будущее. Однако многое зависит от воспитания, от семейных традиций и позиции матери мальчика-юноши. Ведь именно отношения с собственной матерью на много лет определяют отношение к женщине вообще. Насколько мать подрастающего мужчины принимает его взросление и его самостоятельность, предоставляет ему возможность решать некоторые вопросы самому, принимая ответственность за свои решения, настолько внимательно относится он к своим сексуальным отношениям. Авторитарное поведение матери, пресекающей любые проявления инициативы, может привести к безответственности в отношениях с противоположным полом.

Каждому этапу свойственна фазность. На каждом этапе в первой фазе человек накапливает информацию: на I и II этапах — о существовании полов, о половой роли, на III этапе - об особенностях полового поведения, его внешних проявлениях и сущности. Полученная информация перерабатывается в зависимости от личностных особенностей и среды.

Во второй фазе формируется готовность к реализации сформированных тенденций. Поэтому социальная изоляция, особенно отсутствие общения со сверстниками, может привести к искажению сексуального поведения. Именно на III этапе происходит формирование полового самосознания, формирование представления о ценности ребенка для человека, его отношение к родительству.

В ранней взрослости способность мужчин и женщин к воспроизведению потомства достигает своего пика, и если запас зародышевых клеток женщин ограничен, то мужчины непрерывно производят зародышевые клетки, начиная с пубертатного периода. После достижения половой зрелости большинство мужчин остается фертильными до самой старости (Ильин Е.П., 2002). Однако в современном обществе происходит достаточно четкое разграничение родительской и сексуальной сфер. Достижения современной медицины и науки позволяют не только разграничить эти две сферы жизни взрослого человека, но и позволяют более осмысленно подходить к родительству. В последние десятилетия в развитых странах заметна тенденция рождения детей в более позднем возрасте, что позволяет некоторым ученым (КрайгГ, I 2000) сделать вывод о том, что родительство связано не только с сексуальной потребностью, но и с различными другими, в том числе и с потребностью в продолжении рода, в ученике, в

аффилиации, кроме того, существует целый блок социальных потребностей (КрайгГ, 2000). Особенно справедливо это для мужчин, т.к. их период фертильности менее, чем у женщин, ограничен возрастными рамками.

Таким образом, в основе отцовства лежат различные, в том числе и биологически обусловленные потребности, при этом способность иметь детей является, с одной стороны, характеристикой взрослого человека, а с другой, не является достаточным основанием для рождения ребенка, т.к. важнейшее значение здесь приобретает влияние социальных, исторических и культурных факторов, в том числе и социальная стратификация, соотношение психофизиологического и социального статусов личности.

2.5.2. Социально-психологический аспект формирования отцовства

Изучение родительства в настоящее время находится на этапе накопления научных знаний, проведения большого количества исследований в узких направлениях, таких, как, например, влияние отношений с отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей (Архирева Т.В., 2005), влияние родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству (Демчук Н.А., 2005), зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве (Литвинова А.В., Большакова Н.Г., 2005), проблемы эмоционального состояния детей в неполных семьях (Казарян М.Ю., Сайфугалиева А.И., 2005), проблемы детско-родительских отношений (Минияров В.М., 2005), проблема семейных отношений в период ожидания ребенка (Полотнюк М.В., 2005), особенности патеральной депривации в условиях семейного восприятия (Федорова Н.В., 2005) и др. Одной из немногих работ с простроенной теоретико-методологической концепцией является разработка ГГ. Филипповой проблемы психологии материнства, его структуры, содержания и формирования (Филиппова ГГ., 2002). В качестве особо ценной разработки ГГ. Филипповой можно выделить изучение ею проблем онтогенеза материнства и его основных составляющих. На основании изучения биологии и психологии материнства она выделяет шесть основных этапов развития материнства в процессе развития личности в онтогенезе:

1) взаимодействие с собственной матерью (начинающийся с внутриутробного периода и продолжающийся почти всю жизнь, особо значимо взаимодействие в первые годы жизни);

2) развитие материнской сферы в игровой деятельности (включает все сюжетно-ролевые игры, например, «дочки-матери»);

3) нянченье (общение с младенцем девочки 4,5-10 лет, помогающее овладению социальными навыками взаимодействия с малышом);

4) дифференциации мотивационных основ материнской и половой сфер;

5) взаимодействие с собственным ребенком;

б) этап принятия ребенка как личности.

На протяжении первых этапов важнейшим процессом является формирование гештальта младенчества, который включает физические свойства младенца (пропорции, запахи, голосовые реакции), поведение (неловкие движения, позы), инфантильную результативность, характеризующую неспособность младенца выжить самостоятельно. По мнению Г.Г. Филипповой, гештальт младенчества является «комплексным ключевым раздражителем, который вызывает у взрослых особей множество разнообразных переживаний и стремление к их возобновлению и сохранению» (Филиппова Г.Г., 2002, с. 141). Иными словами, младенец обладает такими свойствами, которые вызывают определенное поведение у взрослых, и оно совпадает с задачами развития младенца, т.е. именно инстинктивно закрепленная реакция на младенца — забота — не только позволяет выжить конкретному младенцу и виду в целом, но и отвечает потребностям взрослой особи. Такая закономерность прослеживается и у животных, и у человека. Однако поведение человека более сложно и меньше регламентировано инстинктивно заложенными программами поведения. Вопрос же о восприятии гештальта младенчества рассматривается в основном для женщин. По результатам нашего опроса, мужчины при определении отцовства исходят из особенностей ребенка более старшего возраста. Они считают, что необходимо передавать знания, принципы ребенку, однако не описывают заботу о неговорящем младенце как составную часть их образа собственного будущего или имеющегося ребенка. Таким образом, специфические реакции на младенца, восприятие собственного родительства, формирование родительской сферы у мужчин отличны от специфически женских и материнских.

Процесс общения женщины с ребенком начитается задолго до рождения ребенка через сенсорный опыт, приобретаемый женщиной во время беременности. Исследованию процесса осознания своего ребенка как части симбиотической связи, а затем как отдельной личности, посвящены многие работы (Ляксо Е.Е., 2002; Мещерякова С.Ю., 2000), выявившие множество проблем и сложностей в этом процессе. Однако встраивание конструкта ребенка в самосознание мужчины еще более сложно.

В психологии выделяется несколько стадий родительства: принятие решения о рождении ребенка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период постродительства, т.е. период бабушек и дедушек (Филиппова Г.Г., 2002). Данные стадии характерны как для женщин, так и для мужчин, однако существует определенная специфика прохождения этих стадий у мужчин.

Считается (Брутман В.И., Радионова М.С., 1997), что планирование беременности, ее желательность или нежелательность оказывают многообразное влияние на дальнейшее взаимодействие родителя и ребенка. Именно поэтому понимание онтогенеза комплекса отцовства способно внести вклад в раскрытие проблем общения в диаде отец—ребенок.

В онтогенезе комплекса отцовства можно выделить три основных этапа: 1) стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; 2)

переосмысление стереотипов в течение беременности; 3) собственно формирование чувства отцовства после рождения ребенка.

Первый этап начинается с рождения мальчика до момента получения сведений о беременности его жены (партнерши). Формирование стереотипов об отцовстве происходит в процессе взаимодействия с собственными родителями. Причем степень влияния отца и матери зависит от возраста ребенка. Первоначально общение с матерью в период новорожденности и младенчества намного интенсивнее, чем с отцом. Мать кормит, ухаживает за ребенком, заботится о нем, играет с ним, разговаривает. Дж. Боулби и М. Кляйн описали особенности общения матери с ребенком-младенцем. Чувствуя ее поддержку и присутствие, будучи в безопасности, ребенок может исследовать мир. Отец является фигурой, которая помогает ребенку изучать мир, собственное тело и его возможности через силовые игры. Позднее взаимоотношения родителей становятся моделью поведения в обществе сверстников в младшем школьном и в подростковом возрасте. Однако на формирование представлений об отцовстве оказывает влияние не только семейная ситуация. Часто мужчина, выросший без отца, может быть хорошим родителем, если у него есть модель мужского поведения. Это может быть дедушка, тренер спортивной секции, учитель и др. Коррективы вносит и социальная среда, окружающая ребенка. Например, ценность отцовства, декларируемая в патриархальном обществе, прививает определенное отношение к старшему поколению и к собственным детям.

Современными детерминантами организации общественного мнения являются средства массовой информации, формирующие стереотип «правильной» жизни, «правильных» стремлений и ценностей, в том числе ценность сексуальных отношений, важность близких отношений, «идеальной» семьи, необходимости рождения детей. В среднем к 18—23 годам формируются основные представления об отцовстве, характерные для этого периода: молодые люди собираются иметь детей в будущем, но не сейчас, считают необходимым планировать рождение детей и рассматривают это как перспективу только через несколько лет (от двух до пяти), они положительно относятся к детям, но общаются нечасто, полагают, что с рождением ребенка у мужчины появляется большая ответственность. Принимая социальные стереотипы современности как собственное мнение, они полагают, что отец для ребенка является образцом для подражания, воспитывает физически и духовно, социально поддерживает, дает чувство уверенности в себе, защиту.

В проведенном нами исследовании приняли участие семейные пары (в том числе в период ожидания ребенка) и мужчины, не имеющие детей. Мужчины, не имеющие детей, выделяли следующие качества идеального отца: ответственность, доброжелательность, любовь, забота, признание ребенка как ценного существа, справедливость, дисциплинированность, честность, решительность, заинтересованность. При этом они оценивали себя по шкале

«идеального отца» на 80%.

Второй этап - период беременности партнерши — начинается с того момента, когда мужчина узнал, что будет отцом, до начала взаимодействия с уже родившимся ребенком. Сам момент сообщения о беременности и осознание факта реальности ребенка разнесены во времени. Реакция на сообщение о беременности может быть различной в зависимости от многих факторов, включающих намерения мужчины, относительно конкретной женщины, материальную, социальную и другие виды готовности принять ответственность за будущую жизнь. Даже в том случае, когда решение о рождении ребенка принято заранее и является результатом оформления потребностно-эмоциональной и ценностной сфер отцовства, выраженным в желании иметь ребенка, известие о беременности может вызвать сложные переживания. По нашим данным, 60% испытуемых, опрошенных в период беременности жены, ответили, что испытали радость, 40% - тревогу, при этом ребенок был желанным во всех случаях.

В ходе нашего исследования было выяснено, что большинство женщин впервые ощущают себя матерями в период беременности, мужчины отцами уже после рождения ребенка, с которым в пренатальный период мужчина не имеет такой связи, как женщина; соответственно, изменение отношения к себе, формирование отношения к ребенку, принятие новой роли отца - сложный и многофакторный процесс. Эта сложность связана с большей включенностью женщины в общение с ребенком до рождения и в первые месяцы после родов.

Беременность жены для мужчины обозначает ограничение желаний, перестройку планов, погруженность в многочисленные бытовые дела. Как таковая способность мужчины вынести потерю внимания к себе и одновременно дарить его другим, не получая при этом немедленного удовлетворения, определяет, насколько он может быть хорошим отцом. По мнению А.Н. Друсиловой и И.С. Баклушанского (цит. по: Кон И.С., 1988), поворотным моментом в формировании чувства отцовства, а также в возникновении возможных проблем является середина беременности (примерно четвертый месяц), когда у женщины появляется живот, ее положение становится явным, и ребенок становится «материальным», более реальным.

Беременность жены ставит перед мужчиной сложную задачу — справиться с внезапно нахлынувшими ощущениями и оказать психологическую поддержку жене, взять на себя большую часть внешних проблем, создав защитный барьер между женщиной, носящей ребенка, и остальным миром. Как поведет себя будущий отец в каждом конкретном случае, будет зависеть от многих факторов, основные из них — его личностный склад, зрелость отношения к семье, осознанная оценка возникающих трудностей, способность справляться с ними и отношения с собственной матерью и отцом. Гордость отцовства и восприятие беременной жены как предмет гордости

невозможны без зрелой мужественности. Одно из сильнейших переживаний - замороженность способностью женщины порождать из себя что-то новое, давать жизнь. Вкупе с кормлением грудью, когда мать как бы насыщает собой, это вызывает у мужчин ощущение величайшей могущественности женщины, и, с другой стороны, как писала К. Хорни (Хорни К., 1993), ощущение собственной незначительности, несовершенства. Это может спровоцировать чрезмерное увлечение работой, другими женщинами или чем-то еще, что приводит к тому, что будущий отец пропускает возможность установления контакта с ребенком.

Еще одной важной проблемой является то, что беременность жены будит образы материнства, сложившиеся у мужчины много лет назад, и здесь очень важна реальная история отношений с матерью: насколько присутствовали забота, доверие, осознание матерью отдельных от нее интересов ребенка - насколько многомерный и позитивный образ женщины и матери сложился у мужчины: Беременность жены может «столкнуть» мужчину с давними детскими отношениями с матерью и спровоцировать различные реакции, в том числе не действия взрослого человека в ответ на реальные сложности, а реакцию ребенка на мать.

Ко всему этому прибавляется ощущение, что ребенок займет место мужчины в жизни женщины, женщина становится самодостаточной и получает все, что ей нужно, от ребенка. Страх быть ненужным является мощным переживанием этого периода.

Страх потери возможности влияния, контроля над отношениями отражает опасение, что с рождением ребенка жена получает преимущество, связанное со знанием, что «лучше для ребенка», и будет использовать эти аргументы для давления на мужа при решении сложных вопросов. Боязнь кардинальных перемен в жизни и потеря свободы маневра в отношениях могут даже быть причиной нежелания иметь ребенка (Кон И.С., 1988).

Важно отметить, что хотя эти страхи могут не осознаваться, но влияют на поведение мужчины. Позднее проблемы, возникающие во время беременности, приводят к нарушению отношений в диаде отец—ребенок, а иногда и к проблемам в семье. Отец может отказаться от своей экзистенциальной, социализирующей роли, если на ранних этапах развития ребенка не возникло никаких чувств, и превратиться только в источник материальных благ. Мужчина может воспринимать ребенка как обязанного любить родителей и без близкой эмоциональной связи только потому, что это родители ребенка. Соответственно, он не будет стремиться к контакту с ребенком. Тогда возникают проблемы с методами воспитания, например, применением силы. Мужчина также может отказываться общаться с ребенком-младенцем, мотивируя это возрастом ребенка, теряя при этом возможность установления контакта с ним. Здесь могут сказаться установки матери и ее стремление отстранить мужа от ребенка. Тогда и с более взрослым ребенком общение будет нарушено.

Также мужчина, у которого не возник бондинг, может ревновать жену к

ребенку, такое отношение будет еще больше способствовать отстранению отца от ребенка и приведет к различным семейным проблемам (Крайг Г., 2000).

Для женщины беременность является периодом подготовки к общению с ребенком после его рождения. Происходит эта подготовка через непосредственные физиологические изменения организма женщины, изменения ее ценностно-смысловой сферы личности в период беременности.

По мнению психоаналитиков, в период, предшествующий родам, происходят также изменения в эмоциональной сфере женщины, что выражается в таких защитных реакциях, как регресс, вытеснение, инфантилизм. Г.Г. Филиппова приводит данные о том, что женщина во время беременности становится более зависимой от посторонней помощи, проявляет зависимое поведение, провоцирующее покровительство и снисхождение. Даже у беременных самок приматов отмечаются инфантильные черты внешнего вида и поведения: изменение пропорций тела, неуклюжесть движений, импульсивность, «детские» интонации в голосе. Это у животных стимулирует проявления покровительства группы. У человека данные изменения также носят временный характер и, кроме всего прочего, являются защитным механизмом, позволяющим подготовиться к такому сложному и ответственному событию, как роды.

В ходе нашего исследования были получены данные, которые позволяют сделать вывод о том, что эмоциональные реакции женщины не только являются защитным механизмом, но и запускают в мужчине - будущем отце - стремление заботиться, опекать и проявлять по отношению к беременной жене те чувства и ответственность, которую затем он будет проявлять по отношению к ребенку, что позволяет говорить о том, что, по всей вероятности, подготовка к общению ребенком у мужчины в период ожидания ребенка все же происходит опосредованно, через женщину.

Интересен тот факт, что 70% мужчин, опрошенных в период беременности жены, полагают, что ощутили отцовские чувства впервые после шевеления ребенка, однако мужчины, опрошенные после рождения ребенка, полагают, что это произошло после рождения ребенка. Это говорит о том, что до самого общения с ребенком даже малейшее взаимодействие с ним имеет важное значение для осознания его существования для мужчины.

Критерии идеального отца представляются испытуемым — будущим отцам такими же, как и представителям первой группы, не имеющим детей. Однако мужчины — будущие отцы — не смогли оценить себя по шкале идеального отца. Таким образом, налицо рассогласование теоретических стереотипических представлений о том, каким должен быть отец, с их практическим применением. Затрудненность самооценки говорит о том, что процесс осознания себя отцом находится в развитии и не закончен.

Итак, первые два этапа представляют собой период подготовки к общению с ребенком. Теоретические представления об отцовстве формируются в социуме

с начала жизни мужчины, затем изменяются, преломляясь через собственный опыт общения с еще не родившимся ребенком через жену и преобразования, изменения самосознания, самооценки и образов Я. Этот процесс является очень сложным и легко нарушается при отторжении со стороны жены или социальных проблемах будущего отца, таких, как отсутствие материальных ресурсов, постоянной работы и др. Большинство исследований подтверждают специфическую уязвимость отцовства к средовым воздействиям, таким, как сложности признания юридического отцовства и большего воздействия безработицы на отцовство, чем на материнство. Мужчины, которые подвергаются финансовым кризисам, часто отказываются от экономических и психологических обязанностей отца, что частично является следствием уязвимости отцовства по отношению к успеху во внешней среде. Многие мужчины испытывают повышенную тревожность и ответственность за материальное положение семьи, это приводит к стремлению больше работать, чтобы обеспечить семью, но может вызывать чувство одиночества у жены. Другие наоборот, делают вид, что ничего не происходит такого, о чем стоило бы беспокоиться. Такие мужчины полагают, что рождение ребенка — нормальное физиологическое явление, и с раздражением относятся к проявлениям тошноты, утомляемости, плаксивости жены. Женщины в таком случае не чувствуют поддержки и понимания. Таким образом, отсутствие теоретической подготовки к отцовству, страх перед рождением ребенка способствуют возникновению тревожности. Г. Дик-Рид считает, что этот период требует от мужа понимания, терпимости и бескорыстия по отношению к жене, чтобы правильно оценить ее мысли и поведение во время беременности. То есть мужчина оказывается в ситуации повышенных требований. Считается, что этот период является периодом проверки готовности к отцовству. Тем не менее этот период является важным с точки зрения формирования отношения к будущему ребенку и собственной позиции в семье.

Третий этап — период после рождения ребенка — практический период. Этот период является критическим с точки зрения возникновения бондинга - связи мужчины с родившимся ребенком. Среди наших испытуемых - отцов детей возраста 4-7 лет - 90% почувствовали себя отцами после рождения ребенка, а 10% - через 6-7 месяцев. 30% представляли себе своего будущего ребенка во время беременности жены. Они полагают, что во время беременности жены появилась большая забота о жене, ответственность, а после рождения ребенка — бытовые проблемы. 60% испытали радость и гордость, когда впервые увидели ребенка, 20% — боязнь, растерянность и 20% испытали смешанные чувства. Будущие отцы (во время беременности их жен) отрицательно относятся к совместным родам, в то время как 100% отцов относятся к участию отца в родах положительно, но никто из испытуемых не имел такого опыта.

Отец, по их мнению, воспитывает в ребенке рациональность, нормальные условия развития, эстетическое, нравственное развитие.

Примечательно, что средняя оценка отцов самих себя по шкале «Идеальный отец» составляет 50%. Таким образом, реальное практическое взаимодействие с ребенком приводит к более реалистичному оцениванию собственного поведения. Сравнительная оценка представлений об отцовстве мужчин, находящихся в каждом из трех периодов представлена в табл. 2.

Таким образом, формирование отцовства является сложным многоступенчатым процессом, на который влияют различные факторы, в том числе социальные, семейные и личностные; многие его составляющие малоизучены и данные по детерминации их развития противоречивы, и только дальнейшее изучение онтогенеза отцовства позволит ответить на стоящие перед наукой вопросы.

Таблица 2

Соотношение различных параметров на трех этапах онтогенеза отцовства

Параметры	А (теоретический период)	Б (период беременности)	С (период после рождения ребёнка)
Возраст	18-23	23-29	25-59
Желание иметь детей	100 % испытуемых собираются иметь детей, но считают необходимым планировать рождение детей и рассматривают это как перспективу только через несколько лет (от двух до пяти).	70%	70%
Положительное отношение	100%	100%	100%
Общение	60	-	-
Чувства при известии о беременности	-	60% - радость 40% - тревога	
Когда почувствовали себя отцом	-	С началом шевеления – 70%	После рождения ребёнка – 90 %, через 6-7 месяцев – 10%
Представляют	-	60%	30% (во время

(будущего) ребёнка			беременности)
Представляют себя в роли отца, в том числе через несколько лет	95% (80%)	0	-
Считают, что рождение ребенка изменит (изменило) жизнь отца в сторону...	Ответственности	Заботы, ответственности	Во время беременности жены: большая забота о жене, ответственность, после рождения ребёнка – еще и бытовые проблемы
Отец учит ребенка	Образец для подражания, физическое и духовное воспитание, поддержка, чувство уверенности в себе, защита	Правилам, уважению к старшим	Рациональность, нормальные условия развития, эстетическое, нравственное развитие
Качества идеального отца	Ответственность, доброжелательность, любовь, забота, признание ребёнка как ценного существа, справедливость, дисциплинированность, честность, решительность, заинтересованность		
Оценка себя по шкале «Идеальный отец»	80%	Затруднились ответить – 100%	50%
Чувства при встрече с ребенком			Испытали радость и гордость – 60%, боязнь, растерянность – 20%, смешанные чувства – 20%
Занимались с			100%

младенцем			
Отношения с ребёнком сегодня			Хорошие – 80% Не общаются – 20%
Отношение к совместным родам		Отрицательное – 60%	Положительное, но сами не участвовали – 100%

2.6. Специфика отличий мужской и женской модели родительства

Если рассматривать отцовские и материнские функции только биологически, в свете логики полового диморфизма, то генетическая функция самца состоит в том, чтобы оплодотворить как можно большее количество самок, самка же обеспечивает сохранение потомства и наследуемых качеств. По данным биологии, самец обладает почти неограниченным запасом семени, тогда как количество яиц, которым располагает самка, строго ограничено. Сексуальная активность самок большинства млекопитающих лимитируется определенным периодом, позволяя им выносить, выкормить и вынянчить потомство (Кон И.С., 1988).

У человека такого биологического сезонного ограничения нет. Но выкармливание и уход за маленькими детьми повсеместно составляет обязанности женщины. Прежде всего, женщина теснее мужчины вовлечена в репродуктивный процесс. В мужском жизненном цикле нет аналога такому событию, как роды, хотя некоторые культуры создают его искусственно (кувада) (Кон И.С., 1988).

Женщина-мать значительно теснее отца связана со своим ребенком. Их контакт, первоначально имеющий характер симбиоза, начинается уже в утробной фазе развития ребенка и продолжается в дальнейшем. Идея имманентной экспрессивности материнской роли находит подтверждение в психологических данных, согласно которым женщины в среднем эмоционально чувствительнее и отзывчивее мужчин. Новорожденные девочки, слыша плач другого младенца, обнаруживают более острый эмпатический дистресс, чем мальчики. Женщины во всех возрастах превосходят мужчин по способности к эмпатии и самораскрытию, передаче другим более интимной, лично значимой информации о себе и своем внутреннем мире (Кон И.С., 1988).

Ж. Пиаже обратил внимание на то, что мальчики и девочки неодинаково относятся к правилам групповой игры. Мальчики, с их предметным и инструментальным мышлением, отдают предпочтение соблюдению общих правил, нарушение которых всегда вызывает конфликт. Девочки в этом вопросе более терпимы: личные отношения для них важнее формальных правил (Флейвелл Дж., 1967).

Однако, по мнению И.О. Кона (Кон И.С., 2001), данные о психофизиологической связи матери и ребенка пока малочисленны, а женская теплота и отзывчивость могут быть и результатом социализации, потому что не всегда женская нежность направлена на ребенка. Например, эмансипация женщин привела к их большему включению в общественно-производственную деятельность и к тому, что семейные роли, включая материнские, стали не столь всеобъемлющими и менее важными для некоторых из них. Таким образом, И.С. Кон доказывает неправомочность биологизации материнства; еще более историческим и социальным является институт отцовства.

У высших животных, если отцы участвуют в воспитании потомства, то выполняют функции защиты и жизнеобеспечения. У человека различие отцовства и материнства и специфический стиль отцовства зависят от множества социокультурных особенностей и условий и существенно варьируются.

Однако, помимо общих генетических различий (отцовство и материнство коренятся в репродуктивной биологии, поэтому их нельзя рассматривать вне связи с половым диморфизмом), материнское и отцовское поведение зависит от гормональной регуляции. Эксперименты на животных показали, что гормональная стимуляция соответствующих центров мозга способна усилить или ослабить «материнское» поведение животных, порождая потребность ухаживать и ласкать, причем самки значительно восприимчивее самцов. Некоторые элементы материнского поведения женщин, например, лактация, также имеют гормональные компоненты, благодаря которым кормящая мать испытывает удовольствие (Кон И.С., 1988).

Наблюдение за поведением родителей по отношению к новорожденным в естественной среде показывает, что, хотя психофизиологические реакции мужчин и женщин на младенцев весьма сходны, их поведенческие реакции различны: женщины тянутся к ребенку и стремятся его приласкать, тогда как мужчины часто испытывают при тесном контакте с младенцем эмоциональный дискомфорт.

В ходе наблюдений за взаимодействием матерей и отцов с грудным ребенком выяснилось, что мать, даже играя с ребенком, старается, прежде всего, унять его, успокоить. Материнская игра — это своего рода продолжение ухода за ребенком. Напротив, отец предпочитает силовые игры и действия, развивающие собственную активность ребенка (Крайг Г., 2000).

Небезразличны для понимания специфики материнства и отцовства такие предположительно врожденные черты, как повышенная эмоциональность, чувствительность женщин и их предрасположенность быстрее реагировать на звуки и мимику, тогда как мужчины отличаются лучшим пространственным воображением, двигательным контролем, остротой зрения и разделением эмоциональной и когнитивной активности. В контексте ухода за неговорящими, хрупкими младенцами женщины имеют преимущество в том, что легче читают выражение лица младенца, нежнее прикасаются к нему, успокаивают его голосом.

Мужчины более гармонично взаимодействуют с более старшим ребенком, с которым легче и уместнее силовая возня, обучение манипулированию вещами. Эти общие тенденции могут усиливаться или ослабляться различными культурами.

Родительские реакции человека чрезвычайно пластичны. Обычно отцы начинают активный контакт с ребенком, когда ему исполняется 1,5-2 года. С рождением ребенка мужчина приобретает много неприятностей (дополнительные материальные расходы, бытовые обязанности, уменьшение внимания со стороны жены) и практически никаких удовольствий. Однако экспериментально доказано, что психологически подготовленные отцы охотно любят новорожденными, испытывают физическое удовольствие от прикосновения к ним (чаще всего в отсутствие матери, т.к. мужчина боится проявить неуклюжесть и стесняется собственной нежности) и практически не уступают женщинам в уходе за ребенком. Предполагается, что чем раньше отец приобщается к уходу за ребенком, тем сильнее становится его родительская любовь.

Что касается более старших детей, то привычные стереотипы отчуждения мужчин от них преувеличены, по мнению У. Маккея, исследовавшего пространственное взаимодействие взрослых мужчин и женщин с детьми и выяснившего, что, хотя мужчины реже женщин бывают с детьми в общественных местах, основные параметры поведения - тактильный контакт, личное расстояние и визуальный контакт с ребенком - большей частью совпадают у мужчин и женщин (Кон И.С., 1988).

Таким образом, традиционное разделение отцовских и материнских функций — биологически и социально обусловлено, не является единственно возможным, это разделение связано не с разной долей влияния родителей на развитие ребенка, а с разным качеством такого влияния матери и отца, что подтверждает изучение семей с одним родителем (матерью или отцом). В обоих случаях неполная семья создает трудности развития ребенка, но совершенно разного порядка, если одинокие матери испытывают трудности с дисциплинированием детей, то отцы — с недостаточной эмоциональной близостью.

2.7. Структура отцовства

Таким образом, в результате теоретического анализа психологического концепта отцовства можно построить функциональную модель феномена отцовства (рис. 1) по принципу общего научного пентабазиса, предложенного для анализа психических феноменов В.А. Ганzenом.

Роль пространственной характеристики феномена выполняют рассмотренные выше биологические, социокультурные и личные предпосылки определенного способа выполнения отцовских функций, информационной — осведомленность и ассимиляция социальной роли, статуса, функций, куда входит и инструментальный аспект, временной — процесс становления отцовства в филогенезе, его место в жизненном цикле конкретного мужчины, энергетической - активность, интернализация роли и личностное развитие.

<p>Пространство</p> <p>биологические, социокультурные, личные способы выполнения отцовских функций</p>	<p>ОТЦОВСТВО</p>	<p>Время</p> <p>Становление отцовства (история, жизненный цикл)</p>
<p>Информация</p> <p>осведомленность, инструментальный аспект роли отца</p>		<p>Энергия</p> <p>Активность, интернационализация роли, личностное развитие</p>

Таким образом, данная модель выполняет описательную функцию — характеризует и упорядочивает все возможные функции и аспекты приложения и реализации этих функций изучаемого феномена как в социуме, так и в жизни конкретного индивида, что позволяет изучать любой отдельный аспект феномена отцовства во взаимосвязи с другими его характеристиками.

Хотя существует множество количественных и качественных эмпирических исследований отцовства (в основном — узких направлений), однако до сих пор нет теоретической модели отцовства. Исследователи главным образом используют понятия общественных наук в этой специфической эмпирической области исследования, но научное осмысление начинается с построения концептуальных моделей, которые могут быть использованы для дальнейших исследований, а также в практической деятельности. По мнению Marsiglio (1995), выделяются: а) теория жизненного пути (которая исследует, как мужской опыт отцовства изменяется в связи с различными периодами жизни); б) социальная описательная теория (которая подчеркивает, что отцы усваивают культурные образцы роли); в) теория социальной идентичности (которая сосредоточивается на том, как мужчины воспринимают идентичность отца относительно их других социальных ролей). Snarey (1993) использовал теорию Эриксона в контексте того, как отцовство повышает генеративность взрослых мужчин. Другие ученые применяли понятия экономических теорий для описания решения отца вносить свой вклад в жизнь ребенка или уйти из семьи (Вескег, 1991).

Самая часто используемая концептуальная модель отцовства — четырехфакторная модель вовлеченности отца Lamb и Pleck`а, которая слишком узка, по сравнению с теориями развития, такими, как теория Эриксона или теория социальной идентичности (Lamb и др., 1985). Однако эти факторы могут рассматриваться как дополняющие друг друга, причем основываясь на друг друге и в интерактивном режиме, они порождают сами себя — например, мотивация необходима для развития навыков Ihinger Tallman (Ihinger Tallman, 1995) предложил восьмифакторную модель взаимосвязи между идентичностью отца и

фактической вовлеченностью его в семью после развода: социальные стереотипы, восприятие отцом воспитания матери, эмоциональная стабильность отца, эмоциональная стабильность матери, пол ребенка, отношения родителей между собой, экономическая безопасность отца и поддержка от окружающих.

Для упорядочивания теоретического и эмпирического материала нами были разработаны две модели отцовства - функциональная (описанная выше) и структурная, которые обобщают все феномены, факторы, влияющие на развитие отцовства, особенности и важнейшие аспекты отцовства.

В результатах теоретического анализа работ Ш. Барта (Barth S., 1999), В.Э. Фтенакиса (Fthenakis W.E., 1985), ГГ. Филипповой (2002) нами была разработана структурная модель отцовства. По нашему предположению, в структуру отцовства входят следующие компоненты (рис. 2): потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный — осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой — отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент — оценочный, в который входят: 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя, как отца, и своего ребенка; 2) социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, т.к. через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, т.к. пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры.

Ценностно-смысловой блок	Отношение к ребёнку. Экзистенциальные переживания	О Ц Е Н К А	Самооценка
Операциональный блок	Знания. Умения общаться и ухаживать за ребёнком		
Потребностно-эмоциональный блок	Биологические и социальные мотивации. Эмоциональное отношение к ребёнку		Социальная оценка

Рис. 2. Структурная модель отцовства

Компоненты модели выделены в соответствии с принципом психологической

макроструктуры личности по Б.Г. Ананьеву, соответственно, структурная модель отцовства подчиняется двум принципам построения структуры личности по Б.Г. Ананьеву: субординационному и координационному. То есть, более сложные компоненты оказывают непосредственное влияние на низлежащие уровни структуры, однако при этом все компоненты имеют достаточную автономию (Ананьев Б.Г., 2002).

Обе модели феномена отцовства дополняют друг друга. Функциональная модель рассматривает различные аспекты приложения изучаемого феномена, структурная модель выделяет и соотносит друг с другом основные компоненты данного феномена. Структурная модель была апробирована нами в эмпирическом исследовании и легла в основу исследования специфики влияния отцовства на оптимизацию развития личности.

В заключение следует отметить, что эклектичность и на первый взгляд трудная интерпретируемость доступных нам результатов психологических исследований отцовства может быть частично преодолена общей интерпретацией данных исследований в соответствии с разработанной нами функциональной моделью отцовства. Анализ проведенных исследований позволяет отметить, что изучение проблемы отцовства в отечественной психологии находится на начальном этапе, современные исследования отцовства в основном рассматривают либо отцовство применительно к развитию ребенка, включая и исследования историко-культурных особенностей семьи, либо социологические аспекты данного феномена без выработки каких-либо психологических моделей структуры изучаемого явления, либо его влияния на развитие личности самого родителя.

Использование разработанной нами структурной модели отцовства позволяет системно подойти к решению не только фундаментальных общепсихологических проблем, но и обеспечить новый уровень в исследовании ряда прикладных психологических задач, ответить на актуальные вопросы, остро стоящие перед психологической наукой, исследующей личность в современных условиях.

2.7.1. Экспериментальное исследование структуры отцовства

Исследование структуры феномена отцовства проводилось в соответствии с разработанной нами в процессе теоретического анализа феномена моделью структуры отцовства и выдвинутой гипотезой.

Исследование проходило в городах Кемерово, Топки с ноября 2002 г. по март 2003 г. В исследовании приняли участие 99 мужчин, поделенных на две группы по признаку наличия детей (50 мужчин, имеющих детей, 49 мужчин без детей). Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст мужчин, имеющих детей — 32 года, мужчин без детей - 29 лет) и социальным характеристикам - в основном испытуемые являлись служащими (71% - в первой группе, 68% - во второй), студентами (8% и 10% соответственно), предпринимателями (18 и 19%

соответственно), временно неработающими (по 3% в каждой группе) с высшим (49 и 51% соответственно), среднетехническим и средним специальным образованием. Выборка формировалась случайным образом. Данные, полученные с помощью исследования, были подвергнуты статистической обработке, факторному, кластерному и корреляционному анализам. Результатом стало выявление компонентов структуры отцовства, что было положено в основу дальнейшего исследования.

Процедура разработки и апробации анкеты в двух вариантах включала в себя разработку вопросов, необходимых для выявления различных аспектов отцовства, включающих общие представления об отцовстве, детерминированные социальными стереотипами, оценку отношений с собственным отцом, оценку отношений с ребенком. Для оценки эффективности вопросов сначала была проведена предварительная апробация их с помощью метода беседы, затем анкета была предложена 25 мужчинам различного возраста (от 18 до 59 лет) для выявления недочетов, дальнейшей корректировки и уточнения вопросов анкет. В результате исследования было выявлено, что большинство испытуемых (74%) полагают отцовство, как и родительство вообще, а также различные аспекты воспитания, естественным и простым процессом, однако затрудняются ответить на уточняющие вопросы, такие, как различие функций отца и матери, отношение к практике совместных родов, специфика отцовской роли, конкретная реализация функций отца.

В основу исследования структуры отцовства была положена разработанная нами в ходе теоретического исследования структурная модель отцовства, которая включает четыре блока: потребностно-эмоциональный, операциональный, ценностно-смысловой и оценочный, включающий в себя социальную и личностную оценку. Для выявления содержания данных блоков нами использовались следующие методики: Шестнадцатифакторный опросник Кеттелла - 16PF, Тест смысложизненных ориентации (СЖО) Д.А. Леонтьева, методика «Личностный дифференциал», методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффера-Белла и др. (Schaefer E.S. - Bell R.A.), а также некоторые вопросы анкеты, имеющие интервальную шкалу измерения. На основе анализа индивидуальных протоколов респондентов была получена обобщенная матрица данных. Уровневые характеристики выборки, состоявшей из 99 человек, представлены в табл. 2, 3, 4, из которых видно, что наибольшей дисперсией характеризуются данные, полученные по шкалам теста смысложизненных ориентации (СЖО), наименьшей дисперсией характеризуются шкалы Шестнадцатифакторного опросника Кеттелла и опросника PARI. Таким образом, наибольший разброс наблюдается в данных по смысложизненным ориентациям, причем как для всей выборки, так и для групп, разделенных по признаку наличия детей, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Данные, полученные с помощью Шестнадцатифакторного опросника

Кеттелла и опросника PARI, являются более однородными как внутри выборки, так и внутри каждой группы, что для PARI свидетельствует о наличии определенной модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам ЛЦ и СЖО находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику PARI являются высокой нормой, данные по 16PF соответствуют средним значениям норм. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости, равном 0,05, показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяют использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента и корреляционный анализ (Боровиков В.П., Боровиков И.П., 1998).

Общегрупповая матрица данных была подвергнута факторному анализу с подпрограммой поворота осей «Varimax normalized». В результате обработки данных по выборке мужчин-отцов, было выявлено, что для изучаемого нами феномена можно выделить четыре устойчивых фактора (табл. 3). Устойчивость проверялась путем аналогичной процедуры для половины выборки, полученной случайным образом. Приведем шкалы опросников с указанием их факторной нагрузки, которая отражает то, насколько данный пункт содержит в себе некий базисный смысл (фактор). Знак факторной нагрузки имеет математический, а не оценочный смысл и показывает, к какому полюсу фактора относится рассматриваемая шкала.

Фактор 1, включающий следующие параметры — ограничение матери ролью хозяйки дома, подавление сексуальности ребенка, власть матери, ускорение развития ребенка (PARI) (0,723100 0,816629; 0,704940 и 0,794317 соответственно), кроме того, отношения с собственной матерью, чувства при первой встрече с ребенком, подавление воли ребенка, «жертвенность» родителей, строгость родителей, раздражительность родителей, зависимость ребенка от матери, поощрение зависимости ребенка от родителей, подавление агрессивности ребенка, «мученичество» родителей, навязчивость родителей, избегание общения с ребенком (PARI) (0,434502; 0,496484; 0,472188; 0,463385; 0,428503; 0,629101; 0,448172; 0,475823; 0,691540; 0,463911; 0,582999; и —0,488313 соответственно). Фактор биполярный, объединяет на положительном полюсе различные аспекты родительской заботы, на противоположном — избегание общения с ребенком. Мы предлагаем назвать фактор «Социальные стереотипы родительства». Налицо достаточно четкая дихотомия между представлением о любви родителей как о «жертвенной любви», распространенное в российском обществе, согласно исследованиям К.Н. Сухановой (Суханова К.Н., 2003), и «эгоистическим» отстранением от участия в судьбе ребенка. Если учитывать тот факт, что эти данные получены на выборке мужчин, то становится явным интересный парадокс. Современные статистические данные социологов (de Mause L., 1977) говорят об увеличении количества разводов и о том, что мужчины принимают минимальное участие в воспитании детей, не живущих с ними в одном домохозяйстве, в то же время представления

самих мужчин об отцовстве являют собой прямо противоположную картину. Такое расхождение может быть объяснено тем, что в исследовании принимали участие в основном мужчины, живущие со своими детьми (97%). Однако в любом случае выявление данной дихотомии говорит о представленности этой проблемы в общественном сознании в виде определенных социальных норм, стереотипов «хорошего отца — плохого отца».

Таблица 3. Результаты факторного анализа данных.

Первый фактор		Второй фактор	
Цели в жизни	0,815392	G (подверженность социальным нормам)	-0,799054
Процесс жизни	0,888908	Q2 (конформизм – нонконформизм)	0,654399
Результативность жизни	0,795097	N (прямолинейность-дипломатичность)	0,698795
Локус контроля Я	0,825203	H (склонность к риску)	0,541043
Локус контроля	0,717228	C (стрессоустойчивость)	0,545964
Управляемость жизни			
Общая осмысленность	0,942219	Жертвенность родителей	-0,512188
		Возраст отца	-0,501321

Фактор 2 включает страх причинить вред ребенку (PARI) и фактор «расслабленность—напряженность» (16 PF) (0,728802 и 0,719135 соответственно), а также раздражительность родителей, «мученичество» родителей, поощрение активности ребенка, товарищеские отношения между родителями и детьми, предоставление ребенку возможности высказаться, равенство родителей и ребенка, зависимость ребенка от матери (PARI), факторы «Стрессоустойчивость», «Склонность к риску», «Нормативность поведения» (16 PF), а также изменения, произошедшие во время беременности жены (анкета) (-0,492903, -0,542053, 0,438218, -0,569417, 0,431103, -0,515273, -0,439531, -0,414390, 0,478075, 0,483761, -0,510799 и, соответственно, 0,455787). Фактор биполярный объединяет на положительном полюсе разнородные шкалы, такие, как страх причинить вред ребенку, нормативность поведения, однако, кроме того, поощрение активности ребенка и предоставление ему возможности высказывать свое мнение, склонность к риску и напряженность. Противоположный полюс включает

раздражительность родителей, их мученичество, зависимость ребенка от матери, значимость изменений, произошедших во время беременности жены, и стрессоустойчивость, и, кроме того, равенство ребенка и родителей. Смысловой инвариант полюсов позволяет проинтерпретировать фактор как выявление различных противоположных аспектов непосредственного взаимодействия отца с конкретным ребенком. Мы предлагаем назвать фактор «Взаимодействие отца с ребенком». Данный фактор в большей степени, чем первый, вскрывает специфику операциональных аспектов взаимодействия отца с конкретным ребенком. Кажущаяся на первый взгляд противоречивость объединения таких параметров, как нормативность поведения и предоставление ребенку возможности высказаться, поощрение активности ребенка и склонности к риску, однако хорошо согласуется с данными, полученными в исследовании В.Л. Ситникова (цит. по: Ильин Е.П., 1999), о том, что образы детей в сознании отца в большей степени соответствуют Я-образам детей, в то время как образы детей в сознании матерей соответствуют Я-образам матерей, что отцы предоставляют детям большую свободу в самовыражении, и, может быть, таким образом, объяснена тем, что данное поведение является типичным.

Фактор 3 объединяет фактор «Сдержанность—экспрессивность» (16 PF) (0,711788), а также подавление воли ребенка, поощрение активности ребенка (PARI), эмоциональные изменения, произошедшие во время беременности жены и после рождения ребенка, а также в отношении окружающих к мужчине после рождения ребенка, и взаимодействие с ребенком в настоящее время (анкета) (0,451367, 0,633074, 0,485591, 0,454524, 0,430706 и 0,614616 соответственно). Фактор униполярный объединяет в себе различные аспекты эмоциональной связи родителя с ребенком, а также изменение отношения окружающих к мужчине с появлением ребенка. Наше название фактора «Эмоциональная! связь с ребенком». Наличие в данном факторе компонента «сдержанность — экспрессивность», причем с достаточно высокой факторной нагрузкой (0,711788), позволяет говорить о значимости параметра «экспрессивность» в отношениях с ребенком для мужчины, что подтверждается положениями И.С. Кона (Кон И.С., 1988) о том, что, хотя многие исследования подтверждают меньшую эмоциональность отцов в отношении детей, по сравнению с матерями, несмотря на менее экспрессивное выражение эмоций, отец, так же, как мать, эмоционально переживает отношения с ребенком, меньшая же экспрессия является следствием биологических и социальных детерминант.

Фактор 4 включает следующие компоненты: цели в жизни (СЖО) (0,776573), а также фактор «Оценка» (ЛД), показатели по шкалам «Процесс жизни», «Результативность» (СЖО), фактор «Замкнутость-общительность» (16 PF), (PARI) (0,544022, 0,456901, 0,635703, 0,598101 и 0,480741 соответственно). Фактор униполярный объединяет ценностно-смысловые и оценочные категории отцовства. Мы предлагаем назвать фактор «Экзистенциальная оценка собственной жизни».

Примечательно, что оценочный компонент в данном факторе представлен оценкой самого себя как отца, т.е. если аспект социальной оценки лежит в основном в поле операционального блока, то самооценочный компонент феномена отцовства связан с ценностно-смысловым блоком.

Таким образом, выделены четыре фактора: Фактор 1 — «Социальные стереотипы родительства»; Фактор 2 — «Взаимодействие отца с ребенком»; Фактор 3 — «Эмоциональная связь с ребенком»; Фактор 4 - «Экзистенциальная оценка собственной жизни». При этом первые два фактора представляют собой характеристики семейного взаимодействия с ребенком, распределения функций между отцом и матерью, второй фактор характеризует собственно взаимодействие отца с ребенком и установки, с ним связанные. Таким образом, эти два фактора включают в себя социальный оценочный компонент и с разных сторон описывают выделенный нами операциональный компонент в структуре комплекса отцовства. Следовательно, можно сделать вывод о том, что операциональный компонент феномена отцовства включает в себя компонент оценки и широкий спектр многообразных способов взаимодействия с ребенком.

Содержание фактора «Эмоциональная связь с ребенком» представляет собой наполнение потребностно-эмоционального блока в структуре комплекса отцовства. При этом в данный фактор включается также оценочная составляющая, в основном связанная с эмоциональным переживанием изменения статуса мужчины в обществе после рождения ребенка, т.е. с социальной оценкой самого факта наличия или отсутствия детей. Фактор 4, определяемый через ценностно-смысловое отношение к ребенку, экзистенциальные переживания и оценку собственной жизни характеризует ценностно-смысловой блок в структуре комплекса отцовства, выделенный нами в ходе изучения данного феномена.

Кроме структурного и уровневого анализов нами дополнительно был проведен типологический анализ методом кластеризации признаков. Использовался односвязывающий метод (метод ближайшего соседа). Кластерный анализ данных по выборке мужчин-отцов показал, что в исследуемом феномене можно выделить три кластера данных, отдаленных друг от друга различными дистанциями, но взаимосвязанных; при этом связи внутри каждого класса являются более близкими, чем между классами (рис. 3).

Проанализировав составляющие каждого кластера, можно сделать вывод о том, что они соответствуют трем выделенным нами блокам в структуре отцовства.

1. Потребностно-эмоциональный блок. В данный кластер объединяются данные по шкалам А, С, Е, Р, О, Н, N. 01,02,03, 04, а также оценка чувств мужчины при известии о беременности жены, во время беременности и после рождения ребенка, чувства при первой встрече с ребенком, отношение к мужчинам, не имеющим детей, согласно ответам на 7, 8,9,13,22 вопросы анкеты.

2.Операциональный блок. Включает в себя данные, характеризующие взаимодействие с ребенком, такие, как отношение к детям вообще, отношение с собственными родителями, трудности во время беременности жены и

младенчества ребенка и все операции по уходу за ребенком-младенцем и ребенком более старшего возраста (ответы на 2, 4, 5, 11, 12, 20, 21 вопросы анкеты), все шкалы PARI.

3. Ценностно-смысловой. В данный кластер входят данные по всем шкалам опросника СЖО, а также данные о том, желанным ли был ребенок; представление о том, что дает ребенку отец, оценку собственного вклада в развитие ребенка, как и изменение отношения окружающих к мужчине после рождения первого ребенка (по 6,15,16, 18 вопросам анкеты) и данные по возрасту испытуемых.

Расстояние (Эвклидово расстояние) между потребностно-эмоциональным, операционным и ценностно-смысловым блоками самое большое (56), между потребностно-эмоциональным и операционным — меньше (27).

Таким образом, кластерный анализ данных по выборке мужчин-отцов показал, что в исследуемом феномене можно выделить три кластера данных, соответствующих выделенным нами блокам в структуре отцовства:

1) Потребностно-эмоциональный блок; 2) Операциональный блок; 3) Ценностно-смысловой. Оценочный компонент не был выявлен. Согласно нашей модели, данный компонент пронизывает все остальные и является сквозным. Содержание каждого кластера имеет в себе различные компоненты оценки, например, для первого кластера — это оценка мужчин, не имеющих детей (отрицательная в сравнении с мужчинами отцами), для второго кластера — присутствие в нем всех шкал PARI, которые объединяют различные социальные представления о том, как необходимо заботиться о ребенке, включая социальные нормативы, для третьего кластера - это оценка собственного вклада в воспитание ребенка, себя как отца и изменение отношения окружающих к мужчине после рождения его первого ребенка.

Для уточнения данных, полученных с помощью кластерного анализа, был проведен корреляционный анализ с детальным сравнением корреляционных матриц двух групп испытуемых. Количественное сравнение межуровневых связей между блоками в корреляционной матрице (табл. 4) позволяет сделать вывод о том, что у мужчин-отцов связи внутри блоков более тесные и непротиворечивые, что может свидетельствовать о сформированности и большей консолидированности компонентов данного феномена у отцов. У мужчин, не имеющих детей, количество связей меньше, связи нежесткие, как внутри блоков, так и между ними. Очень жесткие связи внутри операционального блока могут также свидетельствовать, по мнению А. Анастаси и Шванцара (Анастаси А., 1982), о некоторых проблемах или сложностях во взаимоотношениях с конкретным ребенком, что не так выражено у мужчин, не имеющих детей, т.к. они не имеют практического опыта этих взаимоотношений. Кроме того, у мужчин-отцов лучше прослеживаются и взаимосвязи между блоками, что свидетельствует о большей интегрированности и взаимосвязи между компонентами изучаемого нами

феномена.

Таким образом, результаты факторного, корреляционного и кластерного анализов показали, что гипотеза о том, что феномен отцовства является комплексным образованием, в котором можно выделить структурные элементы, подтверждается, и структурная модель комплекса отцовства, построенная на основе теоретического анализа феномена и являющаяся базой данного исследования, является продуктивной, что делает возможным ее дальнейшее использование как для решения исследовательских задач, так и для практических (коррекционных) целей.

Таблица 4

Количество обнаруженных корреляционных связей между измеряемыми показателями

Подгруппы	Внутри блоков			Между блоками			Общее	
	I ЦС	II Оп.	III ПЭ	I и II	I и III	II и III	Полож.	Отриц.
1. Без детей (А)	38	39	6	6	3	26	205	56
2. С детьми (С)	26	107	28	15	5	21	261	31

2.8. Влияние отцовства на оптимизацию развития личности

Большинство ученых, таких, как И.О. Кон, В.В. Бочаров, S.Barth, W.E. Fthenakis, подчеркивают, что именно рождение ребенка и взаимоотношения с ним дают мужчине шанс социализироваться самому, шанс саморазвития. Недаром в древних культурах мужчина до рождения своего первого ребенка считался отроком (Кон И.С., 1988). Отцовство как совокупность социальных и индивидуальных характеристик личности, включающих все уровни жизнедеятельности человека, связано и с объективными характеристиками личности, такими, как потребности, влечения, желания, установки, и с субъективными характеристиками личности — ценностными ориентациями, мировоззрением, а также с образом Я (реальным, идеальным, социальным), Я-концепцией личности и самооценкой. Для мужчины — это проблема личностного развития, проблема принятия своих чувств и их самоконтроля. Осознание себя отцом приводит к осознанию необходимости жить «правильно», т.е. выполнять определенные социальные нормы, предписываемые взрослому человеку. Подрастающий ребенок становится продолжением

мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости и нужности.

Многое зависит от того, насколько данная роль принята мужчиной. Речь идет даже не столько об операциональном аспекте реализации роли, сколько о личностном принятии, интернализации роли отца конкретным мужчиной.

Например, считается, что мужчины испытывают дискомфорт при прикосновении к младенцам, существует даже миф о брезгливости мужчин к маленьким детям (Кон И.С., 1988), однако, по мнению И.С. Кона, причинами этого могут быть вовсе не очевидные факторы. Женщины очень часто отстраняют отцов от заботы за ребенком или воспринимают отца как заместителя матери, хотя, по сути, они выполняют различные функции. Мужчины, кроме того, стесняются проявлять нежные чувства по отношению к ребенку, стесняются жен и своей «неуклюжести» в общении с ребенком. Материнская функция признается обществом почти священной и довольно хорошо регламентирована. Проявление материнских чувств является нормой. Мужчины же скупы на проявление эмоций вообще, в том числе и чувств к ребенку. Гораздо большая проблема состоит в том, что, ребенок вызывает эмоциональный отклик у отца далеко не всегда. Мужчине гораздо сложнее, чем женщине, воспринимать ребенка как продолжение себя. Женщина готовится к общению с ребенком задолго до его рождения и в процессе родов. В период беременности у женщины появляется новый сенсорный опыт, начинается процесс духовного принятия ребенка.

Мужчина отлучен от этого общения, поэтому чувство отцовства, эмоциональный отклик, восприятие ребенка затруднены (Кон И.С., 1988). Женщина в период беременности изменяется, она может прибегать к защитной регрессии, в терминологии психоанализа, предполагающей детские эмоциональные реакции в столкновении с взрослыми проблемами, в то время как будущие отцы склонны рационализировать и схематизировать угрожающие переживания. По мнению Е.В. Чумаковой (цит. по: Поливанова К.Н., 2000), такая разница связана с традиционными представлениями о мужественности, которые внушаются мальчикам: не приветствуя фиксацию на чувствах и переживаниях, они содержат установки на хладнокровное избавление от них (подавление, вытеснение). Это приводит к подавлению проявлений чувств мужчинами.

Кроме того, важнейшим фактором отношения к ребенку являются отношения с собственным отцом, перенятие паттернов его поведения, стереотипа мужественности, что также не всегда способствует проявлению чувств мужчинами.

Некоторые исследователи (Евсеев Ю.В., 2003; Суханова К.Н., 2003) выделяют следующие этапы принятия родительской роли: 1) стереотипное представление о родителстве, 2) переосмысление стереотипов в течение беременности, 3) собственно формирование роли после рождения ребенка. В нашем исследовании нас интересовала специфика влияния третьего этапа на оптимизацию развития личности.

В исследовании П. Поповой (Попова П., 1989) были выделены некоторые аспекты принятия роли отца мужчиной: уважение и привязанность к отцу со стороны матери (только в такой обстановке, считает П. Попова, мужчина может проявить себя как отец и воспитатель); особенности родительской семьи мужчины и его отношений с отцом; немаловажным фактором является возраст мужчины: не слишком рано, когда существует опасность легкомысленного отношения к отцовству и страха перед ответственностью и потерей свободы, и не слишком поздно, когда ответственность за судьбу детей может испугать, т.е. личностная зрелость, что делает целесообразным изучение отцовства именно как феномена периода взрослости. Кроме того, П. Попова выделяет в качестве важнейших факторов участие отца в общении с ребенком до рождения и в период младенчества; участие отца в родах, т.к. беременность жены - это первая проба реальной готовности мужчины к появлению ребенка, который на долгие годы становится главной точкой отсчета семьи и требует внимания, сил и энергии.

Таким образом, принятие роли отца играет важнейшую роль в выполнении этой роли, однако, несмотря на то, что осознание себя отцом происходит преимущественно после рождения ребенка, различные аспекты принятия ребенка и себя как отца начинают складываться задолго до непосредственного взаимодействия с ребенком.

Исследования немецких ученых (Barth S., 2000; 1988) показали, что отцовство, когда оно интернализировано, влияет на собственную полоролевою идентификацию мужчины, его удовлетворенность жизнью, а также на мировоззрение мужчины. Вовлеченные в воспитание своих детей мужчины показывали менее ригидное понимание мужской роли и стереотипа мужественности, они рассматривали отцовство, как важнейший фактор своей мужской роли, таким образом идентифицируя себя с собственным отцом. Кроме того, Barth S. (Barth S., 2000) выявил, что мужчины, принимающие значительное участие в воспитании своих детей, обнаруживали большую удовлетворенность жизнью и самим собой, по сравнению с контрольной группой. Они имели более высокую самооценку и были более уверены в себе. Была обнаружена взаимосвязь между самоуважением и принятием отцовской заботы о детях на себя. Интересные результаты дало исследование в Австралии (Мид М., 1988): оказалось, что отцовство влияет также и на изменение мировоззрения и убеждений личности. Меняется представление о ценности человеческой жизни: очень важным становится благополучие ребенка, его нормальное развитие. Именно такие мужчины проводят с ребенком много времени, не считая его потерянными бесцельно. Ученые связывают даже продуктивность на работе с удовлетворенностью семейной жизнью, и многие компании начинают это понимать. Так, в 1995 г. компанией «Du Pont» были сделаны следующие выводы: развитие социальных программ компании повышает результативность работы (Canitz H.-L.v., 1982).

Таким образом, принятие роли оказывает влияние на операциональный

аспект ее выполнения и влияет на личностные изменения мужчины (Doherty W.J., Boss P.G., LaRossa R., Schumm W.R., Steinmetz S.K., 1993). Появление ребенка естественным образом оказывает влияние на восприятие других, мотивацию, цели, ценностные ориентации и установки человека, однако многие исследования (Fthenakis W.E., 1985; Lenzen D., 1991) говорят о том, что именно принятие данной роли способствует успешной реализации себя в ней. Так как, по мнению И.С. Кона, социальная роль связывает деятельность личности и ее самосознание с функционированием социальной системы, причем отправной точкой является не индивид, а социум (Кон И.С., 1988). Функции самосознания Л.С. Выготский (Выготский Л.С., 1984) назвал «третичными» функциями, имея в виду, что они производны как от непосредственного социального общения личности, так и от ее уже интернализированных и в этом смысле «вторичных» психических функций. Кроме того, при неблагоприятном развитии событий возможен ролевой конфликт, когда представления о ролях, выполняемые одним человеком, разнятся. Например, П. Попова (Попова П., 1988) полагает, что многие проблемы мужчин, бегущих от отцовства, связаны, прежде всего, с ролевым конфликтом. Она условно выделяя два типа таких мужчин: для первых роль отца несовместима с профессиональным ростом, свободой и ролью «свободного» мужчины, для вторых — сложности взаимоотношений с собственными родителями и связанная с этим безответственность являются препятствие для выполнения отцовской роли. Однако такие ролевые конфликты должны активизировать работу самосознания, побуждая личность иерархизировать различные аспекты своей жизнедеятельности, что происходит не всегда, но чаще всего, когда человек достигает зрелости.

И. С. Кон утверждает, что понятием «социальная роль» обозначается та сторона деятельности, которая является интернализированной ролью. При этом внимание должно концентрироваться на том, как сам человек воспринимает, оценивает и осознает ту или иную свою функцию, какое место она занимает в его образе Я, какой личностный смысл он в нее вкладывает. Интернализированная роль — это компонент самосознания, отношение к тому или иному аспекту жизнедеятельности. Таким образом, успешное функционирование в роли отца невозможно без ее интернализации, которая в свою очередь «встраивает» отцовство в самосознание личности, ее Я-концепцию и образы Я. Аспект отношения связан с оценкой своего ребенка, самооценкой себя как мужчины, себя как отца и своего выполнения социальных ролей, что формирует определенный образ Я. Так формируются «Я реальное» и «Я социальное», через сравнение собственного поведения с требованиями общества. «Я идеальное» формируется также под воздействием общества, воспитания и представлений о том, как следует поступать в различных ситуациях. Соотношения компонентов образа Я, их взаимодействие определяет осознание себя как отца и может изменяться в процессе жизни (Кон И.С., 1978).

Итак, по-видимому, неправомерно определять отцовство через понятие «роль» или «инстинкт», «чувство» по аналогии с материнским инстинктом, как это делается, например, в работах ГГ. Филипповой (Филиппова ГГ., 2000), которая выделяет для материнской сферы три блока: потребностно-эмоциональный, ценностно-смысловой и операциональный, т.к., во-первых, достаточно четкого определения материнского инстинкта и его структуры до сих пор не существует, а, во-вторых, данные понятия не исчерпывают всей многогранности и сложности понятия «отцовство», включающего в себя и социально-культурные аспекты, такие, как, например, исторически сложившиеся стереотипы поведения, социально-личностные характеристики, описываемые понятиями «роль», «статус», требования общества, влияющего на личностные изменения мужчины, его субъективные личностные характеристики, такие, как самооценка, образ Я, самосознание.

2.8.1. Экспериментальное исследование влияния отцовства на развитие личности

Исследование влияния отцовства на развитие личности проходило в два этапа: первым этапом было исследование различия характеристик личностного развития мужчин-отцов, в отличие от мужчин, не имеющих детей, которое проходило в городах Кемерово, Топки с декабря 2002 г. по сентябрь 2003 г. В исследовании приняли участие 99 мужчин, поделенных на две группы по признаку наличия детей (50 мужчин, имеющих детей, 49 мужчин без детей). Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст мужчин, имеющих детей, - 32 года, мужчин без детей — 29 лет) и социальным характеристикам. Вторым этапом стало экспериментальное исследование влияния отцовства на развитие личности, которое проводилось в период с сентября 2003 г. по июнь 2004 г. В исследовании принимали участие всего 95 мужчин, имеющих одного или более детей. Из них 45 мужчин (три группы по 15 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 50 — контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы — 32 года, контрольной — 33 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие представляло собой прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на принятие роли отца и формирование продуктивного отцовства.

Ввиду того, что согласно проведенного нами теоретического анализа этапов, факторов и критериев развития личности в период взрослости, наиболее общим критерием развития в данном возрасте в современной психологической науке и принятой нами методологической позиции полагается достижение зрелости (Реан А.А., 2000) — процесс, который можно конкретизировать через формирование ответственности, терпимости, толерантности, саморазвития, позитивного социального мышления, а также принимая во внимание структурную модель

отцовства, которая включает четыре блока: потребностно-эмоциональный, операциональный, ценностно-смысловой и оценочный, включающий в себя социальную и личностную оценку, для выявления влияния отцовства на развитие личности, понимаемое нами как формирование ответственности, терпимости, толерантности, саморазвития, позитивного социального мышления, нами использовались следующие методики: Шестнадцатифакторный опросник Кеттелла — 16PF, Тест смысло-жизненных ориентации (СЖО) Д.А. Леонтьева, методика «Личностный дифференциал», методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е.Шеффера-Белла и др. (Schaefer E.S. - Bell R.A.), а также некоторые вопросы анкеты, имеющие интервальную шкалу измерения. Данные, полученные в ходе исследования, были обработаны с помощью корреляционного и факторного анализов.

Первый этап исследования

Обработка данных. На основе индивидуальных протоколов респондентов была получена общегрупповая матрица данных.

Сравнение выборок показало, что между выборками существуют значимые по критерию Стьюдента с уровнем значимости 0,05 ($p < 0,05$) различия по следующим показателям: фактор силы (ЛД), по шкалам цепи в жизни и результативность жизни (или удовлетворенность самореализацией) по СЖО, а также по таким шкалам опросника PARI, как шкала «Подавление воли ребенка», «Мученичество родителей», кроме того, по следующим факторам опросника Кеттелла: С - стрессоустойчивость, Е - доминантность, F - сдержанность-экспрессивность, G - подверженность социальным нормам, Н - склонность к риску, I - жесткость-чувствительность, L - доверчивость-подозрительность, М — практичность—воображение, N — прямолинейность—дипломатичность, Q1 — консерватизм—радикализм, Q2 — конформизм—нонконформизм, Q3 — низкий — высокий самоконтроль.

Корреляционный анализ показал, что существует значимая (при $p = 0,05$) положительная корреляция между наличием детей и следующими показателями (табл. 5): сила (самооценка себя по фактору силы) (ЛД) - $r = 0,33$ (при $p = 0,05$), цели в жизни (СЖО) $r = 0,44$, результативность (СЖО) $r = 0,29$, «жертвенность» родителей (PARI) $r = 0,55$, а также с некоторыми факторами по 16PF: фактор С (стрессоустойчивость) $r = 0,67$, фактор F (сдержанность—экспрессивность), $r = 0,37$, фактор G (подверженность социальным нормам) $r = 0,81$, фактор N (прямолинейность—дипломатичность) $r = 0,54$, фактор Q3 (низкий - высокий самоконтроль) $r = 0,45$. Значимая отрицательная связь наблюдается между наличием детей и такими переменными, как: шкала равенства родителей и ребенка (PARI) $r = -0,30$, фактор Е (доминантность) $r = -0,35$, фактор Н (склонность к риску) $r = -0,65$, фактор I (жесткость - чувствительность) $r = -0,65$, фактор L (доверчивость—подозрительность) $r = -0,37$, фактор М (практичность—воображение) $r = -0,43$, фактор Q1 (консерватизм-радикализм) $r = -0,55$, а также фактор Q2 (конформизм-

нонконформизм) $r = -0,54$.

Таблица 5

Корреляция между наличием детей и различными факторами

Положительная (при $p < 0,05$)		Отрицательная (при $p < 0,05$)	
Сила (ЛД)	$r = 0,33$	Оценка равенства родителей и ребенка	$r = -0,30$
Цели (СЖО)	$r = 0,44$	Доминантность	$r = -0,35$
Результат (СЖО)	$r = 0,29$	Склонность к риску	$r = -0,65$
Оценка «жертвенности» родителей	$r = 0,55$	Жесткость	$r = -0,65$
Стрессоустойчивость	$r = 0,67$	Подозрительность	$r = -0,37$
Сдержанность	$r = 0,37$	Воображение	$r = -0,43$
Нормативность	$r = 0,81$	Радикализм	$r = -0,55$
Дипломатичность	$r = 0,54$	Нонконформизм	$r = -0,54$
Самоконтроль	$r = 0,45$		

Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что различия между личностными особенностями мужчин, имеющих детей, и мужчин, не имеющих детей, действительно существуют, и что для мужчин-отцов характерны большая стрессоустойчивость, экспрессивность, большая подверженность социальным нормам, дипломатичность, более высокий самоконтроль, а также большая оценка себя по фактору силы (ЛД) и большая осмысленность целей жизни и удовлетворенность результатом в настоящий момент. Однако такие мужчины менее доминантны, менее склонны к риску, более жестки, менее подозрительны, более практичны, более консервативны, а также более конформны. Они выше оценивают жертвенность родителей по отношению к детям и менее склонны оценивать детей, как равных взрослым.

Таким образом, можно констатировать, что мужчины-отцы более удовлетворены жизнью, более склонны к соблюдению социальных норм и правил поведения, менее склонны к риску и менее подозрительны, более терпимы и ответственны, кроме того, более практичны. Факторный анализ данных с подпрограммой поворота осей *varimax normalized* показал, что все переменные группируются в два устойчивых фактора (устойчивость проверялась путем обработки аналогичным образом половинной выборки матрицы, полученной случайным образом): первый фактор, включает показатели по всем шкалам СЖО, второй фактор включает следующие параметры: 16PF - G, Q2, N, H, C, а также показатели по шкале PARI «Жертвенность родителей» и возраст (табл. 3).

Испытуемым вновь было предложено оценить себя по показателям до и после рождения ребенка для мужчин-отцов и себя сейчас и после возможного рождения ребенка для мужчин, не имеющих детей. Затем полученные данные были сравнены по Т-критерию Стьюдента. При уровне значимости 0,05 были получены различия для мужчин-отцов по обоим показателям. У мужчин, не имеющих детей, значимые различия выявлены по фактору «Осмысленность жизни». Значимый коэффициент ранговой корреляции (при $p < 0,05$) между наличием детей и оценкой осмысленности жизни для мужчин-отцов составил $r = 0,54$, для мужчин, не имеющих детей, $r = 0,44$; коэффициент корреляции между наличием детей и выполнением социальных норм у мужчин-отцов равен 0,43.

Таким образом, налицо взаимосвязь наличия детей с осмысленностью жизни, а также с выполнением социальных норм.

Кроме того, с помощью факторного анализа были проанализированы ответы на вопросы анкеты отдельно по выборкам мужчин-отцов и мужчин, не имеющих детей. Были получены следующие результаты: для мужчин, имеющих детей, наибольшую факторную нагрузку имеют показатели: отношение с ребенком на сегодняшний день (0,766053), возраст отца и ребенка (-0,869932 и -0,868267 соответственно), изменения, произошедшие в жизни мужчины после рождения ребенка (-0,729712), а также оценка испытуемыми мужчин без детей (0,773556). Для мужчин, не имеющих детей, отношение к детям и представление собственного будущего ребенка (-0,850793 и -0,707525 соответственно), вопросы планирования семьи (0,742788), представление себя в роли отца (0,725269).

Таким образом, результаты факторного и кластерного анализа показали, что мужчины-отцы более удовлетворены жизнью, более склонны к соблюдению социальных норм и правил поведения, менее склонны к риску и менее подозрительны, более терпимы и ответственны, более практичны, кроме того, обнаружена значимая взаимосвязь между наличием детей и общей осмысленностью жизни, положительной оценкой ее результативности.

Для уточнения данных, полученных с помощью статистического анализа, нами проводилась беседа, кроме того, в анкеты были включены открытые вопросы, ответы на которые конкретизируют отношение мужчин к исследуемому феномену. Качественный анализ этих данных свидетельствует о том, что:

1. Среди мужчин, не имеющих детей, 52% считают, что любят детей, но общаются нечасто, 32% — общаются часто, 12% испытывают желание отстраниться, для 76% пол ребенка не важен, свои отношения с матерью оценивают как очень хорошие 76% испытуемых, причем ни один испытуемый не рассматривает свои отношения с матерью как плохие, в то время как отношения с отцом классифицируются таким образом 20% испытуемых, однако 68% считают свои отношения с отцом близкими. 92% испытуемых планируют иметь детей в будущем и считают, что рождение детей необходимо планировать, 92% считают, что появление ребенка сильно изменит их жизнь, 48% представляли себе когда-нибудь своего

будущего ребенка, при этом 64% представляют себя в роли отца. На вопрос о трудностях, сопряженных с рождением ребенка, 44% ответили, что это материальные трудности, 28% — ответственность. К практике совместных родов 36% относятся положительно, абсолютное большинство — 44% — не знают или не задумывались об этом, 40% считают, что с рождением ребенка изменится отношение окружающих к ним, все считают, что в положительную сторону, станут более уважительными, при этом 64% полагают, что изменится их отношение к самим себе, в сторону большей ответственности, большей взрослости. По мнению данной категории испытуемых, отец должен давать ребенку представление об окружающем мире, физическое воспитание, заботу, тепло, опору, опыт, поддержку, мужественность, представление об ответственности, мудрость, защиту, уважение.

При этом отмечается, что отец отдает все, что имеет, и абсолютное большинство отмечают воспитание (85%).

2. Среди мужчин-отцов 76% любят детей, но общаются нечасто, 12% общаются часто, для 88% пол ребенка не важен, 76% оценивают свои отношения с матерью как хорошие, с отцом (как хорошие) — 64%. Первый ребенок для 92% был желанным, при этом к известию о беременности 52% отнеслись с радостью, 12% испытали страх, 40% никаких особенных чувств не испытали, при этом, впервые увидев ребенка, 68% испытали радость, а 12% - испуг. Во время беременности 52% отцов представляли себе будущего ребенка, 44% считают, что уже во время беременности их жизнь сильно изменилась, 76% считают, что жизнь изменилась после рождения ребенка. С рождением ребенка мужчины сталкиваются с материальными трудностями (36%), отсутствием времени (40%), нежеланием, страхом общения с ребенком (12%). Практику совместных родов отвергают 52% мужчин-отцов, 16% не задумывались об этом. При этом 68% отцов занимались с ребенком-младенцем. В идеале отец должен давать ребенку навыки, уверенность, воспитание, радость, помощь, защиту, материальное обеспечение, мужские навыки, содержание общения, ответственность, воспитание характера, отношение к людям. При этом конкретный отец обеспечивает основное жизненное направление, общение, понимание и решение проблем ребенка, помощь, совет, деньги, жизнь, средства к существованию, научение, заботу, любовь, опеку, оптимизм, поддержку, смысл жизни, практические навыки оценивания обстановки и отношений, образование, будущее, статус. Отмечается также стремление дать все, что возможно и что в силах.

Отношение окружающих после рождения ребенка изменилось в сторону большего уважения для 50% испытуемых. Отношение к себе изменилось у 64% испытуемых в сторону большей ответственности (40%), заботы о ребенке, большей серьезности, меньшего внимания на себя, увеличения требований к себе.

На предложение закончить фразу: «Мужчина без ребенка — это...» 72% дали негативную реакцию по отношению к такому мужчине. Приводились следующие

сравнения: по мнению мужчин-отцов, мужчина без ребенка — «это очаг без огня», «дом без крыши», «птица без крыльев», «жизнь впустую», «не мужчина», «без сердца», «пустота», «дерево без листьев», «дерево без ветвей», «машина без мотора», «тупик», «эгоист», «мальчик».

Таким образом, качественный анализ показал, что мужчины, не имеющие детей в настоящий момент, планируют это сделать в будущем, при этом вполне представляют себя в роли отцов и считают, что рождение ребенка сильно изменит их жизнь — с рождением ребенка изменится и отношение окружающих к ним в положительную сторону, изменится и их отношение к самим себе. То есть можно констатировать наличие определенных представлений и стереотипов об отцовстве у мужчин, еще не имеющих детей.

Для мужчин-отцов характерно положительное отношение к отцовству. Они считают, что отношение окружающих меняется в лучшую сторону, а мужчина меняется в сторону большей ответственности и увеличения требований к себе. Можно отметить также сложности с ответами на некоторые конкретные вопросы, касающиеся взаимодействия с ребенком, что может говорить о меньшей вовлеченности конкретных отцов в жизнь детей.

В целом можно констатировать, что мужчины-отцы более удовлетворены жизнью, им свойственен больший самоконтроль, они более склонны к соблюдению социальных норм и правил поведения, менее склонны к риску и менее подозрительны, более терпимы и ответственны, кроме того, более практичны, что соответствует выделенным на основе анализа теоретических источников критериям развития личности и параметрам личностного развития (табл. 1, с. 53—54, гл. 1). Эти данные подтверждаются самооценками мужчин-отцов, которые оценивают себя после рождения ребенка как более ответственных, более терпимых, чем до рождения ребенка. Констатация изменений в отношении к ним окружающих может быть интерпретирована, как свидетельство дальнейшей социализации, кроме того, сравнение представлений о вкладе идеального отца в развитие ребенка и с характеристикой собственного вклада выявило, что конкретный отец, кроме статуса защиты и воспитания, в самом широком смысле слова, еще формирует у ребенка практические навыки, таким образом участвуя в передаче опыта следующим поколениям, что в терминах Э. Эриксона называется продуктивностью и является основной задачей развития в период взрослости. Полученные данные соответствуют положениям Г.С. Абрамовой, П. Хейманса, Н. Кантора и С. Циркеля, которые выделяют в качестве важнейшего параметра развития личности просоциальное поведение (в том числе и реализацию жизненных задач, которые ставятся обществом - в нашем случае достижение статуса и выполнение ролей), выполнение родительской функции; С положениями В. Франкла, Э. Фромма, которые в качестве критериев развития рассматривают ответственность, духовность, любовь к другому человеку, заботу. Можно говорить о том, что, и по критериям А.А. Реана, рождение ребенка связано с развитием личности, т.к. нами были выявлены возрастные

ответственности, терпимости и более выраженное просоциальное мышление у мужчин-отцов, по сравнению с мужчинами, не имеющими детей.

Таким образом эти данные подтверждают наше первое предположение о том, что отцовство является фактором развития в период взрослости.

Ввиду того, что группы набирались по критерию «наличие — отсутствие детей», мы можем констатировать факт влияния отцовства на оптимизацию развития личности, однако, возможно, что такие результаты обусловлены тем, что участие в исследовании приняли мужчины, заинтересованные данной проблемой, соответственно, в большей или меньшей степени включенные в жизнь своих детей. Для дальнейшего уточнения результатов нам необходимо ужесточить критерии отбора, таким образом выявив различные степени выраженности феномена отцовства, что было сделано на втором этапе исследования.

Второй этап исследования

Ввиду того, что в результате теоретического исследования нами было выяснено, что не сам факт наличия детей, а именно выполнение и принятие отцовской роли влияет на оптимизацию развития личности, для выявления специфики этого влияния нами был проведен тренинг, направленный на повышение продуктивности отцовства, чтобы таким образом проследить влияние отцовства на развитие личности мужчины в период взрослости. Экспериментальное исследование проводилось в период с сентября 2003 г. по июнь 2004 г. (Евсеенкова Ю.В., 2006). В исследовании принимали участие всего 95 мужчин, имеющих одного или более детей. 45 мужчин (три группы по 15 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 50 мужчин — контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы — 32 года, контрольной - 33 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на принятие роли отца и формирование продуктивного отцовства. Применяемые методики: СЖО, ЛД, 16PF, PARI, анкеты.

Разработанный нами тренинг состоит из нескольких стандартных блоков. Первый блок — «разогрев», второй блок — формирование доверительных отношений, третий блок — лекционный, четвертый — практический, пятый блок - релаксационный. Тренинговая программа включает теоретическую и практическую части. В теоретическом курсе излагаются постулаты детской, семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, о специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные акмеологии о развитии личности в период взрослости. Кроме того, приводился материал о способах взаимодействия с ребенком, данные о конкретной деятельности, например, о способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с детьми других отцов. Собственно практическая часть включает в

себя упражнения на принятие роли отца на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

Во избежание упущения какого-либо аспекта отцовства в качестве основной концепции тренинговой программы была принята разработанная нами модель феномена отцовства.

При оценке эффективности тренинга продуктивного отцовства, направленного на принятие роли отца, нами были использованы следующие методы обработки данных. Для уточнения анализа использовались статистические методы, прежде всего - способы описательной статистики, которая позволяет обобщить первичные результаты, полученные в эксперименте. Процедуры здесь сводятся к группировке данных по их значениям, построению распределения частот, выявлению центральных тенденций распределения и к оценке разброса центральной тенденции. Нами было осуществлено оценивание моды, медианы, среднего арифметического и стандартного отклонения.

Однако для того чтобы более точно определить эффективность тренинга, следует воспользоваться методами индуктивной статистики. Ее задача — определить, достаточно ли велика разность между средними двух распределений, для того, чтобы объяснить ее действием независимой переменной, а не случайностью, связанной с малым объемом выборки. Возможны две гипотезы: нулевая гипотеза (H_0), согласно которой различие незначительно, и поэтому независимая переменная не оказывает никакого влияния; альтернативная гипотеза (H_1), — в соответствии с ней различия достаточно значимы и обусловлены влиянием тренинга. Если результаты анализа окажутся таковы, что позволят опровергнуть нулевую гипотезу, это будет означать, что H_1 верна, т.е. выдвинутая гипотеза подтверждается. Для такого анализа мы использовали метод Стьюдента для зависимых выборок и корреляционный анализ.

Обработка результатов. Для проверки эффективности тренинга а также для выявления влияния продуктивного отцовства на развитие личности нами было проведено два обследования испытуемых: до экспериментального воздействия и после. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке. Наибольший разброс наблюдается в данных по смысложизненным ориентациям, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Данные, полученные с помощью Шестнадцатифакторного опросника Кеттелла и опросника PARI, являются более однородными как внутри выборки, так и внутри каждой группы, что свидетельствует о наличии определенной устойчивой модели поведения. Сравнение результатов данного исследования со статистическими нормами говорит о том, что средние и стандартные отклонения данных по шкалам ЛД и СЖО находятся в рамках статистических норм данных методик, данные по опроснику PARI являются высокой нормой, данные по 16PF соответствуют

средним значениям норм, так же, как и у испытуемых, обследованных на первом этапе исследования. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости, равном 0,05, показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяют использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента и корреляционный анализ.

Проверка значимости различий данных экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия по Т-критерию Стьюдента не показала значимых различий между группами. Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок, выявило значимые различия по следующим параметрам: шкалам PARI «Навязчивость родителей», «Оценка себя как отца», «Отношение к совместным родам», «Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребенка в положительном направлении», шкалам СЖО «Результативность жизни», «Общая осмысленность жизни», а также следующим факторам 16PF: Н (склонность к риску), F (сдержанность—экспрессивность), М (практичность—воображение), G (подверженность социальным нормам), Q4 (конформизм-нонконформизм).

Наглядно результаты тренинговой работы могут быть представлены в виде таблицы (табл. 6).

Таблица 6. Оценка эффективности тренинга по средним показателям

Параметры	Экспериментальная группа (45 чел.)		Контрольная группа (50 чел.)	
	до	после	до	после
Н Склонность к риску	6,0	4,5	5,2	5,23
F (сдержанность-экспрессивность)	4,8	1,0	4,3	4,3
М (практичность-воображение)	5,2	6,75	5,4	5,3
G (подверженность социальным нормам)	4,2	5,75	4,5	4,6
Q4 (конформизм – нонконформизм)	4,0	4,5	4,0	4,0
Шкала PARI «Навязчивость родителей»	11,4	12,5	11,3	11,3
Оценка себя как отца	1,4	1,0	1,3	1,3
Отношение к совместным родам	1,6	1,25	1,6	1,6
Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребёнка в положительном направлении	1,2	1,75	1,3	1,3
Шкала СЖО «Результативность жизни»	22,2	23,75	21,7	21,8
Общая осмысленность жизни	90,6	102,5	90,1	90,2

Примечания. Показатели до и после тренинга в экспериментальной группе значимо отличны при $p < 0,05$. Показатели до тренинга у экспериментальной группы и контрольной отличаются незначимо. Значимых отличий в показателях контрольной группы не обнаружено.

Как видно из табл. 5, после прохождения тренинга у испытуемых снизились показатели по таким шкалам 16PF, как Н (склонность к риску) и F (сдержанность—экспрессивность), а также оценку себя отца и негативное отношение к совместным родам. Увеличились показатели практичности, склонности к выполнению социальных норм, а также показатели шкалы СЖО «Результативность жизни», которая характеризует удовлетворенность самореализацией, оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивно и осмысленно была прожита ее часть, и, кроме того, общая осмысленность жизни.

Снижение склонности к риску и одновременное повышение показателей социальной нормативности, практичности являются свидетельством увеличения ответственности. Понижение показателя субъективной оценки себя как отца, согласно мнению самих испытуемых, выявленному в послетренинговой беседе, является следствием открытия в процессе тренинговой работы новых перспектив взаимодействия с ребенком. Достаточно интересны результаты оценки отношения испытуемых к совместным родам: если до тренинга 94% испытуемых отрицательно относились к такой идее, мотивируя свое отношение тем, что это «женское дело», что они могут «только мешать», то после тренинга 75% испытуемых считали такую практику возможной или полезной для ребенка. Увеличение показателей по шкалам СЖО «Результативность жизни» и общей осмысленности жизни является важнейшим показателем оптимизации развития личности в данный возрастной период.

Кроме того, для определения направления данной зависимости нами был использован метод ранговой корреляции, который позволяет сделать вывод о связи бинарного признака — в нашем случае прохождения тренинга - с различными параметрами. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 7.

Интересен факт повышения результатов по шкале «Навязчивость родителей» опросника PARI. Данные говорят о большой включенности родителей в жизнь ребенка, иногда даже чрезмерной озабоченности его проблемами, что, возможно, связано с привлечением к ним внимания во время прохождения тренинга.

В общем, можно сказать, что результаты статистического анализа соответствуют данным, полученным нами на первом этапе исследования.

В дополнение к статистическому анализу нами был проделан качественный анализ данных анкет и данных, полученных в послетренинговых беседах, который показал, что если до тренинга 60% трудностей, связанных с рождением ребенка, связывалось с материальными проблемами, и 75% мужчин на вопрос «Что может дать ребенку отец» ответили: «материальное обеспечение», то после тренинга первый показатель стал равен 37%, снизившись за счет включения в разряд трудностей различных других факторов, в том числе «ответственность» (12%),

«установка контакта» (9%).

Таблица №7. Результаты ранговой корреляции.

Параметр	Коэффициент корреляции R (при p 0,05)
Н Склонность к риску	-0,54
F (сдержанность – экспрессивность)	-0,42
M (практичность – воображение)	-0,75
G (подверженность социальным нормам)	0,43
Q4 (конформизм – нонконформизм)	0,45
Шкала PARI «Навязчивость родителей»	0,40
Оценка себя как отца	0,58
Отношение к совместным родам	-0,50
Оценка изменения отношения окружающих после рождения ребёнка в положительном направлении	0,77
Шкала СЖО «Результативность жизни»	0,52
Общая осмысленность жизни	0,43

На вопрос о том, «Что может дать ребенку отец?» после тренинга ответы были гораздо разнообразнее: упоминались такие понятия, как «забота», «мужское воспитание», «передача опыта», «передача моделей поведения в различных ситуациях».

Лучше всего результаты тренинга проявляются в том, что, по мнению 86% испытуемых, прошедших тренинг, за время участия в тренинговой программе отношения с ребенком (детьми) изменились в сторону большей близости.

Таким образом, полученные на втором этапе нашего исследования результаты соотносятся с полученными нами на первом этапе исследования данными о том, что самые большие значимые отличия между мужчинами-отцами и мужчинами, не имеющими детей, как раз и проявляются в факторах осмысленности жизни и выполнения социальных норм. То есть в результате тренинга, направленного на увеличение продуктивности отцовства, у мужчин-отцов появляются значимые изменения тех же личностных параметров, что отличают отцов от не-отцов в рассматриваемом возрасте. Параметры изменяются в том же направлении, что свидетельствует о том, что именно специфика отцовства оказывает влияние на их изменение. Согласно нашей теоретико-методологической концепции именно эти изменения могут служить надежными критериями развития личности в рассматриваемый нами период взрослости.

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что проведенный нами кластерный анализ данных по выборке мужчин-отцов показал, что в исследуемом

феномене можно выделить три кластера данных:

1. Потребностно-эмоциональный блок.
2. Операциональный блок.
3. Ценностно-смысловой блок.

Анализ корреляционной матрицы показал, что у мужчин-отцов данные компоненты более взаимообусловлены и структурированы.

Факторный анализ данных, полученных при обследовании мужчин-отцов, показал, что для изучаемого нами феномена можно выделить четыре фактора.

Фактор 1 — «Социальные стереотипы родительства».

Фактор 2 — «Взаимодействие отца с ребенком».

Фактор 3 — «Эмоциональная связь с ребенком».

Фактор 4 - «Экзистенциальная оценка собственной жизни».

При этом первые два фактора представляют собой характеристики семейного взаимодействия с ребенком, распределения функций между отцом и матерью, причем первый фактор свидетельствует о некотором самоустранении мужчин от воспитания ребенка, но при этом обращает на себя внимание взаимосвязь этого феномена с особенностями отношений с собственной матерью, что, возможно, может быть проинтерпретировано как свидетельство существования четкого стереотипа распределения гендерных ролей, формируемого еще в детстве. Второй фактор характеризует собственно взаимодействие отца с ребенком и установки, с ним связанные, т.е. эти два фактора включают в себя социальный оценочный компонент и с разных сторон описывают выделенный нами операциональный компонент в структуре комплекса отцовства.

В целом можно констатировать, что мужчины-отцы более удовлетворены жизнью, им свойственен больший самоконтроль, они более склонны к соблюдению социальных норм и правил поведения, менее склонны к риску и менее подозрительны, более терпимы и ответственны, кроме того, более практичны, что соответствует выделенным на основе анализа теоретических источников критериям развития личности и параметрам личностного развития. Эти данные подтверждаются самооценками мужчин-отцов, которые оценивают себя после рождения ребенка как более ответственных, более терпимых, чем до рождения ребенка, констатация изменений в отношении к ним окружающих может быть интерпретирована как свидетельство дальнейшей социализации, кроме того, сравнение представлений о вкладе идеального отца в развитие ребенка с характеристикой собственного вклада выявило, что конкретный отец, кроме статуса защиты и воспитания в самом широком смысле слова, еще формирует у ребенка практические навыки, таким образом участвуя в передаче опыта следующим поколениям, что в терминах Э. Эриксона называется продуктивностью и является основной задачей развития в период зрелости. Полученные данные соответствуют положениям Г.С. Абрамовой, П. Хейманса, Н. Кантора и С. Циркеля, которые выделяют в качестве важнейшего параметра

развития личности просоциальное поведение (в том числе и реализацию жизненных задач, которые ставятся обществом, в нашем случае — достижение статуса и выполнение ролей), выполнение родительской функции; положениям В. Франкла (Франки В., 1990), Э. Фромма (Фромм Э., 1990), которые в качестве критериев развития рассматривают ответственность, духовность, любовь к другому человеку, заботу. Можно говорить, о том, что, и по критериям А.А. Реана (Реан А.А., 2001), рождение ребенка связано с развитием личности, т.к. нами были выявлены возрастание ответственности, терпимости и более выраженное просоциальное мышление у мужчин-отцов, по сравнению с мужчинами, не имеющими детей.

Попытка отследить влияние продуктивного отцовства на оптимизацию развития личности с помощью тренинговой программы, направленной на принятие роли отца, показала, что самые большие значимые отличия между мужчинами-отцами и мужчинами, не имеющими детей, как раз и проявляются в факторах осмысленности жизни и выполнения социальных норм. В целом наши данные подтверждают предположение о том, что отцовство является фактором оптимизации развития личности самого отца в период взрослости.

ГЛАВА 3. ФУНКЦИИ ОТЦА И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

3.1. Структура семьи: влияние взаимоотношений супругов на развитие ребенка

Для того чтобы рассмотреть функции отцовства по отношению к ребенку, необходимо отметить, что отцовство проявляется в основном в семейных взаимоотношениях. И именно в рамках семьи реализуются основные функции отцовства, происходит общение, приводящее к развитию обоих субъектов этого общения — ребенка и отца. В социологии, психологии и других науках о семье по-разному определяют категорию «семья». Это связано с тем, что семья сочетает в себе свойства социальной структуры, социальной организации, социального института и малой группы. Она многофункциональна и уникальна своей посреднической ролью между личностью и обществом.

Семья является устойчивой системой взаимоотношений, выполняющей определенные функции, т.е. имеет черты социального института. Семья — это форма общности людей, связанных кровным родством и общим бытом, образующих круг взаимной привязанности и ответственности.

Семья как социальный институт, будучи основанной на браке, имеет юридически правовой статус, который определяется государственным законодательством. В юридическом понимании семьи отражаются признаки, наделяющие ее членов определенными правами и обязанностями. С этой точки зрения семья - это круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства и принадлежности к семейному союзу. Круг этих лиц (членов

семьи) определен различно в отдельных отраслях права (семейном, гражданском, пенсионном и т.д.). Юридически правовой статус не только определяет права и обязанности каждого члена семьи, но позволяет государству защищать семью.

В социологическом смысле семья — это союз лиц, проживающих совместно, объединенных брачными, родственными и иными личными узами, характеризующихся взаимными интересами и заботой друг о друге.

Другое определение семьи — это сложное общественное отношение, в котором проявляются моральные, психические, физиологические, хозяйственно-бытовые связи между небольшим кругом лиц (членов семьи), создающих общность их жизни и интересов.

В психологическом смысле семью можно определить как систему межличностных взаимодействий, призванных в самом общем смысле, с одной стороны, защищать индивида от манипулятивных воздействий общества, с другой - приспособить его к жизни в этом обществе, дать ; средства для нормального функционирования в нем. Это структура, состоящая из отношений «доминирования—подчинения» (власти), ответственности и эмоциональной близости. Последнее не является необходимым элементом для семьи как для социального института. Причем знак эмоциональной близости не обязательно положительной модальности: отчуждение, ненависть, равнодушие в не меньшей мере определяют психологию и существование семьи, нежели любовь, понимание и сочувствие.

Одной из наиболее авторитетных на сегодняшний день является структурная теория семьи. Структурный подход к семье основан на представлении о том, что семья есть нечто большее, чем индивидуальные биопсиходинамические характеристики ее членов. Члены семьи соотносятся в соответствии с определенным устройством, которое управляет их транзакциями. Эти устройства формируют единое целое — структуру семьи.

По мнению известного психолога, специалиста по семейной психологии Д. Олсона, а также К. Витакера, А.Я. Варги, А.Б. Орлова, А.В. Черникова, семья - это система, обладающая определенной структурой и свойствами, характеризующаяся рядом признаков: взаимозависимостью (влияние членов семьи друг на друга и взаимовлияние подсистем); нон-суммарностью (целое больше суммы составных частей); иерархичностью (соподчиненность подсистем); наличием границ, описывающих отношения семьи и окружающей среды; специфичностью внутрисистемных процессов (циркулярные, спиралевидные, прерывистые, непрерывные); динамичностью или способностью развиваться; способностью к самоорганизации (источник преобразования системы или ее функций лежит в ней самой); диалектикой гомеостаза и развития.

На основе этих признаков в структуре семьи как системы Д. Олсон выделяет четыре уровня сплоченности семьи, соответствующих четырем типам семей:

1. Разобщенный тип (низкая степень сплоченности членов семьи,

отношения отчуждения).

2. Разделенный (некоторая эмоциональная дистанцированность членов семьи).

3. Связанный (эмоциональная близость членов семьи, лояльное во взаимоотношениях).

4. Запутанный (уровень сплоченности слишком высок, низка степень дифференцированности членов семьи).

Разделенный и связанный уровни сплоченности являются сбалансированными и обеспечивают наиболее оптимальное семейное функционирование, при котором взаимодействие и взаимовлияние между всеми членами семьи позволяет иметь достаточный уровень свободы - при высоком уровне эмоциональной близости, что существенно и для ребенка, и для родителей.

В этом смысле весьма перспективным представляется рассмотрение семьи как системы, в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми другими и нормальное функционирование которой невозможно без какого-либо ее элемента (Lenzen D., 1991). Таким образом, не только отец и мать влияют на детей, или отношения супружеской пары оказывают влияние на развитие детей, но и отношения в диаде родитель — ребенок влияют на стабильность семьи и самочувствие каждого из ее членов. При этом отношения отца и ребенка — не изолированная сфера, эти отношения важны и для функционирования всей семейной системы (Lenzen D., 1991). В подтверждение данного положения Barth S. приводит результаты исследования, в котором было выяснено, что дети, воспитывающиеся в неполных семьях, «достраивают» семью в своих фантазиях об отце (Barth S., 2000). Особо интересным представляется изучение влияния данного феномена на развитие личности самого мужчины-отца.

Структура семьи представляет собой сеть требований и функций (соответствующих видам внутрисемейной деятельности), формирующую способы взаимодействия в семье, а также основанные на них постоянные, поддающиеся предсказанию типы (способы) поведения. Фактически, когда говорят о структуре семьи, имеют в виду те правила, которые существуют в семье, по которым семья функционирует (Елизаров А.Н., 2005).

В рамках структурной модели можно говорить о системе поддержания структуры семьи, которая состоит из двух частей:

1. Генетическая система поддержания структуры семьи основана на генетически заданном ощущении того, что будет правильным, верным применительно к семейной жизни, на установках на семейную жизнь.

Считается, что генетическая система поддержания структуры семьи прежде всего определяет параметры внутрисемейной иерархии. Иерархия (от греч. *hieros* — священный и *agche* — власть) — отношения к власти - подчинении, но основанные не на насилии, а на признании авторитета другого. Большинство

специалистов полагают, что авторитет родителей в семье должен быть всегда выше авторитета детей. С точки зрения М. Мид и В.Н. Дружинина (Дружинин В.Н., 2006), нормальной является ситуация, когда муж в семье обладает несколько большей властью и ответственностью, чем жена. Если этого не происходит, женщине приходится брать на себя мужские функции, для того чтобы семья нормально функционировала, что вызывает у нее чувство дискомфорта, досады по отношению к мужу, мужчинам вообще (Елизаров А. Н., 2005).

2. Система комплементарных ролей (от англ. complement — дополнение, комплект). Под «ролью» в данном контексте понимается определенный способ поведения человека в отношениях с другими людьми, сложившийся у него при жизни, наиболее предпочитаемые формы взаимоотношений с другим человеком (Елизаров А.Н., 2005). Если роли взаимодействующих супругов не дополняют друг друга, то их отношения легко могут стать конфликтными, совместная деятельность не будет эффективной, совместное пребывание будет вызывать дискомфорт. Таким образом, комплементарные роли — это взаимодополняющие модели поведения супругов.

Для анализа взаимодействия членов семьи друг с другом целесообразно рассматривать семью через понятие «субсистема семьи» - как комплекс подгрупп внутри семьи, объединенных вокруг какой-либо внутрисемейной или семейной задачи и соответствующей ей деятельности. Приставка «суб...» (от лат. sub — под) обозначает здесь включенность некой системы в более широкую систему — семью. В рамках структурного подхода и семья рассматривается в свою очередь как часть более широкой социальной системы — общества (Елизаров А.Н., 2005).

Наиболее часто говорят о следующих субсистемах: субсистема супружеской пары, субсистема родителей и субсистема сиблингов (детей — братьев и сестер). При этом один и тот же член семьи в разное время может входить в разные субсистемы семьи.

Субсистема супружеской пары начинает особенно активно формироваться с заключением брака. Время совместной выработки семейных правил, распределения ролей имеет большое значение для последующей устойчивости семьи. При возникновении каких-либо разногласий и рассогласовании ожиданий возможно несколько вариантов поведения: от расставания для поиска более подходящего партнера до выстраивания поведения с установкой на согласование и приспособление. Способность это осуществлять связана с опытом, приобретенным в родительской семье. Такой путь в рамках структурной модели семьи представляется более предпочтительным, ибо трудно найти людей, которые с самого начала полностью бы подходили друг другу. Представление о существовании подобного рода ситуаций, по мнению А.Н. Елизарова, — скорее миф, чем реальность. Таким образом, основной деятельностью, объединяющей супругов в супружескую субсистему на начальных этапах брака, является аккомодация (приспособление) супругов друг к другу, согласование ожиданий относительно близости—отдаленности, распределения домашних обязанностей, уровня

допустимых контактов.

Субсистема родителей начинает складываться в семье с момента осознанного решения о появлении в ней ребенка. Понятия супругов об отцовстве и материнстве могут быть различными. В интересах ребенка требуется их согласовать. Большое количество супружеских конфликтов так или иначе связано с разногласиями в сфере воспитания детей. Позитивный опыт согласования и приспособления, построенный в субсистеме супружеской пары до рождения ребенка, помогает разрешать конфликтные ситуации конструктивно. Поэтому нарушение процесса принятия ролей мужа и жены, смешение супружеских и родительских ролей, связанное с ранним рождением ребенка (при наличии добрачной беременности), может выступать фактором нестабильности семьи (Олиферович Н.И., 2005).

Семейная иерархия в норме должна основываться на авторитете родителей, тогда дети не являются равными с родителями. В рамках этой иерархии через родителей дети приобретают умение чувствовать авторитет и учатся сотрудничать в ситуации неравных авторитетов.

Гибкость субсистемы родителей обеспечивает изменение поведения родителей в соответствии с потребностями постоянного взросления ребенка. Например, дошкольника родительская субсистема должна опекать, а у подростка воспитывать самостоятельность и ответственность. Если у родителей не выработалась способность к согласованию и приспособлению в супружеской диаде, то структура семьи меняется с трудом, напряжение между родителями и детьми периодически возрастает, проявляясь в различных конфликтах.

Субсистема сиблингов (детей). Дает возможность ребенку самостоятельно изучать отношения сверстников, на опыте непосредственного участия воспитывать способность к согласованию и приспособлению, учиться самостоятельно делать выбор в различных ситуациях, ставить перед собой цели и развиваться самостоятельно.

Границы между подсистемами могут быть четкими, гибкими, ригидными или размытыми. Наиболее предпочтительным вариантом являются четкие границы (Елизаров А.Н., 2005). Ригидные границы не позволяют изменять поведение и контроль родителей по мере взросления ребенка. Размытые границы могут приводить к смешению ролей, формированию семейных треугольников, когда двое членов семьи объединяются против или в оппозицию к другому, например, родители против ребенка, мать и ребенок в очень близких отношениях против отца, который почти выключен из семейного взаимодействия.

Еще один вид треугольника описан А.Н. Елизаровым (2005), когда мать по мере взросления ребенка видит в нем негативные черты отца, с которым она находится в молчаливом конфликте. Она все более проецирует на ребенка отрицательные черты его отца, вступает с ним в конфликт, будто со своим мужем, что дает выход ее эмоциям и до поры сохраняет семью. Это может приводить к девиантному поведению ребенка, т.к. он таким образом оправдывает ожидания

матери.

До определенного момента существования семьи треугольники выполняют в ней полезную функцию, например, поддерживают баланс между близостью и отдаленностью, помогают отрицательным эмоциям у кого-либо из членов семьи не превышать «критической массы», способной разрушить семью. По мере того как треугольники становятся препятствием для развития личности кого-либо из членов семьи, треугольники нуждаются в ликвидации.

В целях понимания внутреннего взаимодействия всех членов семьи рассматривается понятие «функция семьи», которое является важнейшей психологической характеристикой семьи.

Под функцией следует понимать внешнее проявление свойств какого-либо субъекта в данной системе отношений (семье), определенные действия по реализации потребностей.

Функции семьи глубоко историчны и тесным образом связаны с потребностями общества, потребностями личности в принадлежности к семейной группе.

Реализация семьей ее функций обнаруживается как результат взаимосвязи семьи и общества, т.е. выполнение семьей функций только для ее членов, но и для общества в целом.

Репродуктивная функция — это естественный биологический процесс жизни. Эта функция вечна, поскольку имеет природную основу. Репродуктивная функция связана с потребностью в физическом воспроизводстве населения и удовлетворением потребности людей в детях. Проблема выполнения этой функции за последнее время заметно обострилась. Демографы, психологи, социологи отмечают, что потребность в большем количестве детей заметно снизилась.

Воспитательная функция семьи состоит в удовлетворении индивидуальных потребностей в отцовстве и материнстве, контактах с детьми, их реализации в детях. По отношению к обществу в ходе выполнения воспитательной функции семья обеспечивает социализацию подрастающего поколения, подготовку новых членов общества.

Важнейшей функцией семьи является функция социализации, которая заключается в трансляции опыта, традиций, формировании социальных установок всех членов семьи, побуждающих к тем видам деятельности, которые одобряются и ожидаются обществом и семьей. Несмотря на относительную изменчивость совокупности функций, социальное воспроизводство (репродуктивная функция), социализация членов семейной группы (воспитательная функция) на всех жизненных этапах сохраняются в качестве некой константы.

Кроме того, можно выделить хозяйственно-бытовую функцию семьи, заключающуюся в удовлетворении потребностей членов семьи (в пище, крове, одежде и т.д.), в охране их здоровья. В ходе выполнения этой функции обеспечивается восстановление затраченных в труде физических сил. Эта функция решает задачу перераспределения доходов внутри семьи, организации оптимального

потребительского поведения самообслуживания.

Экономическая функция зависит от характера потребностей, ценностных ориентации, сочетания общественных и личных интересов членов семьи. В условиях экономических проблем семья обеспечивает опору для социально уязвимых групп населения — детей, инвалидов, пенсионеров, беженцев, безработных. Кроме того, семья гарантирует получение определенного уровня образования, которое все в большей степени (дошкольное и внешкольное) становится платным.

Все более важное значение принимает эмоциональная функция семьи — удовлетворение ее членами потребностей в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. Данная функция обеспечивает эмоциональную стабилизацию членов общества, активно содействует сохранению их психологического здоровья.

Функция духовного (культурного) общения - удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимном духовном обогащении; играет значительную роль в духовном развитии членов общества.

Функция первичного социального контроля — обеспечение выполнения социальных норм членами семьи, в особенности теми, кто в силу различных обстоятельств (возраст, заболевание и т.п.) не обладают в достаточной степени способностью самостоятельно строить свое поведение в полном соответствии с социальными нормами. Одним из важнейших моментов этой функции является участие отца в жизни семьи, его контроль. М. Мид полагает, что с антропологической точки зрения семья является нормальной, когда ответственность за семью как целое несет отец. Все остальные типы семей, где это правило не выполняется, можно считать аномальными.

Сексуально-эротическая функция — это удовлетворение сексуально-эротических потребностей супругов. С точки зрения общества важно, что семья при этом осуществляет регулирование сексуально-эротического поведения членов семьи, обеспечивая биологическое воспроизведение общества. Таким образом, общество осуществляет контроль за нравственной стороной интимных отношений супругов.

Психотерапевтическая функция семьи - одна из новых функций современной семьи, с которой связывают удовлетворенность браком (Мартынова Т.Н., 2000). В самом общем виде эта функция реализуется в способности создавать психологический комфорт в семье.

Выделяют две стороны психотерапевтической функции: «поглаживающую» — подобно детям, нуждающимся в ласке и уходе со стороны родителей, каждый из супругов нуждается в психологической, эмоциональной ласке и уходе со стороны другого; «резонаторную» — способность супруга вдохновлять другого, помогать ему оценивать свои позиции. Качественно изменилась и функция первичного контроля.

Повысился уровень терпимости к нарушениям норм в сфере брачно-семейных отношений (внебрачным рождением, изменам и т.п.). Развод перестал

рассматриваться как наказание за непристойное поведение в семье.

В современной семье значительно возросла роль таких функций, как духовного (культурного) общения и сексуально-эротическая. Брак все более рассматривается как союз, основанный на эмоциональных связях, а не на хозяйственно-материальных (Мартынова Т.Н., 2000).

Вслед за пониманием и признанием роли семьи в обществе пришло понимание того, что в современных условиях семья во многом не справляется со своими социальными функциями.

Нарушение функций семьи - это такие особенности ее жизнедеятельности, которые затрудняют или препятствуют выполнению семьей ее функций. Этому может способствовать целый ряд факторов, в частности особенности личности ее членов, взаимоотношений между ними, определенные условия жизни семьи. Например, причинами нарушений воспитательной функции семьи могут выступать и отсутствие у родителей соответствующих знаний и навыков, и расстройства отношений между ними (конфликты по вопросам воспитания, вмешательство со стороны других, затрудняющее воспитание и др.).

Основные направления исследования отцовства внутри семьи в связи с новыми социальными реалиями общества отражают области, выделенные J.A Levine и E.W. Pitt (J.A Levine и E.W. Pitt., 1995), дополненные вниманием к изучению взаимодействия отцов с ребенком внутри и вне дома. Эти области могут быть категоризированы следующим образом: а) установление юридического отцовства; б) присутствие непостоянно проживающих отцов в противовес их отсутствию; в) экономическая поддержка отцами детей, не живущих с ними в одном домохозяйстве, и г) уровень вовлеченности отцов, живущих вместе с детьми.

Юридическое объявление мужчины отцом - непереносимое условие ответственного отцовства. Юридически зарегистрированное отцовство дает ребенку разнообразные экономические, социальные и психологические преимущества и в некоторой степени является средством защиты прав отца. К сожалению, существует двойственное отношение матери и отца к установлению отцовства. Молодые отцы иногда чувствуют себя обманутыми матерью, и мать может стараться или защитить отца, или не желать связывать себя с ним в будущем.

Расширенная семья с обеих сторон может иметь смешанное отношение к юридическому отцовству и вовлеченности отца.

После установления отцовства главное в отцовстве - присутствие в жизни ребенка. Две основных угрозы присутствию отцов — внебрачное рождение ребенка и развод. Почти в 100% случаев дети, рожденные вне брака, проживают с их матерями. Если отцы не живут с матерью и ребенком, их присутствие в жизни ребенка является часто малым, и даже когда оно активно какое-то время, имеет тенденцию нарушаться в течение долгого времени. R.I.Lerman (R.I.Lerman., 1993) обнаружил, что три четверти молодых отцов не проживают с детьми с рождения и

никогда не жили в одном домохозяйстве с ними. Приблизительно 50% этих отцов посещали ребенка один раз в неделю, но приблизительно 20% никогда не посещали или посещали один раз в год. С течением времени контакт уменьшался, поскольку дети становились старше. То есть оказывается, что существуют личные, культурные барьеры, барьеры отношений, а также юридические барьеры, которые мешают присутствию отца в жизни детей, с которыми он не живет в одном домохозяйстве.

Однако, с другой стороны, эта социальная детерминированность означает, что отцовство может измениться в ответ на изменения культурных, экономических, институциональных и межличностных влияний, в том числе создания различных социальных программ, психологического просвещения и педагогической пропаганды ответственного отцовства в обществе.

И именно ввиду социальной детерминированности отцовства данный феномен невозможно рассматривать в отрыве от семейной и социальной ситуаций. В контексте семьи на взаимоотношения отца и ребенка оказывают влияние множественные факторы, среди которых мы, вслед за W.J Doherty (W.J Doherty., 1993), на первый план выдвигаем индивидуальные факторы отца, матери и ребенка, факторы отношений матери и отца и влияния окружающей среды. В пределах каждой из этих пяти областей можно выделить множество определенных факторов, влияние которых подтверждается исследованиями.

В связи с этим представляется целесообразным более глубокое изучение взаимосвязи факторов, влияющих на специфику отцовства. Анализ исследований позволил предположить, что на то, каким образом формируются и проявляются три блока в структуре отцовства — ценностно-смысловой, операциональный и потребностно-мотивационный — влияют, по меньшей мере, четыре генерализированных фактора: отношения и ожидания матери по отношению к отцу своего ребенка, формируемые в том числе и средовыми влияниями; специфика взаимоотношений матери с отцом (в том числе брачный статус, личные взаимоотношения, конфликты супружеской диады, разве немаловажную роль играет фактор ребенка — его отношения и ожидания по отношению к отцу, формируемые в данной социальной среде а также особенности его развития, такие, как различные отклонения в развитии, проблемы со здоровьем, девиации в поведении. Все эти факторы взаимодействуют и включены в широкий социальный контекст данной культуры и общества. Все выделенные влияния справедливы и в отношении матерей, однако некоторые являются специфическими для отцов.

Поскольку чаще всего проблемы детско-родительских отношений освещаются в контексте материнского воспитания и отношения и они достаточно изучены, мы в своем анализе полагаем возможным акцентироваться именно на факторах, специфических для отцов. Мы предлагаем модель социальных влияний на отцовство. В ней нас интересуют в первую очередь факторы, влияющие на отцовско-детские отношения, эта диада является центральной в нашей схеме

факторов, влияющих на проявления отцовства (рис, 4). Следует отметить, что отец присутствует в жизни ребенка через экономическую поддержку, вовлеченность и юридическое признание ребенка (для детей, рожденных вне брака). Схема также косвенно указывает на возможность влияния отца на ребенка через поддержку матери, однако нас интересует прямое взаимодействие отца и ребенка. И хотя влияния, изображенные в модели, могут также рассматриваться как влияния на самого отца непосредственно, мы полагаем, что они опосредованно влияют на отношения отца и ребенка.

Факторы в модели рассматриваются как диалоговые (Борисенко Ю.В., 2006). Например, высокая идентификация роли, хорошая занятость и высокий доход могут возместить отрицательные ожидания матери. Точно так же, как не проживая с детьми, можно присутствовать в их жизни и поддерживать их мать. Подробное рассмотрение выделенных факторов показывает, каким образом каждый из них определяет специфику отцовства.

1. Взаимоотношения родителей (отношения в супружеской диаде)

Множество исследований показало, что качество отношений отца и ребенка вне брака и в браке коррелирует с качеством отношений супругов больше, чем в случае мать—ребенок. Отцы имеют тенденцию уходить из жизни ребенка, когда они не проживают с матерью, тогда как для матерей подобное — редкость. Объяснений данному феномену существует несколько: например, F.S Furstenberg и A.J Cherlin (F.S., Cherlin A.J., 1991) утверждают, что для многих мужчин брак и статус родителя - коммерческая сделка. С другой стороны, в общественном мнении, если женщина - мать, то в этом вся ее жизнь, но мужчина является отцом, если имеет жену. Известно, что, если он имеет жену, но не проживает с ней, он может присутствовать как отец в жизни детей, но качество его отношений с ними чаще всего ухудшается.

Рис. 3. Факторы, влияющие на развитие взаимоотношений в диаде отец-ребенок

Таким образом, отцовство сильнее зависит от супружеских отношений более переменчивы и размыты, и, следовательно, снисходительны, чем для матерей.

Важнейшей детерминантой отношений отца и матери, как показали исследования (Doherty W.J., 1993), является оформление брака т.к. это вносит определенную ответственность в отношения между партнерами. Для отцовско-детских отношений это означает, что отец живет с ребенком и имеет хорошие отношения с его матерью.

Тогда можно было бы утверждать, что быть официально женатыми не важно, потому что сожительствующие пары могут иметь качественно те же самые отношения. Хотя, в принципе, это верно, исследования относительно сожительства ясно указывают, что сожительство — временная договоренность большинства гетеросексуальных пар, и они в конечном счете или женятся, или расходятся

(Vumprass и др., 1991).

Немаловажными факторами стабильности брака, по мнению Н.И. Олифирова (Олифирова Н.И. и др., 2005), являются:

- Адекватная мотивация брака (неадекватные: стремление дистанцироваться от родительской семьи, месть обидевшему «бывшему»).

- Отсутствие существенных различий в семейных традициях супругов (религиозных, возрастных, этнических).

- Схожие модели родительской семьи (схожее количество детей, брак).

- Адекватное расстояние от родительской семьи.

- Материальная независимость.

- Заключение брака в период от 20 до 30 лет.

- Заключение брака после периода знакомства от 6 месяцев до 2 лет.

- Присутствие родственников и друзей на праздновании свадьбы.

- Отсутствие беременности до свадьбы.

- Семейно-сексуальная гармония.

Согласно концепции оценки и прогнозирования брачного союза Г.С. Васильченко и Ю.А. Решетняк (Васильченко Г.С., 1977), в структуру общего брачного потенциала входят физический, материальный, культурный, сексуальный и психологический факторы.

Физический фактор проявляется в том, что независимо от пола человек имеет безотчетную симпатию к одному человеку или антипатию к другому. В него включаются физический облик (особенно лицо и фигура), тембр голоса, манера поведения, речь, мимика, манера одеваться, запах.

Материальный фактор определяется вкладом партнера в материальный статус семьи и соответствием этого вклада ожиданиям партнера. Культурный фактор связан с соотношением культурных и интеллектуальных запросов и ценностей супругов. Он может меняться в течение жизни.

Сексуальный фактор определяется соответствием программы интимной близости каждого из супругов их сексуальным ожиданиям.

(Он зависит от здоровья супругов, изменения сексуальности в течение жизни, соотношения мужской и женской сексуальности, сексуальной культуры каждого из супругов.

Психологический фактор — соотношение личностных особенностей обоих супругов, их характеров, ролевых притязаний, ценностных ориентаций.

Взаимодействие этих факторов определяет потенциал брака. Если они единонаправлены, то они способствуют сохранению союза, тогда потенциал положительный. Соответственно, в такой семье возможны все условия для формирования отцовских чувств, гармоничные отношения между супругами

благоприятно влияют на отношения отца и ребенка.

С одной стороны, супружеские отношения, особенно при наличии детей, могут создать атмосферу психологической общности, доверия и понимания, в которых так нуждается человек. По данным И.С. Кона (Кон И.С, 1989), женатые люди в среднем чувствуют себя счастливее и увереннее, чем холостяки, а также имеющие детей - чем бездетные. Сочетание физической и эмоциональной близости позволяет достичь гармонии и в сексуальной сфере. Супружеская пара как личность имеет свою духовную, психофизиологическую индивидуальность. Длительное проживание вместе позволяет супружеской паре синхронизировать физиологические процессы.

В семейной жизни партнер - уже не просто объект сексуального желания, а участник определенного эмоционального переживания, однако любовные ориентации далеко не одинаковы. Выделяют шесть стилей любви:

- эрос — страстная любовь-увлечение, стремящаяся к физическому обладанию;
- людус — гедонистическая любовь-игра, не отличающаяся глубиной чувств, флирт, допускающая измену;
- строге — спокойная, теплая, надежная любовь-дружба;
- прагма — любовь по расчету;
- мания — любовь-одержимость, иррациональная, неуверенная, зависимая от объекта;
- агапе — бескорыстная любовь-самоотдача, самоотречение.

У мужчин более преобладают эротические и людические компоненты, у женщин - прагматические, строгические и маниакальные.

Поданным С.И. Голода (Голод С.И., 1990), сексуальная гармония занимает третье место после психологической и духовной совместимости супругов на адаптационной шкале устойчивости брака. Среди пар, удовлетворенных браком, сексуально совместимыми оказались практически все, среди неудовлетворенных - 63%.

Важное значение имеет совпадение психологической моделей поведения супругов. Существует несколько классификаций моделей поведения супругов. Например, по классификации С.С. Либиха выделяются следующие типы для мужчин:

1. «Мужчина-отец» — человек, имеющий потребность, чтобы женщина преклонялась перед ним, была «второй скрипкой», слабее его физически, возможно, младше, неопытнее.

2. «Мужчина-мужчина» - делится на два типа: активный и агрессивный и пассивный, нуждающийся в агрессивности женщины. Первый тип хорошо физически развит, напористый, грубоватый, может причинять женщине боль. Второй тип считает себя недостойным женщины, боготворит ее, предпочитает агрессивных женщин.

3.«Мужчина-сын» - молод, инфантилен, физически слаб, хочет, чтобы его «пожалели», капризен, жеманен, ждет от женщины активности и опеки.

Женщины условно подразделяются на следующие типы:

1.«Женщина-мать» - старается «спасти», поддержать, воспитать. Может идти на сближение с алкоголиками, психопатами, неудачниками. Для нее привлекательными факторами могут быть непрактичность, болезненность, отсутствие красоты.

2.«Женщина-женщина» — выделяется два типа: пассивный и активный. Женщины пассивного типа склонны к самопожертвованию, покорности, перенимают тактику мужчины в половой жизни, но отрицательно реагирует на его слабость, пассивность. Женщина второго типа активна в выборе партнера, в ласках, может подчеркивать неумение мужчины, причинять боль.

3.«Женщина-дочь» - обычно моложе мужчины, ей скучно со сверстниками, могут нравиться признаки старения (морщины).

Сопоставляя данные типы, можно сказать, что сочетание некоторых из них может быть гармоничным («мужчина-отец» и «женщина-дочь», «мужчина-сын» и «женщина-мать» «мужчина-мужчина» и «женщина-женщина») или представлять собой определенную дисгармонию в сексуальных ожиданиях.

Кроме того, комбинация разных типов личности, когда направленность личности супругов не совпадает, может привести к различным супружеским конфликтам, которые в свою очередь отражаются на отношении с детьми. Например:

— супруг, ориентированный на равноправие, ожидает равных прав и обязанностей;

- романтический партнер ожидает душевного согласия, обилия романтических символов;

—«родительский» супруг с удовольствием будет заботиться о другом и воспитывать его, если он занимает «детскую» позицию;

—«детский» приносит спонтанность, радость, проявляет слабость, ожидает заботы;

- рациональный подавляет эмоции, может ошибаться в оценке чувств супруга;

- товарищеский принимает тяготы повседневной жизни нормально, не склонен к романтике, хочет разделить жизнь с другим;

— независимый сохраняет в браке дистанцию, стремится избегать интимности, настаивает на уважении к его требованиям.

Таким образом, на то, как будет функционировать семья, влияет наличие или отсутствие каких-либо дисгармоний во взаимоотношениях супругов. Можно выделить следующие виды дисгармоний:

1. Расстройства, формирующиеся после запоздалого пробуждения сексуальности женщины. Это может происходить, когда пик сексуальности

женщины приходится на спад сексуальной активности мужчины.

2. Рассогласование в потребности в половом удовлетворении.

3. Расстройства, связанные с завышенными требованиями женщины. Г.С. Васильченко (Васильченко Г.С., 1977) полагает, что многое зависит от внешнего облика женщины: наиболее удачные браки складываются у женщин со средними и низкими показателями, т.к. у них нет завышенных требований к мужчине (принцу). Чем красивее женщина, тем выше ее требования к брачному партнеру и, соответственно, предпосылки для разочарования.

4. Формальный стиль общения в браке, когда супруги скрывают свои переживания друг от друга, что приводит и к отсутствию эмоционального контакта с ребенком тоже.

5. «Соперничество» преобладает в парах первые шесть лет супружества. Характерны частые ссоры и длительные выяснения отношений. Тематика споров: распределение обязанностей, отношения с родственниками. Каждый из партнеров стремится заставить другого поступить по-своему.

6. «Псевдосотрудничество» характеризует внешнее согласие, отсутствие конфликтов, но бывают вспышки раздражения одного из супругов, которые гасятся определенным поведением другого. Причиной может быть то, что один из партнеров не разделяет стремлений другого к профессиональному, социальному росту, т.к. это препятствует его лидерству; потребность одного из супругов в поддержании собственного идеализированного образа сталкивается со стремлением другого главенствовать и одновременно быть опекаемым; один супруг ожидает от другого достижений, а второй боится действовать из-за страха перед неудачей; треугольники, когда один из партнеров имеет двух партнеров — в браке и вне его, при этом брачный партнер чаще всего обеспечивает материальное положение; конфликт из-за жестких правил общения в паре, когда один из супругов имеет власть (обычно больной неврозом), а второй стремится соответствовать его эталонам.

7. «Изоляция». Для таких отношений характерно эмоциональное отчуждение, непосвященность супругов во внутреннюю жизнь друг друга. Чаще всего такой тип имеется с момента образования семьи, но может переходить из псевдосотрудничества или при проживании с деспотичными родственниками, либо в парах, основанных на авторитарности одного из супругов (чаще мужчины) из-за страха перед насилием.

8. Нарушение сознательного или несознательного супружеского соглашения в семьях, где ожидания супругов слишком различны.

9. Проекция неудовлетворенных в детстве желаний. При этом выбирается такой партнер, который позволит вернуться в детские переживания. Но конфликтная ситуация развивается, а детские проблемы остаются нерешенными. При нарциссической фиксации супруги стремятся слиться воедино, нарушаются границы личности; при оральной фиксации один из супругов перетягивает всю заботу на

себя; при анальной — один из супругов подчиняет себе другого, при генитальной — жесткие ригидные роли мужчины и женщины.

10. Повторение родительской модели поведения в семье. Ребенок перенимает модель поведения родителя своего пола, что позволяет выстраивать отношения в семье. Однако, если поведение было неконструктивным или привело к разводу, перенятие такой модели опасно.

11. Перенятие модели брата или сестры. Согласно Томану, на стабильность брака влияет то, какое положение каждый из супругов занимал среди братьев и сестер. Легче всего сотрудничество достигается в комплементарных браках. Комплементарный брак — это такой союз, в котором каждый из супругов занимает положение, какое он имел по отношению к своим братьям и сестрам. Например, муж — старший брат двух сестер, он знает, как общаться с девочками, чувствует заботу о них. Если жена имела старшего брата, они легко приспособятся к совместному сотрудничеству. В некомплементарном браке двое старших в материнской семье детей будут иметь сложности с борьбой за лидерство, двое младших — с ответственностью. Частично комплементарные браки, когда один или оба супруга имели и старшего, и младшего сиблингов в материнской семье, характеризуются гибкостью позиций супругов. Единственные дети в семье скорее перенимают родительскую позицию, им легче, если супруг был старшим в семье.

12. Кризисные ситуации брака. Брачные отношения, как любые другие, характеризуются динамикой, развиваются супруги и меняются их отношения. С. Кратохвил выделяет несколько нормативных кризисов семьи: первый год супружеской жизни — принятие ролей и обязательств супругов; вторая кризисная ситуация — третий—седьмой годы брака — ослабление романтических отношений, ситуации, в которых проявляются различия взглядов супругов, частые столкновения, ощущения обманутости. Третья кризисная ситуация (17-25 год совместной жизни) — менее глубокий кризис, связан с появлением эмоциональной неустойчивости, страхов, одиночества, связанного с уходом детей, переживания по поводу старения. Н.И. Олифинович (Олифинович Н.И. и др., 2005) и соавторы выделяют кризис первого года, кризис появления первого ребенка, кризис поступления ребенка в школу, подростковый период ребенка, уход ребенка из дома, смерть одного из супругов.

Итак, основной внутрисемейной детерминантой ответственного отцовства является поддерживающий совместный брак.

2. Влияние матери

Среди внешних влияний на отцовство роль матери имеет свою специфику, т.к. матери служат партнерами и иногда препятствием в отцовско-детских отношениях и в браке, и вне его. Влияние матери, конечно, связано с отношениями родителей. Но существуют данные, что даже в удовлетворительных брачных отношениях вовлеченность отцов, особенно когда дети маленькие, часто зависит от

отношений и ожиданий матери, ее поддержки отцу, так же как и от степени ее занятости. Исследования показали, что многие матери имеют двойственное отношение к активной вовлеченности отцов (Doherty W.J., 1993). Учитывая мощные культурные ожидания в отношении материнской роли, не удивительно, что активная отцовская вовлеченность в некотором смысле может угрожать женской идентичности. Возможно, изменение общественного мнения по вопросу необходимости отцовского воспитания приведет к пониманию, что ответственная материнская забота включает в себя и поддержку отцовства.

3. Средовые факторы

Рассмотренное ранее в этом сообщении демонстрирует специфическую уязвимость отцовства к средовым воздействиям: от сложностей признания юридического отцовства до большего воздействия безработицы на отцовство, чем на материнство. Распространенность отказа от экономических и психологических обязанностей отца среди бедных, безработных мужчин и среди других мужчин, которые подвергаются финансовым кризисам, частично является следствием уязвимости отцовства по отношению к успеху во внешней среде. В масштабе общества выполнение отцовских функций связано с изменениями экономических условий, рынка рабочей силы и с изменениями в общественной политике. Также необходимо учитывать специфику этнических и культурных стереотипов отцовства.

Еще одним немаловажным фактором, влияющим на отцовство, является социальная поддержка. Для гармоничного развития детей было бы желательно, чтобы больше отцов прилагали усилия к тому, чтобы быть ближе к своему ребенку, совместно переживали и узнавали мир, начиная с младенчества. Но для этого необходимы соответствующие социально-экономические условия, такие, как, например, фиксированный рабочий день и равная оплата труда для женщин и мужчин, т.к. различная оплата труда является, с одной стороны, дискриминацией женщин в профессиональной сфере, а с другой — не позволяет мужчинам при желании заниматься ребенком.

4. Фактор ребенка

Индивидуальные детские факторы включены в модель для ее целостности, но как показывают исследования (Doherty W.J., 1993), факторы ребенка оказывают не столь существенное влияние на отцовство, как другие. Отцы, действительно, более близки с сыновьями, особенно со старшими сыновьями. Большинство других детских факторов, например, возраст, поведение, развитие, влияют на отцов и матерей одинаково.

5. Собственно отцовство

Идентификация с ролью отца, навыки и ответственность оказывают важное влияние на отцовство. Изменчивость индивидуального выполнения функций отца обуславливает два важных момента:

а) положительная поддержка от матерей и среды может помочь мужчине быть более ответственным отцом даже при плохих экономических условиях;

б) сильное желание отца, знания и навыки, вероятно, могут преодолеть отрицательное отношение матери, конфликты с ней, а также неблагоприятные влияния среды. Некоторые исследования также показывают, что отношения отца с его собственным отцом могут быть фактором, помогающим собственной идентификации в роли отца, через идентификацию с отцом или через компенсацию его ошибок.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что проблема современной семьи в целом и отцовства в частности не является специфически детской или мужской проблемой, т.к. практика отцовства детерминирована общественными процессами и только в контексте всего общества может быть решена. Все это подтверждает, что существует потребность в грамотной пропаганде, социальных программах, а также в диалоге и взаимном образовании между исследователями и практиками в области отцовства. В практике лучше, чем в теоретическом исследовании, прослеживается субъективный опыт мужчин, формирующих идентичность отца. С другой стороны, исследователи могут предложить практикам теоретическую основу для работы, важную репрезентативную информацию об отцовстве, новые методы оценки.

3.2. Влияние родительских установок и стилей семейного воспитания - на развитие ребенка

Родительские позиции (установки) — это довольно изученная область детско-родительских отношений. В клинически ориентированной литературе описана достаточно обширная их феноменология, а также их следствия — формирование индивидуальных особенностей ребенка в рамках нормального или отклоняющегося поведения. Выделенные в этих исследованиях типы родительского воспитания характеризуют в основном неблагоприятные воспитательные воздействия (Овчарова Р.В., 2005).

С точки зрения биологической обусловленности родительского чувства для благополучного «запуска» биологической основы родительства существенны три фактора - сензитивный период, ключевые раздражители и импринтинг.

Считается, что у матери есть сензитивный период материнства — первые 36 часов после родов. Если в этот период матери предоставлена возможность непосредственного общения с новорожденным, так называемый контакт «кожа-кожа», то у матери возникает психологический импринтинг на данного ребенка, интимная душевная связь с ребенком образуется быстрее, бывает более полноценной и глубокой. Многочисленные исследования (Овчарова Р.В., 2005) тех семей, где не был упущен сензитивный период материнства, показывают, что поведение матерей было спокойным и любящим, дети достоверно чаще улыбались. Детская улыбка в свою очередь — мощное поощрение для матери, ключевой раздражитель, запускающий специфическое материнское поведение.

Считается, что на основании архаических рефлексов, которые позднее

исчезнут, возникает специфическое поведение в ответ на внешние раздражители. Так, например, первая улыбка есть проявление буколингуального (щечно-язычного) рефлекса. Мать же придает этой улыбке коммуникативное значение, придает действиям ребенка больше смысла, чем есть на самом деле. Она положительно подкрепляет эту первую улыбку, более отчетливо выраженную между кормлениями. Впоследствии улыбка станет специфической реакцией на приближение человеческого лица, звук знакомого голоса (Овчарова Р.В., 2005). Таким образом, вовремя использованный сензитивный период материнства приводит к позитивному взаимодействию с ребенком и служит гарантом хорошего контакта, теплой и любящей атмосферы общения матери с ребенком.

С другой стороны, родительские установки зависят от двух факторов: от сензитивного периода и от прошлого опыта — общения с собственными родителями, в частности с матерью. Если один из этих двух факторов оказывает негативное влияние, то вполне возможно возникновение какой-либо отрицательной установки.

В отечественной и зарубежной психологии родительские позиции в основном исследовались в аспекте их влияния на происхождение и развитие неврозов у детей.

В этом смысле интересна систематическая классификация родительских позиций (О. Коннер), отражающая тип родительского отношения, где родительская позиция сформулирована в форме характерных для родителя словесных конструктов и способов поведения, представленных в табл. 8.

Таблица 8

Родительские установки (О. Коннер)

Тип позиции	Характерные словесные выражения	Способ поведения с ребенком	Влияние на развитие ребенка
Принятие и любовь	Ребенок — центр моих интересов	Нежность, занятия с ребенком	Чувство близости, нормальное развитие личности
Явное отвержение	Ненавижу этого ребенка, не буду о нем тревожиться	Невнимательность, жестокость, избегание контактов	Агрессивность, преступность и эмоциональная неразвитость личности
Излишняя требовательность	Не хочу ребенка такого, какой он есть	Критика, отсутствие похвал, придирчивость	Фрустрация, неуверенность в себе

Чрезмерная опека	Все сделаю для моего ребенка, посвящу ему свою жизнь	Чрезмерные поправки или ограничения свободы	Инфантилизм, особенно в социальных отношениях, неспособность к самостоятельности
------------------	--	---	--

Отечественный исследователь Т.В. Брагина (цит. по: Овчарова Р.В., 2005) рассматривает родительскую позицию как характер эмоционального отношения отца и матери к ребенку и выделяет ше типов позиций (табл. 9).

Таблица 9. «Родительские установки (Т.В. Брагина)»

Полярная позиция	Промежуточная позиция	Полярная позиция
Чрезмерная эмоциональная дистанция между родителями и детьми	Эмоционально уравновешенное отношение к детям	Излишняя концентрация внимания на детях
Доминирование по отношению к детям	Позиция независимого руководства родителей	Излишняя уступчивость по отношению к детям

А.А. Чекалина понимает родительские позиции как один из синонимов множества других терминов, обозначающих воспитательный процесс в семье: родительское воспитание, родительские отношения, тип воспитания, стиль воспитания, тактика воспитания (Овчарова Р.В., 2005).

А.С. Спиваковская рассматривает родительскую позицию как реальную направленность, в основе которой лежит сознательная и бессознательная оценка ребенка, выражающаяся в способах и формах взаимодействия с детьми (цит. по: Эйдемиллер Э.Г., 2001). По мнению А. С. Спиваковской, родительские позиции проявляются во взаимодействии с ребенком и представляют собой переплетение осознаваемых и неосознаваемых мотивов. Она полагает, что как совокупность установок родительские позиции существуют в трех планах: эмоциональном, когнитивном и поведенческом. Автор характеризует родительские позиции по следующим параметрам: адекватность, динамичность, прогностичность (табл. 10).

Е. Шеффер и Р. Белл (ЗспаеГег Е.5., Ве11 К.А), разработавшие методику для оценки родительских установок (РАК.1), полагают, что в понятие «установка», помимо отношения к ребенку, должно входить отношение к семейной роли (мужа - отца - хозяина, жены - матери — хозяйки дома). Они выделяют четыре фактора, характеризующих родительские установки: авторитарность, демократичность, опека и супружеские отношения.

Таблица 10

Характеристики родительских установок (А.С. Спиваковская)

Параметры	Характеристика
Адекватность	<p>Степень ориентировки родителей в индивидуальных особенностях ребенка, его развития, соотношении качеств, объективно присущих ребенку, и качеств, видимых и осознаваемых родителями. Адекватность позиции родителей проявляется в степени и знаке искажений восприятия образа ребенка. Таким образом, параметр адекватности описывает когнитивную составляющую взаимодействия родителей и ребенка.</p>
Динамичность	<p>Степень подвижности родительских позиций, способность изменять способы и формы взаимодействия с ребенком. Динамичность может проявляться:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) в восприятии ребенка — это создание изменяемого портрета ребенка либо оперирование раз и навсегда созданным статичным портретом; 2) в степени гибкости форм и способов взаимодействия в связи с возрастными изменениями ребенка; 3) в степени изменчивости воздействия на ребенка в соответствии с различными ситуациями, в связи со сменой условий взаимодействия. Параметр динамичности описывает когнитивный и поведенческий компоненты родительских позиций.
Прогностичность	<p>Способность родителей к экстраполяции, предвидению перспектив дальнейшего развития</p>

	<p>ребенка и к построению дальнейшего взаимодействия с ним. Таким образом, прогностичность определяет как глубину восприятия ребенка родителями, т.е. описывает как когнитивный компонент родительской позиции, так и особые формы взаимодействия с детьми, т.е. поведенческий компонент родительской позиции. Эмоциональный компонент проявляется по всем трем параметрам (адекватность, динамичность, прогностичность) родительской позиции. Он выражается в эмоциональной окраске образа ребенка, в преобладании того или иного эмоционального фона во взаимодействии родители—дети. Родительская позиция может быть осознаваемой, когда есть отношения и взаимодействия с ребенком, отрефлексированные родителем, и неосознаваемой, когда взаимодействия родителя с ребенком подчинены влиянию неосознаваемой мотивация родителя.</p>
--	---

С точки зрения Т.В. Архиреевой (Архиреева Т.В., 2005), родительские позиции реализуются в поведении отца и матери в том или ином типе воспитания, т.е. в тех или иных способах воздействия и в характере; обращения с ребенком. Она выделяет три фактора, характеризующих родительские позиции: гиперопека - отсутствие родительской опеки; отсутствие демократичности в отношениях с ребенком — демократичность; диктат в воспитании — отказ от авторитарности.

М.О. Ермихина, которая вслед за А.С. Спиваковской выделяет когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие, соотносящиеся с выделенными ГГ. Филипповой блоками в структуре родительства, полагает, что когнитивная составляющая включает представления о реальном и идеальном образе ребенка, о существующих позициях родителя, о своей родительской позиции. Эмоциональная составляющая представляет собой доминирующий эмоциональный фон, суждения и оценки относительно реального образа ребенка, своих родительских позиций и относительно взаимодействия родители—дети. Поведенческая составляющая содержит коммуникативные позиции родителей, прогностический аспект (планирование) дальнейшего взаимодействия с ребенком (Овчарова Р.В., 2005).

Согласно Э. Берну (Берн Э., 2001), типичная родительская позиция — это позиция «над», «сверху». Однако идеальный вариант родительской позиции, к которому должны стремиться супруги, - это равенство позиций. Оно означает

признание активной роли ребенка в процессе его воспитания.

В настоящее время большинство исследователей акцентируют внимание на изучение неблагоприятных родительских позиций, складывающихся в функционально несостоятельных семьях и имеющих негативные последствия для личности детей и подростков.

Типичными неблагоприятными установками являются: попустительско-снисходительная; демонстративная; педантично-подозрительная; жестко-авторитарная; увещательная; отстранение; равнодушная; потакающая; непоследовательная; позитивного интереса; директивная; враждебная; автономная.

Характер родительских позиций и их динамика во многом зависят от этнопсихологических и социокультурных особенностей общества. Сравнивая национальные стили воспитания по степени их строгости, социолог Э. Голдфранк различает четыре типа обществ (цит. по: КрайгГ., 2000):

- 1) общество, где в раннем и позднем детстве дисциплина слабая;
- 2) общество, где в раннем и позднем детстве дисциплина строгая;
- 3) общество, где в раннем детстве дисциплина строгая, а в позднем — слабая;
- 4) общество, где в раннем детстве дисциплина слабая, а в позднем — строгая.

Европейскую модель воспитания по этой схеме следует отнести к третьему типу общества, в котором по мере взросления ребенка внешний контроль должен ослабевать.

Родительские установки и стиль воспитания связаны также с наличием у данной группы (культуры) тех или иных мотивационных синдромов (потребность в достижениях, в аффилиации, ориентация на других). Люди, в этнической культуре которых сильно выражена потребность в достижении, как поясняет И.С. Кон, склонны больше опекать своих детей, незамедлительно откликаясь на их просьбы о внимании; в то же время они гораздо острее реагируют на проявление дерзости, нежели люди, которые больше ценят групповую принадлежность и дружественные отношения с окружающими (Кон И.С., 1998).

В отечественной и зарубежной психологии существует очень много классификаций стилей родительского воспитания. Одна из классификаций представлена А. Болдуином, который выделил два стиля практики родительского воспитания: демократический и контролирующий.

Демократический стиль определяется следующими параметрами: высоким уровнем вербального общения между родителями и детьми; включенностью детей в обсуждение семейных проблем, учетом их мнения; готовностью родителей одновременно прийти на помощь, если это потребуется, одновременно верой в успех самостоятельной деятельности ребенка; ограничением собственной субъективности в видении ребенка.

Контролирующий стиль включает значительные ограничения поведения детей: четкое и ясное разъяснение ребенку смысла ограничений, отсутствие разногласия между родителями и детьми по поводу дисциплинарных мер.

Считается, что в семьях с демократическим стилем воспитания дети характеризовались умеренно выраженной способностью к лидерству, агрессивностью, стремлением контролировать других детей, но сами дети с трудом поддавались внешнему контролю. Дети отличались также хорошим физическим развитием, социальной активностью, легкостью вступления в контакты со сверстниками, однако им не был присущ альтруизм, сензитивность и эмпатия.

Дети родителей с контролирующим типом воспитания были послушны, внушаемы, боязливы, не слишком настойчивы в достижении собственных целей, неагрессивны. При смешанном стиле воспитания детям присущи внушаемость, послушание, эмоциональная чувствительность, неагрессивность, отсутствие любознательности, оригинальности мышления, бедная фантазия (Мартынова Т.Н., 2000).

В целом можно сказать, что важным параметром, оказывающим влияние на развитие ребенка, является родительский контроль: при высоком балле по этому параметру родители предпочитают оказывать большое влияние на детей, способны настаивать на выполнении своих требований, последовательны в них. Контролирующие действия чаще всего направлены на модификацию проявлений зависимости у детей, агрессивности, развитие игрового поведения, а также на более успешное усвоение родительских стандартов и норм.

Вторым важнейшим параметром являются родительские требования, побуждающие к развитию у детей зрелости; родители стараются, чтобы дети развивали свои способности в интеллектуальной, эмоциональной сферах, межличностном общении, настаивают на праве детей на независимость и самостоятельность.

Третий параметр — способы общения с детьми в ходе воспитательных взаимодействий. Родители с высоким баллом по этому показателю стремятся использовать убеждение с тем, чтобы добиться послушания, обосновывают свою точку зрения и одновременно готовы обсуждать ее с детьми, выслушивать их аргументацию.

Четвертый параметр — эмоциональная поддержка. Родители способны выражать сочувствие, любовь и теплое отношение, их действия и эмоциональное отношение направлены на содействие физическому и духовному росту детей, они испытывают удовлетворение и гордость от успехов детей.

Из этого следует, что наиболее распространенным механизмом формирования характерологических черт ребенка, ответственных за самоконтроль и социальную компетентность, выступает интериоризация средств и навыков контроля, используемых и родителями. При этом адекватный контроль предполагает сочетание эмоционального притяжения с высоким объемом требований, их ясностью, непротиворечивостью и последовательностью в предъявлении ребенку. Дети с адекватной практикой родительского отношения характеризуются хорошей адаптированностью к школьной среде и общению со сверстниками, активны,

независимы, инициативны, доброжелательны и эмпатийны (Семья в психологической консультации. Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Сталина. 1989. С. 24-25).

С. Броди (цит. по: Мартынова Т.Н., 2000) выделила четыре типа материнского отношения, которые могут быть соотносимы с отцовским отношением:

- Матери первого типа легко и органично приспосабливались к потребностям ребенка. Для них характерно поддерживающее, разрешающее поведение. Матери этого типа не ставили себе задачу к определенному возрасту приучить ребенка к навыкам опрятности. Они ждали, пока ребенок сам «дозреет».

- Матери второго типа сознательно старались приспособиться к потребностям ребенка. Не всегда успешная реализация этого стремления вносила в их поведение напряженность, недостаток непосредственности в общении с ребенком. Они чаще доминировали, а не уступали.

- Матери третьего типа не проявляли большого интереса к ребенку. Основу материнства составляло чувство долга. В отношениях с ребенком почти не было теплоты и совсем не было спонтанности. В качестве основного инструмента воспитания такие матери применяли жесткий контроль, такие женщины последовательно и сурово пытались приучить ребенка полутора лет к навыкам опрятности.

- Матери четвертого типа поведения характеризуются непоследовательностью. Они вели себя неадекватно возрасту и потребностям ребенка, допускали много ошибок в воспитании, плохо понимали своего ребенка. Их прямые воспитательные воздействия, также, как и реакция на одни и те же поступки ребенка, были противоречивыми.

По мнению С. Броди, наиболее вредным для ребенка оказывается четвертый стиль материнства, т.к. постоянная непредсказуемость материнских реакций лишает ребенка ощущения стабильности окружающего мира и провоцирует тревожность. В то время как сензитивная, принимающая мать (первого типа) безошибочно и своевременно реагирует на требования маленького ребенка, что создает у него бессознательную уверенность в том, что он может контролировать действия других и достигать своих целей.

А.Е. Личко и Э.Г. Эйдемиллер (Эйдемиллер Э.Г., 2001) выделяют следующие виды неправильного воспитания:

Гипопротекция. В крайней форме проявляется безнадзорное чаще недостатком опеки и контроля, а главное — истинного интереса к делам, волнениям и увлечениям подростка. В последнее время гипс протекция простирается до безнадзорности и заброшенности детей.

Скрытая гипопротекция наблюдается тогда, когда контроль за поведением отличается крайним формализмом. Подросток обычно чувствует, что старшим не до него. Скрытая гипопротекция нередко сочетается со

скрытым эмоциональным отвержением. Обычно подросток научается обходить формальный контроль и живет своей жизнью. Особенно неблагоприятна при акцентуациях по неустойчивому, гипертимному и конформному типам: такие подростки быстрее других оказываются в асоциальных компаниях и привыкают к праздному образу жизни.

Доминирующая гиперпротекция характеризуется постоянной чрезмерной опекой, мелочным контролем за каждым шагом, системой постоянных запретов и неусыпного бдительного наблюдения за подростком. Гиперпротекция не дает возможность принимать когда-либо собственное решение, не приучает к самостоятельности.

У гипертимных подростков такое воспитание приводит к усилению реакции эмансипации, к бунту против родительских запретов и даже к уходу в асоциальную компанию, у подростков с психастенической, сензитивной и астеноневротической акцентуацией доминирующая гиперпротекция усиливает их астенические черты — несамостоятельность, неуверенность в себе, нерешительность, неумение постоять за себя.

Потворствующая гиперпротекция. Для нее характерно чрезмерное покровительство, стремление освободить ребенка от малейших трудностей и неприятных обязанностей. При этом родители восхищаются мнимыми талантами, преувеличивают действительные способности ребенка. Потворствующая гиперпротекция мешает выработке навыков и систематическому труду, упорства в достижении цели, умения постоять за себя. Для подростка создается кризисная ситуация: с одной стороны, желание быть на виду, лидировать среди сверстников, а с другой — полное неумение осуществлять лидерские функции, подчинять себе. Этот стиль воспитания усиливает истероидную акцентуацию, способствует появлению истероидных черт при лабильной и гипертимной, реже при шизоидной и эпилептоидной акцентуациях.

Потворствующая гипопротекция. Как стиль воспитания впервые описана А.А. Вдовиченко у делинквентных подростков. При таком стиле воспитания недостаток родительского надзора сочетается с не критичным отношением к нарушениям поведения у подростков. Родители пренебрегают сигналами со стороны о его дурном поведении, негодуют по поводу общественных порицаний, стремятся оправдать его поступки, переложить вину на других, оправдывают своего ребенка, любыми средствами стараются освободить от заслуженных наказаний. Подобное воспитание культивирует неустойчивые и истероидные черты. Неслучайно авторы, описывая тип воспитания по типу потворствующей гипопротекции, говорят о делинквентном поведении, о воспитательных учреждениях строгого дисциплинарного режима. Осуществлять ограничение их поведения приходится с помощью государственных органов, поскольку семейное воспитание по данному типу оказывается несостоятельным — выходцы из таких семей не признают

авторитета взрослых, кроме грубой силы.

Эмоциональное отвержение. При этом типе воспитания ребенок или подросток постоянно ощущает, что им тяготеют, что он — обуза для родителей, что без него было бы легче. Ситуация усугубляется, если рядом есть кто-то другой — брат или сестра, мачеха или отчим, кто гораздо дороже и любимее. Скрытое эмоциональное отвержение состоит в том, что родители, сами себе не признаваясь в этом, тяготеют сыном или дочерью, хотя гонят от себя подобную мысль, возмущаются, если кто-либо укажет им на это. Родители могут даже внешне проявлять утрированные знаки внимания, однако ребенок чувствует недостаток искреннего эмоционального тепла.

Эмоциональное отвержение тяжело сказывается на лабильной, сензитивной и астеноневротической акцентуациях, усиливая черты этих типов.

Е.С. Иванов (цит. по: Эйдемиллер Э.Г, 2001) выделяет и другие типы воспитания, являющиеся неблагоприятными: воспитание в культе болезни, эмоциональное отвержение, условия жестоких взаимоотношений, повышенной моральной ответственности, противоречивое воспитание и воспитание вне семьи.

Особенно тяжелые последствия имеет **воспитание в условиях жестоких взаимоотношений**, которые обычно сочетаются с эмоциональным отвержением. Жестокое отношение может проявляться как открыто - расправами над ребенком, так и полными пренебрежениями интересами ребенка, когда он вынужден рассчитывать только на себя не надеясь на поддержку взрослых. Жестокое отношение могут существовать в закрытых учебных заведениях (тирания «вожаков»), если работа воспитателей отличается формализмом. Воспитание в условиях жестоких взаимоотношений способствует усилению черт эпилептоидной акцентуации и развитию этих же черт на основе конформной акцентуации.

Условия повышенной моральной ответственности. В этом случае родители питают большие надежды в отношении будущего своего ребенка, нередко рассчитывая, что он воплотит в жизнь их собственные несбыточные мечты. В другом случае условия повышенной моральной ответственности создаются, когда на малолетнего подростка возлагаются недетские заботы о благополучии младших и беспомощных членов семьи. Многие дети обнаруживают достаточную устойчивость к повышенным родительским ожиданиям или возложенным на них трудным обязанностям. Исключение составляет психастеническая акцентуация, черты которой заостряются в условиях повышенной моральной ответственности, приводя к психопатическому развитию или неврозу.

Противоречивое воспитание характеризуется реализацией в одной семье различных воспитательных стилей. Примером такого воспитания может служить эмоциональное отвержение со стороны родителей и потворствующая гиперпротекция со стороны бабушек и дедушек.

Воспитание вне семьи. По мнению А.Е. Личко, само по себе воспитание вне семьи может быть полезно в подростковом возрасте, поскольку жизнь среди сверстников способствует развитию самостоятельности, выработке навыков социальной адаптации. Отрицательным психогенным фактором являются недостатки в работе воспитательных учреждений: сочетание строгого режима, граничащего с гиперпротекцией, при формализме в его соблюдении, приводящем к реальной безнадзорности; влияние наиболее испорченных в нравственном отношении подростков; жестокие взаимоотношения между воспитанниками, а также недостаток эмоционального тепла со стороны воспитателей (Эйдемиллер Э.Г., 2001).

Таким образом, родительское поведение под влиянием воспитательных установок может как смягчать неблагоприятные условия развития ребенка (в том числе и при болезни), так и приводить к неблагоприятному развитию различных черт характера и способствовать формированию неврозов.

3.3. Роль отца в личностном, интеллектуальном, нравственном и полоролевом становлении ребенка

Впервые об отцовстве и отцовском влиянии на развитие личности ребенка заговорили в начале XX в. в рамках исследований, проводимых на базе психоаналитической методологической школы. З. Фрейд акцентировал внимание на роли отца в становлении полоролевой идентичности и на том, как преодоление Эдипова комплекса (или комплекса Электры) сказывается на дальнейшем формировании поведения и возможных отклонений в развитии сексуальности и характера человека. Согласно его мнению, именно отец является ключевой фигурой в жизни ребенка, он определяет жесткие рамки формирования личности мальчика в условиях страха кастрации и выраженной любви к матери, которая выступает как объект влечения и только, для девочки же отношения с отцом и подсмотренные паттерны общения матери с ним определяют ее дальнейшие ожидания по отношению к мужчине. Позднее более детально остановимся на изучении психологической природы влияния отца на развитие ребенка Э. Фроммом. Он полагает, что младенец в момент рождения испытывает страх смерти, однако он несколько предохранен от чувства тревоги, связанной с отделением от матери самим кризисным процессом рождения. Новорожденный почти не отличается от того существа, каким он был до момента рождения, и не может осознавать себя и окружающий его мир как нечто бывшее еще до него. Он воспринимает пока только положительное действие тепла и пищи, не отличая их от источника - матери. Мать - это тепло, пища, состояние удовлетворения и безопасности. Внешняя реальность, люди и вещи пока имеют значение лишь в той степени, в какой они удовлетворяют или фрустрируют физиологические потребности. Реально только то,

что внутри; все, что находится вовне, реально, поскольку необходимо младенцу, но не как объективная ценность с присущими ей качествами.

Ребенок растет, развивается и постепенно приобретает способность воспринимать вещи как они есть. В конце концов он начинает понимать, что молоко, грудь и мать — различные субстанции. Он научается видеть много других вещей, имеющих различные, свои собственные существования. Он учится общаться с людьми, вступая в отношения с ними. Многие эти переживания общения кристаллизуются и объединяются в одном переживании: я любим, потому что я — ребенок своей матери, потому что беспомощен, неповторим. Это

можно выразить в более общей форме: я любим, потому что это я. Как полагает Э. Фромм (Фромм Э., 1990), переживание любви матерью - пассивное чувство. Мне ничего не надо делать для того, чтобы быть любимым, — материнская любовь безусловна. Все, что от меня требуется, — это быть, быть ее ребенком. Но есть и негативная сторона в этой «гарантированной» любви. Ее не только не нужно заслуживать, но ее и нельзя добиться, тем более контролировать. Если она есть, то она равна блаженству, если же ее нет, это все равно как если бы все прекрасное ушло из жизни - и ничего нельзя сделать, чтобы эту любовь искусственно создать.

Таким образом, ребенок, хотя теперь уже живет не в утробе, все еще полностью зависим от матери. Однако день за днем он становится все более самостоятельным: учится ходить, говорить, познавать мир; со временем связь с матерью несколько утрачивает свое жизненно необходимое значение, и вместо этого все более и более важными становятся взаимоотношения с отцом.

Э. Фромм, впервые описавший существенное различие между материнской и отцовской любовью, считает, что материнская любовь по самой своей природе безусловна. Мать любит новорожденного младенца, потому что это ее дитя, потому что с его появлением в ее мире произошли преобразования, свершились какие-то важные ожидания. Безусловная любовь утоляет одно из сокровеннейших желаний не только ребенка, но и любого человека. Условная любовь менее надежна: всегда существует опасность, что любовь к тебе может исчезнуть. Кроме того, такая «заслуженная» любовь всегда оставляет горькое чувство, что ты любим не сам по себе, а потому что приятен. У взрослых потребность в бескорыстной материнской любви проявляется как компонент нормальной эротической любви.

Связь с отцом совершенно иная. Если мать, по меткому выражению Э. Фромма, - «это дом, из которого мы уходим, это природа, океан», то отец имеет слабый контакт с ребенком в первые годы его жизни, не идущий ни в какое сравнение с материнским. «...Но зато отец представляет собой другой полюс человеческого существования, где - мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплина, путешествия и приключения. Отец — это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир» (Фромм Э., 1990).

С этой отцовской функцией тесно связана и другая, которую можно назвать социально-экономической. Когда возникли частная собственность и возможность передать наследство одному из потомков, отец стал с нетерпением ждать появления сына, которому он мог бы оставить свое дело. Им оказывался тот сын, которого отец считал наиболее подходящим своим преемником, который был более всего похож на отца и, следовательно, которого он любил больше всех. Отцовская любовь — это обусловленная любовь. То есть принцип отцовской любви состоит в том, что ребенка любят, потому что он удовлетворяет отцовским ожиданиям, достойно исполняет свои обязанности, или похож в чем-то на отца. В обусловленной отцовской любви мы находим, как и в безусловной материнской, отрицательную и положительную стороны. Отрицательную сторону составляет уже тот факт, что отцовская любовь должна быть заслужена, что она может быть утрачена, если человек не сделает того, чего от него ждут. В самой природе отцовской любви заключено, что послушание становится основной добродетелью, непослушание — главным грехом, и наказанием за него служит утрата отцовской любви. Положительной стороной является то, что поскольку отцовская любовь обусловлена, то ее можно добиться, она находится в пределах контроля личности, что очень отличает ее от материнской.

Материнская и отцовская установки по отношению к ребенку соответствуют его собственным потребностям. Младенец нуждается в материнской безусловной любви и заботе как физиологически, так и психически. Более старшему ребенку необходима отцовская любовь, его авторитет и руководство. Таким образом, по мнению психоаналитиков, функция матери — обеспечить ребенку безопасность в жизни, функция отца — учить его, руководить им, чтобы он смог справиться с проблемами, которые ставит перед человеком то общество, в котором он родился.

В идеальном случае материнская любовь не пытается мешать ребенку взрослеть, не поощряет его беспомощность, напротив, помогает стать независимым, способным отделиться от нее. Отцовская любовь является направляющим принципом, а также ожиданиями; ей следует быть терпеливой и снисходительной, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать ребенку всевозрастающее чувство собственной силы и, наконец, позволить ему выглядеть авторитетным в собственных глазах, освободившись от авторитета отца.

Для семьи в целом и для обоих родителей как личностей рождение ребенка является вехой в развитии и представляет собой стрессовую ситуацию. Важнейшим фактором нормального пренатального развития ребенка является благоприятная обстановка в семье, эмоциональный комфорт беременной женщины, и, как показали исследования Л.Л. Баз, Т.А. Баландина, Г.В. Скобло, эмоциональная поддержка мужа, благодаря которой жене удавалось с наименьшими психологическими потерями преодолевать трудности этого периода. Отсутствие такой поддержки является провоцирующим моментом для возникновения у нее тревожно-депрессивных расстройств, являющихся как правило,

предшественниками послеродовой депрессии, отрицательное влияние которой на психическое развитие ребенка общепризнано. Таким образом, еще до рождения ребенка отец оказывает влияние на его развитие через обеспечение благоприятных условий (Филиппова ГГ., 2002).

Позднее отец помогает развитию ребенка через игры. Игры матери и отца имеют различные функции. Игры с отцом, в отличие от игр с матерью, которая ухаживает за ребенком и дает ему чувство безопасности и тепла, помогают развитию моторики ребенка, освоению окружающего пространства, собственного тела, что является важным условием интеллектуального развития ребенка (Barth S., 1999).

По мнению В. Фтенакиса (Fthenakis W. E., 1998), взаимодействие с отцом положительно влияет на когнитивное развитие детей. Однако его исследования показали, что данное положение справедливо только для мальчиков. Была выявлена прямая корреляция между вовлеченностью отца в воспитание и когнитивными достижениями их сыновей. В. Фтенакис объясняет это тем, что отец дает пример практического и действенного решения различных проблемных ситуаций, причем вовлеченность в жизнь ребенка предполагает еще и эмоциональное участие, и именно потому, что отец в этом случае дает пример мужского подхода к решению проблем, его влияние не так заметно на девочках. Обследование более 20 тысяч американских семей, проведенное G.S. Becker (1991), показало, что дети, отцы которых вовлечены в процесс их образования (например, посещают родительские собрания), чаще получают высшие баллы, больше любят школу, реже остаются на второй год. И. Лангмейер и З. Матейчик проанализировали популярные книги о воспитании детей за 100 лет (с 1850 по 1950 гг.). Они хотели установить сдвиги в тех ценностях, которые должны проповедовать родители детям. Был обнаружен устойчивый сдвиг в значимости этих ценностей: понижение оценки характера ребенка и возрастные значения интеллектуальной и деятельностной продуктивности, успехов в учебе и жизненной выносливости. Повысилось также значение эмоциональных связей между людьми, особенно в 30-50-е гг.

В.Н. Дружинин полагает, что в сходстве интеллекта членов семьи проявляется их эмоциональная близость. Таким образом, по коэффициентам корреляции интеллекта можно выявить близость членов среднестатистической семьи. То, что в постсоветской семье мать дальше от отца, чем сын, сын ближе к матери, чем к отцу, может объяснять так называемый «материнский эффект», когда корреляция интеллектуальных способностей детей и матерей выше, чем детей и отцов (Дружинин В.Н., 1999). В некоторых исследованиях обнаружен противоположный «отцовский эффект», однако, вероятнее всего, корреляция обусловлена не генетическими факторами, а временем, проводимым родителем с ребенком (Дружинин В.Н., 2006).

В исследовании Т.А. Думитрашку (Думитрашку Т.А., 1996) было выявлено, что размер семьи является значимым фактором для когнитивного развития детей, которое зависит от идентификации с родителем и порядка рождения. Действие указанных факторов обусловлено тем, что психологический статус каждого ребенка в семье изменяется вместе с изменением конфигурации семьи. А эффект

очередности рождения объясняется положением детей в семье: так, наиболее тесные взаимодействия у родителей, как показывает практика, с первенцами. Различия в корреляциях родитель - первый ребенок и родитель - второй ребенок могут возникать в двух случаях: при более тесной идентификации ребенка с родителем, что повышает связь, и, наоборот, при возникновении таких отношений, которые понижают эту связь.

Имитируя взрослого, ребенок принимает его за модель и оказывается психологически зависимым от этого взрослого. Отрицательный эффект большего порядкового номера рождения на когнитивное развитие детей будет определяться тем, что у последнего ребенка в большой семье выбор объекта для идентификации становится шире (в качестве модели могут выступать и старшие дети), и тем, что статус ребенка изменяется с появлением нового члена. Заметим, что качество взаимодействия со старшими детьми и родителями существенно различно. Контакты с родителями и вербально, и интеллектуально богаче, чем контакты со старшими братьями и сестрами. Таким образом, старшие дети не в состоянии служить полным аналогом родителей для младших.

В данном исследовании также было выяснено влияние взаимоотношений родителей с детьми на развитие способностей детей. Констатируется наличие взаимосвязей между типом отношений к детям у родителей и отдельными показателями когнитивного развития детей. При этом проявляются следующие особенности: 1) у матерей с более высокими баллами по отвержению ребенка первые дочери менее интеллектуально развиты и менее креативны, чем у матерей с низкими баллами. У отцов, как и у матерей, корреляции по показателям интеллектуальности и креативности отмечаются только с первыми сыновьями; 2) у матерей с сильно выраженным стремлением соответствовать социально желательному образу матери первые дочери менее результативны в тестах на интеллектуальность, у отцов этот тип отношения положительно коррелирует с показателем креативности вторых сыновей; 3) тесно коррелирует с показателем когнитивного развития детей интеллектуальное развитие и степень авторитарности отца (высокая корреляция с показателем креативности первых сыновей, креативности вторых дочерей с авторитарными отношениями отца с детьми); 4) влияние определенного стиля воспитания на ребенка может быть специфическим в каждом отдельном случае в зависимости от того, кто из родителей придерживается этого стиля и по отношению к каким детям он используется (Думитрашку Т.А., 1996).

S. Barth (S. Barth., 1999) полагает, что отец играет важнейшую роль в усвоении детьми моральных норм. Родители через слова и поведение так или иначе выражают свое отношение к определенным событиям или поступкам людей, предоставляя таким образом модели поведения и моральную оценку. Кроме того, родители, особенно отец, дисциплинируют детей, ставя определенные рамки поведения, одобряя за одни поступки и наказывая за другие. Это важно, т.к.

именно родители удовлетворяют потребности ребенка, т.к. он взаимодействует с окружающей средой сначала только через родителей, которые в этом случае являются проводниками общественных ценностей. Главными факторами, влияющими на усвоение моральных норм, являются: 1) страх потери любви родителей; 2) идентификация с родителем, о которой говорил еще З. Фрейд; 3) развитие эмпатии и чувства вины первоначально через оценку родителей, а затем через объяснение последствий действий ребенка. По мнению Хоффмана, именно идентификация является наиболее важным фактором, и отец в этом случае особенно необходим мальчику. То, что любовь отца условна, по мнению S. Barth является важнейшим фактором морального развития ребенка (S. Barth., 2000). К похожему выводу пришла О.Б. Чиркова (цит. по: Ильин Е.П., 2002), которая в своем исследовании обнаружила, что отец играет более важную роль в формировании у ребенка ответственности. Происходит это потому, что отцы придают большее значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери, относятся к проявлению детьми независимости. Лишь отец способен сформировать у ребенка способности к инициативе и противостоянию групповому давлению. Чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка ребенка, тем меньше он придает значения духовным и социальным ценностям, по сравнению с материальными и индивидуалистическими (Дружинин В.Н., 2006).

О том, что взаимоотношения с отцом влияют на формирование полоролевой идентичности, говорил еще З. Фрейд. По мнению S. Barth (S. Barth., 2000), важнейшими детерминантами полоролевой идентификации для мальчика являются: 1) доминантность отца как уровень его влияния в семье; правда, именно доминирование отца может привести как к развитию активности, так и к развитию пассивности ребенка; 2) забота отца, если отличительной чертой отношений отца и сына является забота и теплота, желание быть таким же «мужественным», как отец, значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие гетеросексуальные контакты, являясь прототипом этих взаимоотношений. Теплые и приносящие удовлетворение отношения дочери с отцом помогают дочери гордиться своей женственностью, способствуют принятию себя в качестве женщины и более легкой гетеросексуальной адаптации, кроме того, отец может влиять и на жизненные приоритеты дочери — семейную жизнь или ориентацию на карьеру (S. Barth., 2000).

Доказано и влияние отца на развитие различных личностных характеристик ребенка. В 26-летнем лонгитуде, который проводился в США и в котором приняли участие 379 человек, ученые выяснили, что единственный фактор, определяющий развитие эмпатии в детстве, - отцовское участие. У отцов,

занимавшихся с детьми не меньше двух раз в неделю, дети становились наиболее чуткими взрослыми.

Многие исследования подтверждают позитивность вклада отцов в воспитание детей. Дети «вовлеченных отцов» менее тревожны во внесемейных ситуациях; лучше справляются с фрустрацией; с большей вероятностью становятся эмпатийными взрослыми; более социальными; их самоуважение и уровень притязаний выше (Ильин Е.П., 2002).

Е.П. Ильин подтверждает, что дети, которые близки с отцом, обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью образа Я, в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные. Дети, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, вырастают более отзывчивыми в социальном плане. Исследования привязанности родителей и младенцев показало, что отцы, проводившие с детьми много времени и позитивно настроенные по отношению к ним, имели младенцев, более прочно привязанных к родителям (Camus J., 2000). Изучение годовалых детей показало, что дети «вовлеченных отцов», оставаясь с незнакомцем, плакали и страдали меньше, чем дети «менее вовлеченных отцов» (Fthenakis W.E., 1988). Помимо этого, взаимодействие отцов с детьми способно улучшить физическое самочувствие малышей, их восприятие, отношение с окружающими уже с очень раннего возраста (Campus J., 2000).

В современном мире по количеству времени и качеству общения выделяют несколько типов взаимодействия отца и ребенка (Schneider W., 1989; Fthenakis W.E., 1989):

- *Традиционный отец* — отец как воплощение силы, авторитета и социальной компетенции. Важнейшей задачей такого отца является содержание и защита матери и ребенка. Таким образом, он отдален от ребенка и взаимодействует с ним только тогда, когда возникают разногласия и мать не в состоянии их разрешить; его слово — закон, его поведение обсуждению не подлежит, ему свойственен авторитарный стиль воспитания, эмоциональной близости с ребенком нет, т.к. поддерживается авторитет и власть.

- *Отец-партнер* — это отец как образец, помощник и партнер по играм. Такой мужчина полагает, что для гармоничного развития ребенка необходимо участие обоих родителей. В семье имеется достаточно гибкое распределение ролей, в том смысле, что отец, кроме своей работы, уделяет внимание проблемам ребенка. Таким образом, отец играет значительную роль в воспитании и жизни ребенка, а кроме того, еще и активную роль в семье.

- *Новый отец* (Heiliger A., 1989; Gampert., 2000; Horst. P., 2000; Fthenakis W.E., 2001). Термин «новый отец» (соответствует термину «ответственное отцовство»), что характеризует не столько операциональный аспект взаимодействия отца и ребенка, сколько намечающуюся в науке и практике тенденцию подчеркивания важности отцовства, общения с ребенком для самого отца. В рамках данной концепции получило широкое развитие представление об андрогинной личности, о

том, что и на мужчину и на женщину родительство оказывает равное влияние, что ребенок также важен для отца, как и для матери, однако при этом подчеркивается, что мужчина и женщина по-разному взаимодействуют с ребенком (например, разные стили общения), но отец может и должен заниматься ребенком наравне с матерью. Такой отец принимает участие в самом процессе рождения ребенка, присутствует на родах, позднее он заботится о ребенке-младенце вместе с матерью, имеет с ним тесную эмоциональную связь. Однако на этой почве у неподготовленных мужчин могут возникать различные сложности и преувеличения, вплоть до ревности отца к матери. Здесь необходимо четко различать функции и особенности роли отца и матери. Таким образом, хотя в современном обществе существует достаточно прочный стереотип некомпетентности отца и его невключенности в воспитание ребенка, вышесказанное позволяет утверждать, что участие обоих родителей в воспитании ребенка, при условии четкого различения родительских ролей, оказывает положительное влияние на развитие детей, однако отец должен выполнять свою функцию, а не выступать в роли заместителя матери.

По данным американских исследователей К. Кенфильда и П. Игл (Canfield K., 1999; Eagle P.L., 1994), в современном обществе наблюдаются следующие тенденции развития взаимоотношений отцов и детей: по данным этих авторов, мужчины как бы вновь открыли для себя ценность отцовства. Например, число отцов, присутствующих на детских днях рождения, возросло за последние 5 лет с 27 до 90%. Если в 1987 г. 30% отцов говорили, что они готовы медленнее продвигаться по карьерной лестнице, если это поможет им больше времени проводить с семьей, то в 1991 г. уже 75% мужчин предпочли возможность больше времени проводить с семьей возможности сделать профессиональную карьеру. Исследования также показывают, что постоянно возрастает число отцов, заботящихся о малышах в одиночку.

Растут даже ожидания по отношению к отцам: 96,8% опрошенных согласились с тем, что отцы должны вносить больший вклад в образование детей; 54,1 % считают, что отцы сегодня проводят со своими детьми меньше времени, чем их отцы с ними. Зарплатой, которую отец приносит в семью, уже не исчерпывается его роль. Ожидается, что отцы и физически, и вербально будут вовлечены в воспитание. Часть этих ожиданий является результатом того, что все больше женщин работают вне дома. Но некоторые ожидания связаны с самими отцами: они знают, что могут дать своим детям больше, чем «нормальные отцы» во времена их собственного детства. Повышение осознанности и количества времени, проводимого с детьми, — важнейшие компоненты эффективного отцовства. Существуют даже попытки гармонизировать профессиональную и семейную жизнь.

Таким образом, участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить, оно необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, и, возможно, целый ряд проблем современного общества связан именно с

отстранением мужчин от воспитания молодого поколения.

3.4. Патернальная депривация и ее последствия

Современные реалии отцовства во всем мире имеют две тенденции. С одной стороны в патриархальных культурах ценность отцовства традиционно высока, при этом отец имеет почти неограниченную власть в семье, таковыми, например, являются культуры некоторых стран Азии и Востока. С другой стороны, в современном западном обществе все четче проявляется тенденция к возрастанию внимания к отцовству и его роли в жизни ребенка (так называемое «ответственное отцовство»), однако даже в этих государствах вовлеченные отцы в силу различных обстоятельств не являются большинством, кроме того, в странах, проходящих через реформирование социальных и тендерных систем, находящихся между традиционным миропониманием и формированием более либерального общества, разрушение устоев и традиций приводит к уменьшению социального контроля и большей свободе самой личности по отношению к таким социальным явлениям, как, например, семья. В идеале большая свобода означает большую ответственность личности по отношению к собственной жизни, своей семье и детям, что далеко не всегда происходит в реальности. В итоге - большая эмансипация и свобода женщин, включенность их в производственный процесс, приводящие в контексте семьи к проявлению конфликтов на почве лидерства; разграничение сексуальности и репродукции; снижение возраста вступления в половую жизнь приводит к распространению практики воспитания ребенка одним родителем, которым в подавляющем большинстве случаев является мать. В нашей стране, по данным Е.П. Ильина, количество детей, растущих без отца, становится угрожающим (Ильин Е.П., 2002).

Различные социальные потрясения, такие, как войны и революции, психогенные и природные катастрофы, межличностные конфликты и уголовные преступления, социально-психологическая незрелость родителей и болезни, лишают ребенка полноценного общения и нормальных условий развития.

В первое время жизни чрезвычайно важна роль матери. Согласно К. Хорни (Хорни К., 1993), мать удовлетворяет первичные потребности ребенка, ласкает его, стимулирует, общается с ним, дает ощущение защищенности, эмоционального тепла и уюта. Отец выступает в качестве авторитетного социального образца, примера поведения, его наличие в семье придает ребенку уверенность и самостоятельность в принятии решений (Дружинин В.Н., 2006).

В раннем детстве мать удовлетворяет основные потребности ребенка, поэтому ее смерть или уход из семьи вызывает кризис доверия к окружающему миру, ощущение заброшенности, состояние тревоги. Однако огромная роль матери в развитии ребенка не уменьшает значения влияния отца на развитие ребенка. Ранее психологи считали, что отсутствие отца в раннем детстве не так сильно

сказывается на развитии ребенка, как отсутствие матери. На первый взгляд, последствия, действительно, не столь трагичны, ведь эмоциональное общение сохраняется. Однако без уравновешивающего влияния отца, без его общения с ребенком роль матери гипертрофируется. Ее влияние на психическое развитие ребенка становится непомерно большим, ребенок не видит другого варианта поведения, у него нет выбора приобщения.

Известно, что дети, лишившиеся одного или обоих родителей в результате распада семьи, медленнее развиваются, чаще болеют соматическими и психическими заболеваниями.

Считается, что дети разведенных родителей находятся в более благоприятной социально-психологической ситуации, чем дети матерей-одиночек или дети из тех семей, где умер один из родителей.

Хотя и в этом случае все определяется тем, когда произошел развод и сколько было при этом лет ребенку, а также тем, продолжают ли отец или мать участвовать в воспитании ребенка.

Дети из разведенных семей чаще оказываются нелюдимыми, боязливыми, они агрессивны и склонны к ссорам, неаккуратны и недисциплинированы, склонны «витать в облаках» и плохо учатся, они часто испытывают недоверие и страх по отношению к окружающим, поскольку у них нет психологической поддержки со стороны отца. Отмечаемая исследователями (Doherty W.J., 1993) склонность этих детей к дракам может быть компенсацией чувства неполноценности, а недисциплинированность выступает следствием потери авторитета, т.к. ребенок чаще всего остается с матерью после ухода отца из семьи.

Однако большинство исследователей проблем развода (Гурко Т.А., 2000; Дружинин В.Н., 2006; ОоБеггуШ., 1993) отмечают, что решающим является не факт юридического развода, а отчуждение родителей в семье друг от друга — аффективный развод, конфликты, ссоры родителей, взаимные оскорбления и попытки привлечь ребенка на свою сторону. Психологические исследования убедительно показали, что семьи, где сохраняются лишь формальные, юридические атрибуты брака, так же влияют на психику ребенка, как и условия в семье, где произошел юридический развод (Дружинин В.Н., 2006).

Более того, в случае аффективного развода ребенок оказывается в более неблагоприятной ситуации. Следствием являются побег детей из семьи, бродяжничество, правонарушения, неврозы, самоубийства. В семьях, где есть отец-алкоголик, психологическая ситуация, в которой оказывается ребенок, не отличается от семьи, где отца нет: воспитательной функции отец не выполняет, добавляются лишь скандалы, побои, экономические трудности. Но самой худшей ситуацией является семья, состоящая из матери-одиночки и ребенка, если он нежеланный. В этом случае, как отмечает В.Н. Дружинин, мать испытывает к такому ребенку двойственные чувства: с одной стороны, это ее ребенок и она — мать, с другой стороны, ребенок — помеха в ее жизни. Дети из таких семей хуже общаются

со сверстниками, хуже успевают, они чаще имеют низкий статус в группе, не умеют преодолевать стрессовые ситуации.

Таким образом, по мнению И. Лангмейера и З. Матейчека (Лангмейер Й., Матейчек З., 1984), изучавших проблему психической депривации, отсутствие отца («патернальная депривация») является в такой же мере сложным по своим последствиям и влиянию на развитие невротизма и других отклонений в психическом и особенно социальном развитии ребенка феноменом, как и внешне не более трагичное отсутствие матери.

Это касается многих детей, живущих со своими незамужними или по иным причинам одинокими матерями. Если нет ни вспомогательного, ни уравновешивающего влияния отца, то естественно, что значение личности матери становится намного большим, чем при нормальных обстоятельствах. А т.к. именно в случае одиноких матерей можно с достаточной степенью достоверности предположить большее участие недостаточно уравновешенных личностей в воспитании ребенка, следует предполагать также угрозу повышенной опасности из-за скопления неблагоприятных факторов. Мать сильно зависит от ребенка, который заменяет для нее всех других, кто мог бы удовлетворять ее эмоциональную привязанность, таким образом, возникают условия для формирования невротического симбиоза матери и ребенка. По мере взросления ребенка отсутствие отца становится еще более заметным. Мальчик лишается образца мужского поведения, которое должен воспроизводить, а девочка не имеет перед собой образа представителя противоположного пола, поэтому ее контакты с мужчинами будут затруднены: она просто не будет знать, какого поведения можно ожидать от мужчины.

К этому следует добавить еще несколько важных обстоятельств: как показывает обычный опыт и как это было также доказано социологическими исследованиями, функции отца в семье претерпевают сравнительно быстрые и серьезные изменения. В современном обществе - правда, неравномерно во всех слоях населения, однако все же заметно - отцы значительно больше, чем ранее, принимают участие в уходе за грудными детьми и их воспитании, причем часто возникает сотрудничество между мужчиной и женщиной, что было несвойственно предыдущим поколениям. На фоне данной тенденции отсутствие отца проявляется более тяжело, чем в прошлом, когда забота о ребенке целиком сосредоточивалась на матери. Речь идет не только о физическом труде и времени, которое затрачивается (в данном отношении помощь ныне оказывает современная техника), но, прежде всего, о психической нагрузке, если одинокая мать сравнивает свое рабочее положение с положением других женщин. Помощь, предоставляемая в данном отношении совместными интернатами для одиноких матерей с детьми, также не является вполне совершенной. Во-первых, здесь продолжает отсутствовать мужской элемент в воспитании, а во-вторых, взаимопомощь матерей в домашних работах и в воспитании приводит к ситуации «разделяющейся материнской

заботы» со всеми трудностями и неясностями.

Еще одним важным моментом является отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении, т.к. профессия отца представляет обычно реальную и символическую базу экономического обеспечения семьи, а ее основательность является порукой уверенности. В то время как мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, отец проторяет ребенку путь и отношение к человеческому обществу. У матери-одиночки, загруженной экономическими заботами, не остается времени на то, чтобы общаться с ребенком, она теряет первоначальный интерес к ребенку, возникает отчуждение матери и ребенка, приходящие на смену первичному симбиозу. По словам М.О. Шварца, мать нас приводит к человеку, а отец — к людям (Лангмейер И., Матейчек З., 1984). Иным образом это выражает А. Гремс (Grams A., 1970): «Материнская забота обеспечивает возможность принятия, отцовская же забота побуждает к отдаче. И то, и другое необходимо для развития личности, и то, и другое должно здесь присутствовать, если мы хотим когда-нибудь приблизиться к границе человеческих возможностей». Кроме того, отец представляет для детей наиболее естественный источник познаний о мире, труде, технике, способствуя как их ориентировке на будущую профессию, так и созданию социально полезных целей и идеалов.

Если место отца занимает в семье отчим, а иногда дедушка, депривационные влияния подавляются, зато здесь более благоприятная почва для развития различных конфликтов, причем невротические расстройства, возникающие на данной основе, являются, по мнению И. Лангмейера и З. Матейчека, весьма частыми.

Между тем исследования детей, растущих без отца (Cherlin A.J., 1992; Furstenberg F.S., Cherlin A.J., 1991; Horst P., 1999; Vogt G.M.; Serridge S.T., 1993), показали, что такие дети менее успешны в решении конфликтных ситуаций, в решении когнитивных задач, мальчики имеют определенные сложности с половой идентификацией, вызванные сложностью разграничения тендерных ролей. Изучение репрезентативной выборки взрослых из крупных городов США показало, что люди, выросшие в полных семьях, чаще получают высшее образование, более независимы и ведут более здоровый образ жизни (Nord C.W., Brimhail D.A., West J., 1997).

Ребенок, растущий без отца, лишен таким образом важного мужского примера, который особенно значителен для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения, но важен также и для девочек в качестве модели их будущего партнера. Ребенок без отца страдает также, как правило, от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, которые в нормальных условиях олицетворяются отцом.

Кроме того, ребенок, растущий главным образом без отцовского авторитета, бывает часто недисциплинированным, несоциальным, агрессивным в отношении

взрослых и детей. В обследовании, проведенном И. Лангмейером и З. Матейчком, 163 мальчиков из детских учреждений с повышенной воспитательной заботой в среднечешской области за 1960-1961 гг., было установлено, что 41% из них росли без отца (Лангмейер И., Матейчек З., 1984).

Если отца нет, то это имеет еще другое косвенное депривационное влияние. Дело в том, что если матери одной приходится нести все экономические и воспитательные заботы о семье, то она, как правило, бывает настолько занятой, что у нее не остается для ребенка времени и у нее ослабевает даже интерес к нему. Ребенок в таком случае предоставлен сам себе большую часть дня, может начать бродяжничать, у него больше возможностей для правонарушения. Помимо физического отсутствия, значительным фактором в развитии ребенка по направлению к асоциальности может явиться также несоответствующая роль, которую играет отец в семейном сообществе.

Отец предоставляет модель мужественности ребенку, особенно мальчику. П.П. Блонский полагал, что без такой модели демонстрировать «мужское поведение» достаточно сложно, ведь, начиная с детского сада, где все воспитатели - женщины, потом в школе и вузе, мальчик (юноша) встречает модель женского поведения в десятки раз чаще, чем мужского. Если у него нет примера такого поведения перед глазами, для того чтобы выстроить собственное поведение, он либо берет за образец поведение женщины — матери, бабушки, учительницы - и вырастает мягким и чувствительным, что считается «немужественным». Или считает, что поведение мужчины противоположно поведению женщины: если женщина выполняет социальные нормы, вежлива, внимательна, избегает вредных привычек, то мужчина должен поступать наоборот. Такое понимание «мужского поведения» может привести к злоупотреблению алкоголем и наркотиками, и даже к правонарушениям. В.Н. Дружинин (Дружинин В.Н., 2006) отмечает, что полоролевая социализация мальчиков более сложная, чем социализация девочек, социальных требований к мужчине в два раза больше, чем женщине, следовательно, стандарты мужского поведения значительно жестче стандартов поведения женского. То есть значимость образца мужского поведения — будь то отец, дедушка или тренер спортивной секции — неоспорима.

Статистические данные США (U.S. Bureau of the Census 1994, 1995, 1996) подтверждают, что проблема безотцовщины все возрастает и среди молодого поколения эта проблема стоит острее, чем раньше. Безотцовщина больше всего связана с рождением детей вне брака и с разводами. Эти причины ведут к физическому отсутствию отца в семье. До 39% детей младше 18 лет живут отдельно от своих отцов. Влияние разведенных отцов на своих детей невелико. Исследование 1991 г. показало, что половина детей после развода родителей за последний год ни разу не встречались со своими отцами, каждый пятый не виделся с отцом уже пять лет. Ф. Фестенберг обнаружил, что более половины детей, чьи родители развелись, никогда не бывали в доме отца. Отцы могут отсутствовать, если

находятся в местах лишения свободы. Бывает и так, что отцы живут с семьей, но эмоционально и физически отсутствуют. В полной семье 25% детей напрямую взаимодействуют со своими отцами хотя бы час в день. Остальные проводят со своими отцами менее 30 минут в день. Почти 20% старшеклассников не разговаривают со своими родителями больше 10 минут подряд уже в течение месяца (Батъ М.Е., Беупейескег В., 8спо1тепсп А., 1998). Это не может не сказаться на их развитии.

Множество качественных исследований констатировало, что матери и бабушки часто препятствуют присутствию отца в жизни ребенка, и что современная практика социальных институтов создает барьеры в этом, особенно для молодых отцов (Кон И.С., 1989). Многие из этих отцов прекращают участвовать в жизни ребенка, и многие, кто пробует остаться вовлеченными в жизнь своего ребенка, сталкиваются с сильным социальным противодействием.

Между тем существование сильного отрицательного влияния внебрачного отцовства на отношения отца и ребенка доказано многочисленными исследованиями. В случае, когда родители неженаты, но сожительствуют, отцы намного больше присутствуют в жизни своих детей. Однако исследования указывают, что сожительствующие пары имеют высокий процент разрыва, и те, кто впоследствии женятся, имеют более высокие проценты разводов (Vumpass L.L., Sweet J.A., Cherlin A., 1991).

Отрицательное влияние развода на качество отношений отца и ребенка также весьма сильное. Большая часть исследования вовлеченности отцов в жизнь их детей после развода сосредоточилась на выявлении ее влияния на состояние ребенка. Множество ученых обнаружили, что, хотя, в принципе, контакт с обоими родителями желателен, польза вовлеченности отца для ребенка может быть уменьшена, если существует существенный конфликт между родителями. Таким образом, когда между родителями серьезный конфликт, частые контакты с отцом могут создать дополнительное напряжение для ребенка, которое нивелирует преимущества более частых встреч с отцом.

Вообще, в то время как более частые контакты с нерезидентным отцом коррелировали с лучшими показателями здоровья, судебные соглашения по посещениям были важным фактором уменьшения этих показателей.

В целом, по мнению Doherty (Doherty W.J., 1993), существует множество барьеров для присутствия отца в жизни ребенка, если он не живет с ним в одной семье. Однако один только статус живущего в семье отца, конечно, не может изменить ситуацию. Хотя существует недостаток исследований в этой области, по данным американских исследователей, матери, не живущие со своими детьми, более включены в жизнь своих детей. Например, больше таких матерей, чем отцов, живут в том же городе, что и их дети, и имеют больше контактов с детьми, чем отцы в подобной ситуации (Amato, Rezac, 1994).

Таким образом, для того, чтобы ответственное, включенное отцовство стало

возможным массово, необходимы некоторые изменения общественного мнения, а также условия социально-политического характера, которые возможны только при сформированном представлении о незаменимости отцовской роли, важности отцовства для развития самого мужчины в общественном сознании, которое может быть обеспечено только своевременными и достоверными научными исследованиями феномена отцовства и его влияния на развитие личности.

ГЛАВА 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ОТЦУ И СЕМЬЕ

4.1. Проблема психологической помощи отцу и ребенку

Экспериментальные исследования семьи и семейных взаимодействий с ребенком (во время беременности, матери с детьми, лонгитюдное исследование женщин с начала беременности до второго полугодия жизни ребенка, матерей с детьми и отказниц, с детьми разного возраста) чаще всего ориентированы на изучение динамики изменения основных показателей содержания материнской сферы. Сам тип взаимодействия и начальная ценность ребенка изучаются в основном относительно матери как формирующиеся в онтогенезе на всех предыдущих этапах развития личности матери и во время беременности, а также после рождения ребенка. Считается, что связь этих содержаний с личностными особенностями матери и содержанием ее социально-комфортной сферы обуславливает ситуативное развитие ценности ребенка. Психологические особенности формирования бондинга по отношению к ребенку у мужчины почти не изучены экспериментально как в нашей стране, так и за рубежом. Понятие «психологическая помощь отцу (семье) и ребенку» не встречается в литературе.

Вспомним, что в содержание понятия «психологическая помощь» включается обеспечение эмоциональной, смысловой и экзистенциальной поддержки семье и ее отдельным членам (Олифинович Н.И. и др., 2005).

Выделяются следующие функции психолога в рамках психологической помощи семье: поддерживающая функция (психологическая поддержка, которая отсутствует или приняла искаженные формы в реальных семейных отношениях); посредническая функция (психолог выполняет функцию посредника, содействующего восстановлению нарушенных связей семьи с миром); обучающая (способствующая развитию навыков общения, приемов саморегуляции, самопознания); развивающая (помощь членам семьи в развитии основных социальных умений и навыков, например, навыки внимательного слушания, умение оказывать поддержку и решать конфликтные ситуации, умение выражать свои чувства и понимать чувства других людей); информационная (включает в себя изложение (например, лекционное или в рамках беседы) информации о психическом здоровье и нездоровье, норме развития и ее вариантах).

Виды психологической помощи семье можно классифицировать следующим образом:

1) информирование (предоставление информации об особенностях функционирования семьи на разных этапах развития, о задачах, стоящих перед семьей в кризисные периоды, о возрастно-психологических особенностях развития личности);

2) индивидуальное психологическое консультирование, т.к. работа с одним из членов семьи, по мнению М. Боуэна, может привести к изменениям всей системы внутрисемейных отношений;

3) консультирование (психотерапия) супружеской пары;

4) групповая тренинговая работа (психотерапия) супружеских пар (участвуют несколько семейных пар);

5) семейное консультирование (работа с нуклеарной семьей);

6) групповое семейное консультирование (психотерапия).

Одним из вариантов работы с семьей может быть командная работа специалистов (2-4 человека). По мнению Н.И. Олифирова и коллег, работа в команде позволяет избежать ряда «ловушек», связанных со спецификой работы с семейной системой, например, соблазна присоединиться и образовать коалицию с одним из членов семьи. Они выделяют несколько способов работы в команде: 1) с семьей взаимодействует вся команда; 2) с семьей работает один член команды, остальные по типу супервизорства, не включаясь в непосредственное взаимодействие с семьей, наблюдают за процессом и дают психологу обратную связь после работы либо после завершения работы они обсуждают возникшие у них предположения в присутствии членов семьи. Все эти виды работ могут быть использованы в работе с семьей, отцом и ребенком.

На основе изучения онтогенеза и динамики преобразования всех компонентов комплекса отцовства выявилось, что базовыми содержаниями ценности ребенка, как и для материнства, являются эмоциональная ценность и замена ценности ребенка на ценности «социально-комфортной» сферы (Филиппова Г.Г., 2002).

Если для женщины динамика стиля переживания беременности отражает взаимодействие ценности ребенка с другими значимыми для женщины ценностями и является прогностическим для выявления особенностей материнского отношения и динамики ценности ребенка после родов, то нечто подобное характерно и для мужчин, хоть и не столь явно. Отношения мужчины — будущего отца с беременной женщиной, особенно во второй половине беременности, запускают особые переживания, перестройку ценностей, апеллируя к детским переживаниям мужчины, отношениям с собственными матерью и отцом. Как показывает наше исследование, переживание беременности жены (партнерши) мужчиной во многом зависит от поведения и отношений с женщиной. Согласно мнению В.И. Брутмана, А.Я. Варга, М.С. Радионовой, Г.Г. Филипповой, И.Ю. Хамитовой, изучавших психологические состояния женщин во время вынашивания ребенка, в беременности есть собственная динамика обострения и ослабления имеющихся у женщин проблем. Например, в первом триместре у женщин актуализируются и остро переживаются проблемы с

собственной матерью и другими объектами привязанности, проблемы отношений с мужем. Для мужчины - это период рационального принятия факта беременности и актуализации множественных социальных проблем: материальных, проблем принятия ответственности и др. Во втором и третьем триместрах у женщин появляется выраженное избегание отрицательных эмоций, проблемы первого триместра ослабляются, актуальным становятся страх перед родами и своей некомпетентностью в послеродовой период, появляется «синдром обустройства гнезда», который проявляется в повышении активности, стремлении упорядочить имеющиеся проблемы. В это время направление активности на подготовку к родам и послеродовой период свидетельствует о благоприятной динамике течения беременности; тогда как активность, не связанная с ребенком, - неблагоприятный показатель. Для мужчины это период первичного осознания факта существования и скорого рождения ребенка. Большинство исследователей полагают, что появление физического свидетельства беременности — увеличение живота - приводит к новому эмоциональному переживанию, иррациональному пониманию существования будущего ребенка. Однако, несмотря на то, что поведение мужчины в этот период может быть весьма диагностичным, четкого определения влияния типов отношения мужчины к беременности жены на последующие отношения с ребенком на настоящий момент не выявлено. Известны наиболее общие закономерности: отрицательное, враждебное отношение к будущему ребенку коррелирует с несформированностью ценностно-смысловой сферы личности, различными сложностями в родительской семье, серьезными материальными проблемами. Однако Г. Дик-Рид (Дик-Рид Г., 1997) полагает, что отношение мужа к беременной женщине в этот период, как правило, меняется: усиливается любовь и желание заботиться. Л.Л. Баз и Т.А. Баландина полагают, что гордость и переживание собственной причастности мужчины при появлении физических признаков беременности являются показателем появления ценности ребенка в структуре ценностно-смыслового блока отцовства.

У женщин к концу беременности чаще всего ослабляется страх родов, своей некомпетентности, снижается напряжение всех остальных проблем. Тогда как противоположная ситуация отражает выраженную неблагоприятную динамику переживания беременности и ценности ребенка. В этот период принимается решение об участии отца в родах.

Особенности проявления отцовства являются относительно устойчивыми, однако могут варьировать относительно каждого конкретного ребенка. Многое зависит от возраста мужчины в момент рождения ребенка, и зачастую от пола ребенка, особенно в семьях с патриархальными традициями.

Проблема принятия ребенка, восприятия его как продолжения себя, особенно в период беременности, подготовляющий последующие отношения с ребенком, и в первый год жизни ребенка, актуальна для мужчин в силу гораздо меньшей, чем у женщин, выраженности «гештальта младенчества», который запускает эмоциональные, смысловые и другие реакции, облегчающие формирование

привязанности матери во время первичного взаимодействия с ребенком. И именно этим осложнена любая психологическая работа с отцом и ребенком.

Таким образом, в рамках работы с отцовством, по мнению Во-пеглу, сложность составления программ психологического сопровождения семьи, с одной стороны, обусловлена тем, что широкое распространение таких программ невозможно без соответствующих политических программ по улучшению демографической ситуации, а с другой — основной акцент в этих программах должен быть поставлен на то, чтобы отражать множественные области отцовства, различные бытовые и брачные обстоятельства отцов, и множество личных отношений и экологических факторов, которые влияют на то, каким отцом является мужчина. Такая программа должна:

- вовлекать матерей, особенно для не состоящих в браке отцов;
- пропагандировать совместное родительство внутри и вне брака;
- обратить внимание на критические периоды в семейной жизни, например, на рождение ребенка и развод родителей;
- обеспечить возможность отцов учиться у других отцов;
- пропагандировать жизнеспособность браков, построенных на совместной заботе, преданности и взаимодействии.

4.2. Содержание психологического консультирования. Проблема диагностики и коррекции проблем отцовства

Проблемы отцовства могут решаться в рамках общей семейной и индивидуальной консультационной и психотерапевтической работы. Может применяться психоаналитический подход к консультированию и терапии, ориентированный на проработку личностных проблем, а также клиентоцентрированная и семейная терапия и консультирование.

В зарубежной традиции нередко используются комплексные методы оказания помощи, включающие услуги врачей, психологов, психиатров, педиатров и т.д. Часто применяется групповая работа, причем существуют специальные группы отцов, которые делятся своим опытом, что также стимулирует родителей к поискам дополнительных форм решения своих проблем.

В нашей стране участие отцов в работе с семьей ограничивается либо рамками семейной терапии, либо курсами по подготовке к совместным родам, которые посещают далеко не все. Различная помощь для родителей с детьми раннего возраста оказывается психологами детских дошкольных учреждений или в специализированных центрах, иногда — в психологических консультациях. В основном в такой работе задействованы матери. Но консультирование для матерей с младенцами, новорожденными, также как и в пренатальный период, практически не проводится.

При оказании такого рода психологической помощи семье хорошо разработаны и широко используются методы диагностики развития ребенка, его

эмоционального благополучия, диагностика родительского отношения и взаимодействия матери с ребенком. Этот род психологической практики традиционно ориентирован на проблемы ребенка. Мать и ее психологические проблемы рассматриваются с позиций оптимизации условий развития ребенка, отец и его отношение изучается крайне редко. Чаще всего это детско-родительское или семейное консультирование, которое проводят специалисты в области психического развития ребенка. Нередко в этих случаях открывающиеся проблемы семьи побуждают мать обращаться к другим специалистам.

Таким образом, в настоящее время работы с отцовством психологическими службами почти не ведется. Следовательно, все проблемы взаимодействия отца и ребенка игнорируются психологическими службами, также, как и государственным, политическим и общественным мнением.

Наиболее приемлемым представляется организация комплексной психологической помощи в местных центрах, связанных с медицинскими (женскими консультациями, родильными домами, детскими поликлиниками) и детскими дошкольными учреждениями, возможно, и образовательными учреждениями с участием обоих родителей. Возможно также включение элементов просвещения и пропаганды ценности отцовства в воспитательный процесс в образовательных программах для учащихся средних учебных заведений.

Однако в настоящее время речь может идти только о перспективах организации подобной психологической службы. Содержанием такого психологического консультирования могут быть: диагностика индивидуальных особенностей материнской и отцовской сфер; психологическая помощь в планировании семьи, беременности и взаимодействии отца и матери с ребенком; диагностика родительской компетентности; помощь в решении семейных психологических проблем; подготовка родителей к родам; организация групповых занятий в беременности и для родителей, и для детей; индивидуальное консультирование; работа специалистов-психологов и врачей с семьей в кризисные периоды, например, сразу после рождения ребенка, в период рождения второго ребенка.

Индивидуальное и семейное консультирование по проблемам родительства хорошо сочетается с групповой работой (подготовка к родам, школа для родителей и т.п.). Психологическая помощь в этом случае включает в себя не только консультирование, психотерапию, но и коррекционные мероприятия, специфика которых зависит от особенностей каждого конкретного случая.

В работе с отцом или семьей в целом целесообразно использовать следующие диагностические методы: клиническая беседа в форме полуструктурированного или структурированного интервью; генограмма с проработкой родительских отношений в нескольких поколениях (Шерман Р., Фредман Н., 1997); анкетирование для уточнения формальных данных и оптимизации сбора информации (например, анкеты представленные в приложении); определение особенностей самооценки

себя как отца с помощью опросника «Личностный дифференциал», с помощью модифицированного метода Дембо—Рубинштейн, включающего набор из пяти шкал (качеств идеального отца или матери) для оценки себя (Евсеенкова Ю.В., Суханова К.Н., 2002); методика диагностики межличностных отношений (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири); тест смысло-жизненных ориентации (СЖО) ДА. Леонтьева; методика «Мое письмо супруге» С.А. Белорусова; сочинение о своем ребенке (или модификация «Письмо своему ребенку»), как для матери, так и для отца, с использованием контент-анализа; методика PARI; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса; диагностика уровня тревожности (Спилберга Ч.Д. - Ханина Ю.Л., Люшер и др.); диагностика уровня агрессии (Розенцвейг); различные проективные рисуночные тесты: «Кинетический рисунок семьи», «Я и мой ребенок», «Я — ребенок и моя мама» (Г.Г. Филиппова) и другие в зависимости от ситуации; проективные методики: тест «Фигуры», «Психометрический тест», тест «Эпитеты» (В.И. Брутман, Г.Г. Филиппова, И.Ю. Хамитова) и др.

По результатам диагностики и предварительной беседы определяются содержание и формы психологического воздействия, которые зависят от возраста ребенка, особенностей развития ребенка и выявленных особенностей семейных взаимоотношений. Однако опыт показывает, что в современных условиях обращаются к специалисту в подавляющем большинстве матери, и в рамках работы с проблемами материнства выявляется необходимость работы с отцом. Ввиду множественных социальных и личностных барьеров, таких, как стеснение, неумение выразить свои эмоции, большая занятость мужчины, особенно в период младенчества ребенка, меньшая представленность осознаваемых ценностей отцовства в общественном мнении, важнейшей задачей психологов, работающих с семьей и материнством, становится привлечение мужчин к процессу продуктивного взаимодействия в семье, в том числе и в рамках психокоррекционной и психотерапевтической работы.

4.3. Организация и методы тренинговой работы с отцами

Литературные данные свидетельствуют о наличии большого количества разнообразных исследований материнства, включая описания разработок тренинговых программ, основанных на корректирующем влиянии тренинговых занятий на психическое состояние человека, его самовосприятие, восприятие жизненной ситуации в целом, и направленных на помощь матери в различных ситуациях, в том числе и на работу по принятию материнской роли в период беременности. Однако целенаправленная работа по изучению психологических последствий тренинговых занятий отцовства не проводилась и оценка их результативности редко подтверждалась конкретными данными. Ориентация проводимых нами групповых занятий на решение этих задач определена зарубежным и отечественным (преимущественно эмпирическим) опытом работы.

Опыт исследовательской и практической работы позволяет предположить, что в результате подобных занятий оптимизируется психическое состояние клиента, повышается его самооценка и самопринятие. Этот комплекс личностных изменений, влияющий в итоге на решение различных семейных проблем, предположительно можно считать подтверждением результативности групповых занятий как формы психологической поддержки человека. Однако, учитывая широкое распространение тренинговой работы, необходимо изучение динамики индивидуально-психологических качеств под воздействием тренинговых занятий и получение более точной исследовательской оценки их результативности.

Разработанная нами и постепенно модифицируемая система тренинговой работы повышения продуктивности отцовства, общее описание которой здесь представлено, состоит из нескольких стандартных блоков: первый блок - «разогрев», второй блок - формирование доверительных отношений, третий блок - лекционный, четвертый - практический, пятый блок - релаксационный. Занятия проводились в рамках групп встреч и включали 10-11 встреч в течение двух месяцев. В группу набирались мужчины, имеющие одного или более ребенка, по 15 человек в каждую группу. Всего было проведено три группы.

В данной работе психологическая поддержка рассматривается как заданное воздействие на клиента в целях изменения его психического состояния для облегчения процесса принятия роли отца, взаимодействия с ребенком, обеспечения повышения продуктивности отцовства. Реализация данного воздействия может быть осуществлена на нескольких уровнях:

- когнитивном — как повышение самооценки, коррекция представлений человека о самом себе;
- мотивационном — как повышение активности человека, актуализация потребности в самопознании и саморазвитии;
- эмоциональном — как изменение текущего состояния клиента и формирование умений саморегуляции;
- поведенческом - как формирование эффективных умений и навыков для повышения эффективности операциональной сферы отцовства.

Второй и третий уровни могут быть объединены под общим названием «саморегулятивный уровень», однако разделение их на два отдельных блока позволяет конкретизировать направленность упражнения.

В соответствии с таким подходом основными задачами данной тренинговой работы являются:

- снятие эмоционального напряжения для обеспечения эффективности взаимодействия с ребенком; актуализация эмоционального отношения к ребенку;
- информирование отцов о возможных способах взаимодействия с ребенком;
- информирование отцов о влиянии отца на развитие ребенка и возможных последствиях нарушений отношений в диаде отец-ребенок;
- обучение умениям и навыкам эффективного поведения.

Таким образом, в работе с отцами необходимы мероприятия, направленные на оптимизацию их состояния, повышение активности и ответственности.

Во избежание упущения какого-либо аспекта отцовства в качестве основной концепции тренинговой программы была принята разработанная нами модель феномена отцовства. Согласно нашей модели, в структуру отцовства входят следующие компоненты: потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный, как осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; и ценностно-смысловой, как отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент — оценочный, в который входят: 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя как отца и своего ребенка;

2) социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, т.к. через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, т.к. пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры.

В соответствии с этим теоретическая и практическая части были выстроены таким образом, чтобы в процессе работы были затронуты каждый из блоков.

Кроме того, для реализации поставленных целей были использованы упражнения на актуализацию имеющихся у человека ресурсов развития, включая:

- личностные ресурсы как актуализацию особенностей восприятия;
- семейные ресурсы, а именно, отношения с людьми, на которых данный человек может опереться; в данном случае это могли быть жена и родители;
- социальные ресурсы - ресурсы, предоставляемые социальной средой конкретного человека;
- культуральные - культурно закрепленные способы поведения или модели восприятия и оценки поведения.

Все эти ресурсы так или иначе задействуются при обращении к такому значимому аспекту жизни мужчины, находящегося в возрасте взрослости, как отцовство. Таким образом, при работе с любым из блоков отцовства мы обращались к перечисленным выше ресурсам развития человека, что позволяло использовать при работе собственный опыт мужчины, а также его представления об обсуждаемом явлении.

Таким образом, главными задачами тренинга являются обеспечение отцов информацией, обучение навыкам взаимодействия с ребенком и оказание помощи в практическом применении полученных навыков в целях оптимизации этого

взаимодействия.

Тренинговая программа включает теоретическую и практическую части. В теоретическом курсе излагаются постулаты детской, семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, о специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семьи, а также данные акмеологии

о развитии личности в период взрослости, кроме того - о способах взаимодействия с ребенком, а также данные о конкретной деятельности, например, о способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с ребенком других отцов. Материалы были подготовлены на основе анализа литературных источников, таких, как монографии и статьи по детской психологии, акмеологии и семейной психологии, материалы работ В. Фтенакиса (\Угпепа\из\МЕ., 1988), а также материалы сайта удтГаШегз.сот, который предлагает большое количество описаний конкретного опыта взаимодействия конкретных отцов со своими детьми, а также сайта американского центра репродуктивного здоровья МагсК ОШШгез.

Теоретический материал был представлен в лекционной форме, а также в форме дискуссий на заданную тему.

Собственно практическая часть включает в себя упражнения на принятие роли отца на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

В процессе занятий использовались разнообразные психологические приемы и методы работы: психотехнические игры и упражнения, методы «мозгового штурма», фокус-группы и направленной дискуссии, кроме того, элементы психодрамы, сказкотерапия, ролевые игры. Отрабатывались умения и навыки общения.

Содержание групповых занятий адекватно отражает основные психологические проблемы, возникающие в процессе взаимодействия с ребенком. Они направлены на формирование психических состояний и развитие личностных качеств, обеспечивающих возможность оптимизации действий человека в данной жизненной ситуации (повышение эмоциональной устойчивости и уверенности в себе, информированности, повышение степени экстравертированности, формирование практичности и реалистического представления о жизни и самом себе).

Содержание занятий кратко представлено в табл. 11.

Эффективность данного тренинга подтверждается проведенной нами работой и соответствующим исследованием.

Однако психологическая работа с семьей и отцовством не ограничивается только групповой и консультативной работой и требует дальнейшей разработки психокоррекционных методик, методов практической, психотерапевтической работы с семьей и отцовством как важнейшим компонентом гармоничности семейной системы.

Содержание занятий тренинга

	Тема	Лекция	Ключевые упражнения*
1	Роль отца и матери в развитии ребенка	История детства. Исторические модели семьи.	Обсуждение целей, мозговой штурм «Функции отца и матери», дискуссия «Аборт».
2	Специфика их функций	Подробная история отцовства. Понятие «новый, отец».	Дискуссия «Жестокое обращение с детьми», общение в паре, ролевые игры.
3	Социальные стереотипы отцовства	Отцовство как этап социализации мужчины.	Дискуссия, ролевые игры.
4	Отец в современной семье	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. I).	Дискуссия «Ребенок в разводе», ролевые игры.
5	Деструктивное отцовство	Проблемы детей, растущих без отца, детей, переживших насилие.	Дискуссия, ролевые игры, сказкотерапия.
6	Отец как воспитатель	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. II).	«Выращивание цветка», «Запеленатые», письмо ребенку через 10 лет, сказкотерапия.
7	Взаимодействие с собственным отцом	Этапы жизни семьи. Период взрослости.	Дискуссия «Яблоко от яблони...», «Кто Я (10 эпитетов)», «Любимая фраза моих родителей», «Незаконченные предложения», «Портрет семьи».
8	Взаимодействие с ребенком	Опыт взаимодействия с ребенком до рождения.	Дискуссия «Рождение моего ребенка», ролевые игры.
9	Молодая семья	Новорожденность. Младенчество. Дошкольный возраст.	Дискуссия «Мои советы», ролевые игры «Ребенок в кроватке».

10	Конфликтные ситуации между поколениями	Подростковый возраст. Отец для девочки. Отец для мальчика.	Дискуссия-суд «Секс и молодежь: взгляд с противоположных сторон», проигрывание конфликтной ситуации в дисфункциональной семье, обмен опытом решения конфликтных ситуаций.
11	Отец как транслятор культуры	Основные задачи периода взрослости (ч. II) Взрослые дети и их родители. Межпоколенная коммуникация в семье.	Дискуссия, сказкотерапия — анализ образа отца и матери в сказках и мифах, ролевые игры.

Примечание. * Упражнения блоков «Разогрев», «Формирования доверительных отношений», «Релаксация», а также обсуждение проведенных упражнений и рефлексия не описываются.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в работе теоретические и практические данные свидетельствуют о существовании насущной необходимости дальнейшего исследования отцовства и его функций в современном обществе. Нами рассмотрена только часть аспектов данной проблемы. В рамках изучения отцовства обнаружены многочисленные, в том числе и противоречивые, социальные и индивидуально-личностные, факты и особенности исследуемого феномена. Представляется целесообразным дальнейшая разработка вопросов и проблем как теоретического (изучение механизмов ассимиляции и интернализации отцовских функций, механизмов социального регулирования отцовства и т.д.), так и прикладного характера (применение полученных результатов для подготовки и повышения квалификации практических психологов, оказывающих психологическую помощь семье; при разработке коррекционных программ, в том числе и для детей, растущих без отца), решение которых возможно только в масштабном, возможно, лонгитюдном (в двух и более поколениях) или кросскультурном исследовании, которое позволило бы своевременно прогнозировать и находить пути решения различных сложностей взаимодействия отца и ребенка, а также выявить и исследовать важнейшие детерминанты феномена отцовства.

Большинство современных культурных споров о родительстве сосредоточилось на том, что матери должны делать вне семьи, а отцы — внутри семьи. Какую роль отцы должны играть в повседневной жизни своих детей, кроме традиционной роли кормильца? Насколько они должны подражать традиционно ласковому поведению матерей и насколько они должны представить мужской сексуальный образец для подражания своим детям? Некоторая размытость современных норм относительно отцовства может приводить и к конфликтам между

родителями. Известно, что некоторые отцы, принимавшие участие в родах своего ребенка, затем привязываются к нему, выполняя, по существу, материнскую функцию, оставляя при этом отцовские функции не реализованными. Конечно, такое положение дел приводит к недоразумениям и непониманию со стороны матери. В этой связи показателен такой пример: в США недавнее повышение интереса к отцовству привело к выступлениям и заявлениям сторонников прав женщин и матерей о том, что акцент на роли отца в семье может поддерживать

давнишнее предубеждение против семей матерей-одиночек, что работа с отцами будет идти за счет работы с матерями-одиночками, и что проотцовские разговоры будут использованы сторонниками права «отцов» для того, чтобы бросить вызов практике назначения пособия на ребенка в пользу мам и правилам посещения отцами ребенка после развода.

С другой стороны, даже феминистски настроенные психологи недавно привели доводы в пользу большего акцента на отцовстве (вовлеченном отцовстве), что поможет отцам и принесет пользу женщинам, так же, как и детям. По существу, только экологически восприимчивый подход к воспитанию, который рассматривает благосостояние отцов, матерей и детей как взаимосвязанное и взаимозависимое, может избежать циничного подхода к воспитанию, при котором увеличение роли отца понимается как уменьшение роли матери.

Эти общественные споры служат фоном для исследований по психологии и социологии отцовства, потому что исследователи неизбежно попадают под влиянием культурного контекста, в рамках которого они работают. В этом смысле неудивительно, что большинство исследований сравнивало уровни вовлеченности отцов в жизнь детей с вовлеченностью матерей, и после этого материнские функции стали точкой отсчета для формирования норм отцовства, что не совсем верно, т.к. отцы исторически никогда не занимались деятельностью, по которой в таком подходе оценивается отцовство.

Показательно, что интерес академического, профессионального, и публичного порядка к отцовству кристаллизовался тогда, когда устои традиционного отцовства - физически существующего отца, который служит единственным семейным кормильцем, быстро разрушались.

Использование рядом зарубежных специалистов термина «ответственное отцовство» отражает недавно появившуюся в научной среде тенденцию перехода от свободного языка в терминологии к более строгому подходу. «Ответственный» предполагает «должный», дает ряд желательных норм для того, чтобы оценить поведение отцов. Термин также передает моральную оценку, означающую, что некоторые отцы могут быть «безответственными» или «неответственными». Готовность использовать явно оценочный и моральный термин отражает изменение в социальном климате среди западных ученых и политиков, которые до недавнего времени традиционно считали, что психология, социальная политика и социальные программы должны

быть безоценочными. В конце двадцатого столетия стало более возможным мнение о неизбежности ценностных и моральных положений, являющихся частью психологии и социальных наук, и общество с большей готовностью принимает моральные оценки, что дает возможность открыто обсуждать их влияние на психологию и политику. Действительно, всегда существовало сильное, но не явное оценочное отношение в исследованиях отцовства, большей частью проводимого мужчинами и женщинами с интересами в пропагандировании более преданной и нежной вовлеченности мужчин в жизнь их детей. Точно так же всегда присутствовал моральный оттенок фокусирования на отсутствии отца, которым характеризовалась большая часть литературы по отсутствующему, «неплательщику» и эмоционально невовлеченному отцу. Эта нормативность, с одной стороны, сужает область исследования, а с другой — является показателем общественного внимания к данной проблеме.

Таким образом, несмотря на то, что существуют определенные объективные свидетельства уязвимости отцовства в неблагоприятных социальных условиях, спада отцовского авторитета и кризиса семьи, можно говорить о постепенном изменении общественного мнения относительно отцовства. Значительная социальная детерминированность отцовства в этом смысле позволяет делать оптимистичные прогнозы. Мы строим свое поведение на основе моделей общества, но мы и есть это общество. По существу, то, какую роль будет играть мужчина в жизни детей в будущем, каким будет «отец XXI века», зависит не только от сегодняшних 12—17-летних мальчишек, но и от тех отношений, которые они выстраивают с окружающими, от каждого из нас: окружающих, сверстников, родителей, педагогов, политиков, психологов, специалистов по социальной работе.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова Г.С. Возрастная психология. - М.: ИЦ «Академия», 1998. - 672 с.
- Авдеева Н.Н. Привязанность ребенка к матери и образ себя в раннем детстве // Вопросы психологии. - 1997. — № 4. — С. 13.
- Авдеева Н.Н., Мещерякова Н.Ю., Ражников В. Г. Психология вашего младенца: у истоков общения и творчества. - М.: АСТ, 1996.
- Аверин В.А. Психология личности. Уч. пособие. — СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999.-89 с.
- Айви А.Е., Айви М.Б., Саймэн-Даунинг Л. Психологическое консультирование и психотерапия. Методы, теории и техники. Практическое руководство. — М.: Психотерапевтический колледж, 2000. - 487 с.
- Акинщикова Г.И. Конституция человека и внешняя среда // Тезисы научных сообщений VI съезда общества психологов СССР. Ч. 1. — М., 1987. - С. 5.
- Александров В.В., Горский Н.Ю. Алгоритмы и программы структурного метода обработки

данных. — Л.: Наука, 1983. — 208 с.

Алексеева А.В. Трансформация семейных ролей мужчины и женщины в современном украинском обществе // Семейная психология и семейная терапия. - 2003. — № 4. — С. 25. Алешина Ю.Е. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. — 1987. — № 2.

Алешина Ю.Е. Индивидуальное и семейное консультирование. — М., 1999. — 208 с. Алферова Е.В. Изучение отношения мужчин среднего возраста к распределению ролей в семье // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 1. / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 33-35.

Ананьев Б. Г. Комплексное изучение связей между различными характеристиками человека//Человек и общество. Вып. 8. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. - С. 143-144.

Ананьев Б.Г. Психодиагностические методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов / Под ред. Б.Г. Ананьева. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. — С. 52.

Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 288 с. АнастасиА. Психологическое тестирование. В 2-х т. Т. 1. - М.: Педагогика, 1982. — 318 с. Андреев И.В. Социализация личности в период начала трудовой деятельности. Автореф. дис. канд. филос. наук. — М., 1971. — 32 с.

Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социс. - 2000. - № 9. - С. 88-95.

Аристотель. Метафизика. — М.: Мысль, 1976. — С. 5—370.

Аристотель. Первая аналитика. — М.: Мысль, 1978. - С. 117-254.

Архиреева Т.В. Влияние отношений с отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 64-74.

Баженова О.В. Диагностика психического развития детей первого года. - М.: Изд-во МГУ, 1988.

Басин Ф.В. О развитии взглядов на предмет психологии // Вопросы психологии. - 1971.-№4.-С. 101-103.

Батаршее А.В. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла. Практическое руководство. - М.: ТЦ «Сфера», 2002. — 96 с.

БатусееА.С. Физиология плода и детей. — М.: Просвещение, 1998.

БатусееА.С. Возникновение психики в дородовой период: краткий обзор современных исследований // Психологический журнал. - 2002. - Т. 21. - № 6. - С. 51-57.

Беличееа С.Л. Основы превентивной психологии. — М.: Ред.-изд. центр консорциума «Социальное здоровье России», 1994. - 221 с.

Беляева Т.Б. Изучение полового и возрастного аспекта в представлениях о ценности человека// Ежегодник РПОТ. Вып. 2. - М., 1995. - 178 с.

Беляева Т.Е., Сокол О.В. Стереотипы современного отцовства // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской

семьи». В 3-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. — М., 2005.-С. 123-133.

Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. - Л.: Наука, 1988. - 295 с.

Берн Э. Секс в человеческой любви. — М., 2000.

Бертин А. Воспитание в утробе матери, или Рассказ об упущенных возможностях. - СПб.: МНПО «Жизнь», 1992.

БлокД.Х. Влияние дифференцированной социализации на развитие личности мужчин и женщин // Практикум по социальной психологии. — СПб.: Питер, 2000. — С. 168-181.

БодалевА.А. Акмеология как учебная и научная дисциплина. — М.: РАУ, 1993.

БодалевАА. Общая психодиагностика. — СПб., 2000.

БодалевА.А., Обозов Н.Н., Сталин В.В. О службе семьи // Психологический журнал. - 1981.-№ 4.

БожовичЛ.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М.: Просвещение, 1968. - 464 с.

БожовичЛ.И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. — М., 1972. — С. 14.

БожовичЛ.И. Избранные психологические труды. — М.: Международная педагогическая академия, 1995.

Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. — М., 1996.

Борисенко Ю.В. Проблема социальной детерминации отцовства // Теория и практика в современных социальных и психологических исследованиях. Сборник научных статей по результатам Всероссийской конференции 10—11 ноября 2005г. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. - С. 178-180.

Борисенко Ю.В. Специфика факторов, влияющих на выполнение отцовских функций // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 170-176.

Борисенко Ю.В. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. - 2006. - № 3. - С. 122-130.

Боровиков В.П. Популярное введение в программу 51a11\$Ика. — М.: Компьютер-Пресс, 1998. - 267 с.

Боровиков В.П., Боровиков И.П. 51a11511ca — статистический анализ данных в среде \\чпдо\уз. Изд. 2-е. — М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. - 608 с.

Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание - конфликт! — Новосибирск: Наука, 1983.

Бочаров В.В. Антропология возраста. — М.: Прогресс, 1999. — 189 с.

Браверман Э.М., Мучник И.Б. Структурные методы обработки эмпирических данных. - М.: Наука, 1983. -464с.

Братусь Б.С., Мишина О.В. Закономерности развития деятельности и проблемы психолого-педагогического воздействия на личность // Вестник МГУ. Сер. 14. Психоло-

логия. - 1982. - № 1. - С. 12-19.

Браун Дж., Кристенсен Д. Теория и практика семейной психотерапии. — СПб.: Питер, 2001. - 352 с.

Брусиловский А.И. Жизнь до рождения. — М.: Знание, 1991.

Брутман В.И. и др. Раннее социальное сиротство. Уч.-метод. пособие. — М., 1994.

Брутман В.И., Родионова М.С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. - 1997. - № 6. - С. 38-47.

Бурлачук Л.Ф., Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб.:

Питер Ком, 1999. - 528 с.

Буртянский Д.Л., Кришталь В.В., Смирнов Г.В. Медицинская сексология. - Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.

Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи. - М.: Просвещение, 1988. - 207 с.

Бэндлер Р., Гриндлер Дж., Сатир В. Семейная терапия. — Воронеж, 1993.

Валлон Ф. Психическое развитие ребенка. — М.: Просвещение, 1967.

Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. — СПб.:

Речь, 2001. - 144 с.

Васильченко Г.С. Общая сексопатология. Руководство для врачей. — М.: Медицина, 1977.

Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребкиной. - Харьков-СПб., 2001.

Вейнингер О. Пол и характер: Принципиальное исследование. — М.: Терра, 1992.

Вершловский С.Г. Личность, семья, школа. Проблемы социализации учащихся. - СПб., 1996.

Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций //

Психология

эмоций. Тесты. - М., 1993. - С. 3-28.

Винникотт Д.В. Разговор с родителями. — М.: Класс, 1995. — 109 с.

Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. - М.: Класс, 1998.

Винокуров А.И. Взаимосвязь индивидуальных и личностных характеристик человека. Автореф. дис. канд. психол. наук. — СПб., 1996. — 24 с.

Витакер К. Полночные размышления семейного терапевта. — М., 1998.

Витакер К., Бамберри В. Танцы с семьей. - М., 1997.

Волкова А.Н., Трапезникова Т.М. Методические приемы диагностики супружеских отношений // Вопросы психологии. - 1985. - № 5. - С. 110-116.

Волкова С.И. Социально-философский анализ полового деморфизма и тендерной самоидентификации. - М.: Прогресс, 1998. - 324 с.

Володин В.С. Основы медицинской сексологии. — М: Логос, 2003, — 240 с.

- Воложин А.И., Субботин Ю.К. Адаптация и компенсация — универсальный механизм приспособления. - М.: Медицина, 1987. - 176с.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 3. — М.: Педагогика, 1982. — 337 с.
- Выготский Л.С. Детская психология. — М., 1984.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 4. - М.: Педагогика, 1984. - 432 с.
- Гельборн Э., Луфборроу Ф. Эмоции и эмоциональные расстройства / Пер. с англ. - М.: Мир, 1966.
- Георгиева И.А. Социально-психологические факторы адаптации личности в коллективе. Дис. канд. психол. наук. — Л., 1985. — 216 с.
- Терна Б. Психотерапия супружеских отношений. — М., 1992
- 202 [Ильяшева И.Н. Вопросники как метод исследования личности // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / М.М. Кабанов, А.Е. Личко, В.М. Смирнов. -Л.: Медицина, 1983. - С. 62-80.
- Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. Т 1. - М.: Мир, 1996. - 491 с. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2-х т. Т. 2. - М.: Мир, 1996. - 376 с. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. — М.: Изд-во МГУ, 1987. Гозман Л.Я., Алешина Ю.Е., Дубовская Е.М. Социально-психологические методики исследования супружеских отношений. - М., 1987.
- Гозман Л.Я., Шлягина ЕМ. Психологические проблемы семьи // Вопросы психологии. - 1985. - № 2. - С. 186-187.
- Голод С.И. Изучение половой морали в 20-е гг // Социс. -1986. - № 2. - С. 152-155. Голод С.И. Личная жизнь: любовь, отношения полов. — Л., 1990. Голод С.И. XX век и тенденции сексуальных отношений в России. — СПб., 1996. Грановская Л.Н. Некоторые регуляторы применения анализа нелинейных связей в комплексном психофизиологическом исследовании // Экспериментальная и прикладная психология. Ученые записки. Вып. 3. - Л.: ЛГУ, 1971. - С. 67-72.
- Гребенников И.В. Основы семейной жизни. - М.: Просвещение, 1991. - 156 с. Гройсман АЛ., Анохин А.М., Поздняков В.А. Комплексная коррекция психических состояний артистов балета // Психологический журнал. - 2004. - Т. 25. - № 1. - С. 84. Граф С. За пределами мозга: рождение, смерть, трансценденция в психотерапии. - М., 1992.
- Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социс. - 1997.-№1.-С. 72-79.
- Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. — 2000. — № 10. - С. 90-97.
- Гурьянова Л.С., Железнова Ю.Б. Рождение в радости. - СПб.: Питер, 1992. - 320 с. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. — СПб., 1991. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Пер. с фр. И.К. Масалкова. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. - 233 с.

Дементьева И.Ф. Негативные факторы воспитания детей в неполной семье // Социс.-2001.-№ 11.-С. 108-113.

Демчук Н.А. Влияние родительской семьи на психологическую готовность юношей к отцовству//Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 1 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 336-340.

Деркач А-А., Зазыкин В.Г. Акмеология. Уч. пособие. - СПб.: Питер, 2003. - 256 с.
Джеймс М. Брак и любовь. - М., 1995. Дик-Рид Г. Роды без страха. - СПб.: Питер, 1997. - 345 с.

Дольпо Ф. На стороне подростка. - СПб.-М.: Петербург XXI век - Аграф, 1997. - 278 с.

Дружинин В.Н. Психология общих способностей. — СПб., 1999. Дружинин В.Н. Психология семьи. — СПб.: Питер, 2006. - 176 с. Думитрашку Т.А. Структура семьи и когнитивное развитие семьи // Вопросы психологии. - 1996. - № 2. - С. 104-113.

Евсеев Ю.В. Этапы формирования чувства отцовства // Материнство. Психолого-социальные аспекты (норма и девиация): Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иваново—Плес, 6—9 сентября 2002 г. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2002. — С. 96—99.

Евсеенкова Ю.В. Тендерные аспекты формирования родительских чувств в период ожидания ребенка // Женщина. Образование. Демократия. Материалы Пятой Международной междисциплинарной научно-практической конференции (6-7 декабря 2002 г.). - Минск: ЖИ ЭНВИЛА, 2003. - С. 222-225.

Евсеенкова Ю.В. Система отношений в диаде отец—ребенок как фактор развития личности // Семейная психология и семейная терапия. - 2003. - № 4. — С. 30-48.

Евсеенкова Ю. В. Исследование отцовства в рамках групповой работы // Материалы научно-практической конференции «Ананьевские чтения — 2005» / Под ред. Л.А. Цветковой, Л.М. Шипицыной. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. - С. 554-556.

Евсеенкова Ю.В. Отцовство как психологический фактор развития личности. Автореф. дис. канд. психол. наук. - Новосибирск, 2006. — 18 с.

Евсеенкова Ю.В., Дмитриева Н.В. Опыт исследования феномена отцовства в рамках групповой работы // Семейная психология и семейная терапия. - 2004. - № 4. -

С. 55-69.

Евсеенкова Ю.В., Портнова А.Г. Отцовство как социально-психологический феномен на рубеже тысячелетий // Философия образования. — 2003. — № 11 - С. 160—165.

Евсеенкова Ю.В., Портнова А.Г. Структурный анализ акмеологического феномена отцовства // Психология зрелости и старения. - 2003. - № 4. - С. 35-52.

Евсеенкова Ю.В., Портнова А.Г. Влияние отцовства на развитие личности// Акмео-логия. Личностное и профессиональное развитие. Материалы Международной научной конференции 7-8 октября 2004 г. - М.: ИД «Эко», 2004. - 614 с. - С. 365-371.

Елизаров А.Н. К проблеме основного интегрирующего фактора семьи // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. - 1996. - № 1. - С. 42-49.

Елизаров А.Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования. Уч. пособие. - М.: Ось-89, 2005. - 352 с.

Елисеева И.И., Рукавишников В.О. Группировка, корреляция, распознавание образов. - М.: Статистика, 1977. - 144 с.

Ерохина Н.М. Родительское отношение как детерминанта образа потенциального партнера по браку // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 28-32.

Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков.—Л., 1982.

Захаров А.Н. Неврозы у детей и подростков. - Л.: Медицина, 1988. - 246 с.

Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка. Книга для воспитателей детского сада и родителей. 2-е изд., доп. — М.:

- Просвещение, 1993. — 192с. (Отклонения в личности родителей, отношениях в семье и воспитании как причина неврозов.)
- Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия. - СПб.: Союз, 1998. - 336 с.
- Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. - СПб.: Союз, 2000. - 448 с.
- Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. — М., 1994.
- Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития лично личности. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 157 с.
- Ильин Е.П. Методические указания к практикуму по психофизиологии. - Л., 1981. - 83 с.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология (возможности человека и свойства нервной системы). Уч. пособие. — Челябинск, 1999. — 324 с.
- Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб.: Питер, 2002. - 944 с.
- Исследование детско-родительских отношений. Методические рекомендации к курсу «Семейное консультирование» / Сост. Т.Н. Мартынова. - Кемерово: Кузбассву-издат, 2000. - 27 с.
- История психологии. Тексты / Под. ред. П.Я. Гальперина, А.И. Ждан. - Екатеринбург: Деловая книга, 1999. - 463 с.
- Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. -Л.: Медицина, 1983.-311 с.
- Казарян М.Ю., Сайфугалиева А.И. Вопросы эмоционального состояния детей в неполных семьях // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 78-89.
- Калитеевская Е.Р., Ильичева Б.И. Адаптация или развитие: выбор психотерапевтической стратегии//Психологический журнал. - 1995. -Т. 16.- № 1.-С. 115-121.
- Карвасарский Б.Д. Неврозы. - М.: Медицина, 1980.
- Кемпер И. Практика сексуальной психотерапии. В 2-х т. — М.: Прогресс, 2000.
- Кенберг О. Отношения любви. Норма и патология. - М., 2000.
- Кереньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери. — Ростов-на-Дону, 2000.
- Киганова И.М. Конфликт: за и против. — М., 1978.
- Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. — М.: Медицина, 1979.
- Ковалев В.С. Психология современной семьи. — М., 1988.
- Колесников В.Н. Эмоциональный фактор структуры личности и учебной деятельности студентов. Автореф. дис. канд. психол. наук. — СПб., 1997.

— 19 с.

Колесое Д.В. Пол и секс в современном обществе. — М.: УРАО, 1999.

Колесниченко Е.А. Социально-психологические особенности формирования личности ребенка в неполной семье // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 220-226.

Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. - СПб., 2001.

Каменский Я.А. Избранные педагогические сочинения в 2-х т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1982.-656с.

Кон И.С. Социология личности. — М.: Политиздат, 1967. — 383 с.

Кон И.С. Психология юношеской сексуальности // Советская педагогика. — 1976. - № 5. - С. 66-75.

Кон И.С. Открытие Я. - М.: Политиздат, 1978. - 367 с.

Кон И.С. Ребенок и общество. Историко-этнографическая перспектива. — М.: Наука, 1988.-269 с.

Кон И.С. Введение в сексологию. — М.: Медицина, 1989. — 336 с.

Кон И.С. Сексуальная революция в кавычках и без кавычек // Аврора. — 1991. — № 7. - С. 63-80.

Кон И.С. Вкус запретного плода. Сексология для всех. — М.: Высшая школа, 1997.-464 с.

Кон И.С. Сексуальная культура России: клубничка на березке. — М.: О.Г.И., 1997. - 460 с.

Кон И.С. Ребенок и общество. - М.: Наука, 1998.

Кон И.С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Уч. пособие. Ч. 1 / Под ред. И.А. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001. - С. 562-606.

Кон И.С. Подростковая сексуальность на пороге XXI века. — М.: Феникс, 2001.

Кон И.С. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. - М.: Олимп, 2003. - 574 с.

Кондрашов М.М. Психологические особенности психосоциального развития подростков // Журнал практического психолога. - 1997. - № 3. - С. 10-13.

Корки на Н.А. Отцовство в современной семье // Семейная психология и семейная терапия. - 2003. - № 4. - С. 48-54.

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психоанализ и психиатрия. Монография. — Новосибирск: Изд-во НПГУ, 2003. - 667 с.

Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе: Деструктивное поведение в современном мире. — Новосибирск, 1990.

Короленко Ц.П., Тимофеева А.С. Корни алкоголизма. - Новосибирск, 1986.

- Кочарян Г.С., Кочарян А.С. Психотерапия сексуальных расстройств и супружеских конфликтов. — М.: Медицина, 1994. — 224 с.
- Кравченко А.И. Социология. Учебник для вузов. — М.: Академический проект, 2000. - 382 с.
- Крайг Г. Психология развития. - СПб.: Питер, 2000. - 992 с.
- Краснова О.В. Роль бабушки: Сравнительный анализ // Психология зрелости и старения. - 2000. - № 3.
- Кратохвил С. Терапия функциональных сексуальных расстройств. — М., 1985.
- Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний / Пер. с чешек. — М.: Медицина, 1991. - 336 с.
- Кривиун О.А. Личность художника как предмет психологического анализа // Психологический журнал. - 1996. - № 2. - С. 99-109.
- Криштааб В.В., Андрух Т.П. Сексуальная дисгармония супружеской пары. - Харьков, 1995.
- Кришталь В. В., Григорян С.Р. Сексология. - Харьков: Академия сексологических исследований, 1999. - 1152 с.
- Краник А., Кроник Е.В. В главных ролях: Вы, мы, ты, я... — М., 1989.
- Крюкова В.И. Отношение отца к новорожденному.// Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. — М., 2005. — С. 241-243.
- Куттер Л. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей / Пер. с нем. С.С. Панкова. - СПб.: Б.С.К., 1998. - 115 с.
- Кэмерон-Бэндлер Л. С тех пор они жили счастливо. - Воронеж: МОДЕК, 1993.-256с.
- Кэмпбелл Р. Как на самом деле любить детей. - М.: Знание, 1992. - 191 с.
- Лабунская В.А., Шкурка Т.А. Развитие личности методом танцевально-экспрессивного тренинга // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - № 1. - С. 31-38.
- Лакуста В.Н. Методы лечения алкоголизма. — Кишинев, 1987.
- Лангмейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. - Прага: Авиценум, 1984. - 385 с.
- Лебединский В.В. и др. Эмоциональные нарушения в детском возрасте. — М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Левит Л.З. Психология для всех и каждого. — Минск, 1996.
- Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер с нем. - Ростов-на-Дону: Феникс, • 1997.-554 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
- Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации. —

Новосибирск, 1992. - 216 с.

Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентации. — М.: Смысл, 1992. — 17 с.

Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентации. — М.: Смысл, 1992. — 16 с.

Либих С.С. О стабилизирующих факторах личности // Психотерапия и сексология. - СПб.: МАПО, 1997.

Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. — М.: Педагогика, 1986.

Литвинова А.В., Большакова Н.Г. Зависимость ориентировки супругов в конфликте от образов родителей, сформированных в детстве // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 318-322.

Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. — Л., 1983.

Личко А.Е. Усовершенствованный метод патохарактерологического исследования подростков. Методические рекомендации. - Л., 1983. - 40 с.

Лозинский Б. Проблемы сексуальной педагогики // Вестник воспитателя. - 1994. - № 3-4. - С. 28-74, 31-75.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М., 1984. - 444 с.

Ляксо Е.Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни // Психологический журнал. - 2002. - Т. 23. - № 2. - С. 47-54.

Маданес К. Стратегическая семейная терапия / Пер. с англ. Т.В. Снегиревой. - М.: Класс, 1999. - 272 с.

Маклаков А.Г. Общая психология. - СПб.: Питер, 2000. - 592 с.

Малашенкова В.Л., Шаманская Т.Л. Формирование эффективного родительства через развитие новых форм общественно-семейного взаимодействия // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 4-9.

Марковская И.М. Мужские семейные роли в картине мира разных поколений // Семейная психология и семейная терапия. — 2003. — № 4. — С. 56.

Мартынова Т.Н. Семья как объект и субъект социальной работы. Учебно-методическое пособие к курсу «Семьеведение». Ч. 1. — Кемерово, 2000. — 32 с.

Маслоу А. Самоактуализирующаяся личность // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. - М.: Изд-во МГУ, 1982. - 287 с.

Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Под общ. ред. Г.А. Балла, А.И. Киричука, Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 1999. - 421 с.

Мастере У., Джонсон В., Колодны Р. Мастере и Джонсон о любви

и сексе / Пер. с англ. - СПб.: СП «РЕТУР», 1991.

Московский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики.-М., 1989.

Машков В.Н. Методологические и эмпирические основания дифференциальной психологии труда. Автореф. дис. д-ра психол. наук. — СПб., 1996. — 37 с.

Машков В.Н. Основы дифференциальной психологии. Уч. пособие. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. - 204 с.

Мейли Р. Структура личности. Экспериментальная психология / Под ред. П. Фрес-са, Ж. Пиаже. Вып. 5. - М.: Прогресс, 1975. - С. 196-279.

Мелик-Пашаев А.Л. Об источнике способности человека к художественному творчеству // Вопросы психологии. - 1998. - № 1. - С. 76-82

Мерлин В.С. Проблемы экспериментальной психологии личности. Т. 50. Вып. 4. — Пермь: Пермское книжное изд-во, 1970. - С. 3-160.

Мерлин В.С. Опыт изучения онтогенеза интегральной индивидуальности человека // Возрастная психология. - 1977. - № 5. - С. 88-97.

Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. - М., 1986.-254 с.

Мерлин В.С. Психология индивидуальности. - М. - Воронеж, 1996. - 224 с.

Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. - 2000. - № 5. - С. 18-27.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. - М.: Наука, 1988. -429 с.

Мид М. Опыт и индивидуальность средней девушки // Сексология. Хрестоматия / Под ред. Д.Н. Исаева. - СПб.: Питер, 2001.

Миниярова В.М. Проблемы детско-родительских отношений // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. — М., 2005. - С. 34-36.

Минухин С., Фишман Ч. Техники семейной терапии. - М., 1998. - 304 с.

Мироненко В.В., Носатое В.Г. Личностные конфликты и общее в характере их разрешения // Труды III Всесоюзного съезда Общества психологов. Т. 3. Вып. 1. — М., 1968.

Митина О.В., Петренко В.Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. - 2000. - № 1. - С. 68-86.

Мишина Т.И. Исследования семьи в клинике и коррекции семейных отношений // Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / Под ред. М. М. Кабанова, А.Е. Личко, В.М.

Смирнова. - Л., 1983.

Малаховская О.В. Влияние материнского отношения на состояние соматического и эмоционального благополучия младенца // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 57-68.

Моляко В.А. Психологическая система тренинга конструктивного мышления // Вопросы психологии. - 2000. - № 5. - С. 136-141.

Москаленко В.В. Социализация личности: философский аспект. - Киев: Вища школа, 1986. - 198 с.

Москаленко БД. Мифы и реальность интимности. - М., 1992.

Мудрик А.В. Социализация и воспитание подрастающего поколения. — М.: Знамя, 1990.-39с.

Муздыбаев К. Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия // Рабочий класс СССР на рубеже 80-х гг. - М.: ИНИОН АН СССР, 1981.-С. 181-198.

Мухамедрахимов Р.Ж. Формирование взаимодействия матери и ребенка // Вопросы психологии. - 1994. - № 6. - С. 16-25.

Мухина В.С. Детская психология. - М.: ЭКСМО-ПРЕСС - Апрель-пресс, 2000. - 352 с.

Мясищев В.Н. Социальная психология и психология отношений // Проблемы общей психологии. - М.: Наука, 1965. - С. 6-17.

Навайтис Г. Семья в психологической консультации. — М.: Московский психолого-социальный институт - Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. - 224 с.

Яследов А.Д. Методы обработки многомерных данных в психологии. Уч. пособие. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. - 100 с

Некрасова //., Возилкин И.В. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. — Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. — 166 с.

Нестерова Е.А. Изучение взаимодействия эффективного родительства как системы и характеристик личностной зрелости родителей // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 80-90. Неумоина Б.С. Исследование психологической готовности к отцовству // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 90-91.

Николаева И.М. Результаты экспериментального исследования на тему «Полоро-' левое самосознание мальчиков-подростков, воспитывающихся в семьях разного типа» // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. -

М., 2005. - С. 91-93.

Обухова Л.Ф. Возрастная психология. - М.: Роспедагентство, 1996.

Обуховская К. Психология влечений человека. — М.: Прогресс, 1972.

Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. — М.: Изд-во МГУ, 1987.-304с.

Овчарова Р.В. Справочная книга школьного психолога. 2-е изд., дораб. - М.: Просвещение — Учебная литература, 1996. — 352 с.

Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. - М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. - 319 с.

Оганян Р. Темная сторона любви. — М., 2001.

Олифинович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Семейные кризисы: феминология, диагностика, психологическая помощь. - М. - Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005.-356 с.

Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды. - М.: Смысл, 2002. - 462 с.

Осипова А.Л. Общая психокоррекция. Уч. пособие для студентов вузов. — М.: ТЦ «Сфера», 2000. - С. 439-484.

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. - СПб.: Питер, 2000. - 288 с,

ПаинзД. Бессознательное использование своего тела женщиной. - СПб., 1997.

Пезешкиан Н. Позитивная семейная психотерапия: Семья как психотерапевт / Пер. с англ., нем. - М.: Смысл, 1993. - 332 с.

Пиаже Ж. Избранные психологические труды - М., 1969. - 680 с.

Платонов К.К. Структура и развитие личности. — М.: Просвещение, 1986. — 224 с.

Плюта В. Сравнительный многомерный анализ в экономических исследованиях. Методы таксономии и факторного анализа. - М.: Статистика, 1980. - 151 с.

Поддубный Н.В. Психологические аспекты первичной беседы с разводящимися супругами // Психологический журнал. - 1987. - Т. 8. - № 2. - С. 125-131.

Подростки: сексуальная культура и репродуктивное здоровье // Материалы Третьей Международной конференции по планированию семьи. - Хабаровск, 1995.

Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. — М.: ИЦ «Академия», 2000. —184 с.

Пояотнюк М.В. Структура семейных отношений в период ожидания ребенка // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 152-157.

Понтон Л. Сексуальная жизнь подростков. — М., 2001.

- Попова П. Современный мужчина в зеркале семейной жизни. — М.: Мысль, 1989.-188с.
- Портнова А.Г. Возрастная динамика индивидуальных и личностных характеристик учащихся в связи со школьной адаптацией. Автореф. дис. канд. психол. наук. - СПб., 2001.-19 с.
- Порудоминский ИМ. Половые расстройства у мужчин. - М.: Медгиз, 1957.
- Проблемы индивидуальности в онтопсихологии. Уч. пособие / Под ред. Е.Ф. Рыбалко, А.А. Крылова. - СПб., 1994. - 122 с.
- Проблемы общей акмеологии / Под общ. ред. А.А. Реана. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. - 218 с.
- Прокофьева Л.М., Валетас М.Ф. Отцы и их дети после развода // Социс. — 2002. — №6.-С. 112-116.
- Псаеко Б.Р., Старожицкий П.Я. Воспитывать семьянина. - М., 1984.
- Психологическая помощь и консультирование в практической психологии / Под ред. проф. М.К. Тетушкиной. - СПб.: Дидактика Плюс, 1998. - 352 с.
- Психологические проблемы самореализации личности / Под общ. ред. А.А. Реан, Л.А. Коростылевой. Вып. 2. - СПб.: Изд-во СПУ, 1998. - 357 с.
- Психологические проблемы самореализации личности / Под общ. ред. Л.А. Головей, Л.А.Коростылевой. Вып. 3. - СПб.: Изд-во СПУ, 1999. - 328 с.
- Психологический словарь. — М.: Педагогика-Пресс, 1999. — 439 с.
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского. 2-е изд. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. - СПб., 1998.-752 с.
- Психофизиология и ее генетические аспекты. Тезисы докладов. - М., 1975. - С. 102-104.
- Пфау-Эффингер Б. Опыт кросснационального анализа тендерного уклада // Социс. - 1999.-№11.-С.24-35.
- Пэпп Л. Семейная терапия и ее парадоксы. - М., 1998. - 288 с.
- Развитие личности ребенка / Под общей ред. А.М.Фонарева. — М.: Прогресс, 1987.
- Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по

- психологии и типологии характеров. - Самара: ИД «БАХРАХ», 1997. - 640 с.
- Раис Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. - СПб.: Питер, 2000.-616с.
- Райх В. Характероанализ: техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, Республика, 1999. — 464 с.
- РеанА.А. Акмеология личности // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21. — № 3. - С. 88-95.
- РеанА.А. Практическая психодиагностика личности. Уч. пособие. - СПб.: Изд-вр СПбГУ, 2001.-224 с.
- Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М, и др. Окно в русскую частную жизнь.
- Супружеские пары в 1996 году. - М., 1999.
- Ричардсон Р.У. Силы семейных уз. - СПб., 1994.
- Розе Н.А. Психомоторика взрослого человека. - Л.: ЛГУ, 1970. - 85 с.
- РоманинА.Н. Основы психотерапии. — М., 1999.
- Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология. — СПб.: Питер, 1990. — 298 с.,
- Рюкле Х. Ваше тайное оружие в общении. — М., 1996.
- Рюриков Ю. Трудности счастья. — М., 1977.
- СандлерДж.,ДэрК., ХолдерА. Пациент и психоаналитик. - М., 1995.
- Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. - Тбилиси: Мецниереба, 1989.
- Сатир В. Как строить себя и свою семью. - М., 1992.
- Сатир В. Психотерапия семьи. - СПб., 1999. - 284 с.
- Сьвини Паааццоли М., БосколоЛ., ЧеккинДж., ЛратаДж. Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / Пер. с итал. - М.: Когито-Центр, 2002. - 204 с.
- Семья в психологической консультации. Опыт и проблемы психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. — М.: Педагогика, 1989.-208 с.
- Сергиенко Е.А. Антиципация в раннем онтогенезе человека. Дис. д-ра психол. наук.-М., 1997.
- Силина Е.А. Образ отца в восприятии воспитанников детского дома // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидер-са. - М., 2005. - С. 286-290.
- Скотт Д.Г. Конфликты, пути их преодоления. - Киев, 1988.
- Скотт Д. Т. Способы разрешения конфликтов. — Киев, 1999.
- Скрицкая Т. В. Ценностные ориентации женщин в период беременности.

- Автореф. дис. канд. психол. наук. — Новосибирск, 2002. — 22 с.
- Смехов В.А. Опыт психологической диагностики и коррекции конфликтного общения в семье // Вопросы психологии. — 1985. — № 4.
- Смирнова О.Б., Бажова М.В. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения // Вопросы психологии. - 2000. - № 3. - С. 37-42.
- Смолин Г.Л. Принципы исследования конфликта // Вопросы философии. -1978.-№ 8.
- Соколова Е.Н. Психотерапия. Теория и практика. — М., 2002.
- Сосимовский А.Б. Управление конфликтными ситуациями в целях нравственного воспитания // Проблемы управления процессов воспитания. — М., 1971.
- Старшенбаум Г.В. Сексуальная и семейная психотерапия. — М.: Изд-во Высшей школы психологии, 2003. - 300 с.
- Степанова Е.И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. — СПб.: Алетейя, 2000. - 288 с.
- Сталин В.В. Самосознание личности. - М.: Изд-во МГУ, 1983. - С. 57-88.
- Сталин В.В. Психологические основы семейной терапии // Вопросы психологии. - 1987. - № 6.
- Суханова К.Н. Тендерные различия в структуре родительского отношения // Сборник трудов молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Кемеровской области. В 3 т. Т. 1. — Кемерово: Полиграф, 2003.— 236 с.
- Толстых А.В. Возрасты жизни. - М.: Молодая гвардия, 1988. - 221 с.
- Тэннэхилл Р. Секс в истории. - М: Крон-Пресс, 1995.
- Уроков И.Г. Алкоголь: личность и здоровье. - М.: Медицина, 1987.
- Урсано Р., Зонненберг С., Лазар С. Психодинамическая терапия. Краткое руководство. Вып. 3 / Общ. ред. А.И. Белкина. — М.: Российская психоаналитическая ассоциация, 1992. - 158 с.
- Фанти С. Микropsихоанализ / Пер. с англ. - М., 1995.
- Федорова Н.В. Патернальная депривация в условиях семейного восприятия // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 442-444.
- Фельдштейн Д.И. Детство как социально-психологический феномен и особое состояние развития // Вопросы психологии. — 1998. — № 1. — С. 20.
- Фернхем А., Хейви П. Личность и социальное поведение. — СПб.: Питер, 2001. — 568 с.
- Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой. - М., 1995.
- Филимоненко Ю.И. Цветовой тест Люшера. Модификация. Полярные

сравнения. Методическое руководство. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. - С. 48.

Филиппова Г.Г. Материнство: сравнительно-психологический подход // Психологический журнал. - 1999. - № 5. - С. 82-87.

Филиппова Г.Г. Материнство и его основные аспекты исследования в психологии // Вопросы психологии. - 2001. - № 2. - С. 22-36.

Филиппова Г.Г. Психология материнства. — М.: Изд-во Института психотерапии,

2002. - 240 с.

Филиппова Г.Г. Диадические отношения и социальная ситуация развития ребенка: синтез подходов в перинатальной психологии // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М.,

2005. - С. 450-454.

Философский словарь / А.И. Абрамов и др. / Под ред. И.Т. Фролова. - М.: Республика, 2001.-719 с.

Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. - М., 1990. ФлейвемДж. Генетическая психология Жана Пиаже / Пер. с англ. — М., 1967. — 623 с. Флейк-Хобсон К., Робинсон Б.Е., Скин П. Развитие ребенка и его отношений с окружающими. — М., 1993.

ФонаревАМ Внутриутробное развитие ребенка. - М.: Минздрав СССР - Институт усовершенствования врачей, 1968.

Франка В. Человек в поисках смысла / Под общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. - М.: Прогресс, 1990. - 366 с.

Фрейд З. Три статьи по теории сексуальности. Либи́до / Пер. с нем. - М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 1996. — С. 19—95. Фрейд З. Эротика. Психоанализ и учение о характерах. - СПб., 2003. Фри́дменД. Техники семейной психотерапии. - СПб.: Питер, 2001. - 384 с. Фролов С.С. Социология. Учебник. - М.: Гардарики, 2000. - 344 с. Фромм Э. Искусство любить. — М.: Педагогика, 1990. Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Прогресс, 1990. — 269 с. Хамитов Н. Философия и психология пола. — М., 2001. ХарчевА.Г. Современная семья и ее проблемы. - М., 1978.

Хорни К. Женская психология. - СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. - 223 с.

Хорни К., Фромм Ф. Психоанализ и культура. Избранные труды. - М., 1995.

Хоров К. Женская психология / Пер. с англ. — СПб., 1993.

Хухлева О.В. Основы психологического консультирования и психологической

коррекции. - М., 2001.

Хьел Л., ЗиглерД. Теории личности. - СПб.: Питер, 1998. - 608 с.

Целуйко В.М., Толстых М.А. Проблема становления тендерной идентичности ребенка в семье // Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3-х ч. Ч. 3 / Под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. - М., 2005. - С. 470-489.

Цукерман Г.А., Мастеров Б.М. Психология саморазвития. — М., 1995. — 276 с.

Черкасове. Развод как благо. - СПб., 1994.

Черников А.В. Интегративная модель системной семейной психотерапевтической диагностики. - М., 1997. - 160 с.

Шайгородский Ю.Ж. Психологические особенности ценностных ориентации у девочек и мальчиков подросткового возраста. Автореф. дис. канд. психол. наук. — М., 1992.-24 с.

Шерман Р., Фредман Н. Структурированные техники семейной и супружеской терапии. Руководство / Пер. с англ. А.З. Шапиро. — М.: Класс, 1997. — 336 с.

Шипицына Л.М., Виноградова А.Д. Дифференциальная диагностика нарушений психического развития детей, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС. Методические рекомендации для психологов и педагогов. — СПб., 1992.

Шихи Г. Возрастные кризисы: ступени личностного роста. - СПб.: Ювента, 1999.

Шморина Е.В. О методах консультативной работы в ситуации развода // Психология зрелости и старения. — 2000. — № 2.

Шпиц Р.А. Первый год жизни ребенка. - М.: ГЕРРУС, 2000.

Шуман С.Г., Шуман В.П. Семейные конфликты. - Брест, 1992.

Шутценбергер А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. — 240 с.

Щерба Н.Н. Безопасность человека — безопасность общества. — СПб., 1994.

Эйдемиллер Э.Г. Методы семейной диагностики и психотерапии. - М., 1996.

Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Питер, 2001. — 652 с.

Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Семейная психотерапия. - Л.: Медицина, 1989. -192 с.

Эллис А. Психотренинг по методу Альберта Эллиса. — СПб., 1999. — 288 с.

Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. — М.: Просвещение, 1989.

Эриксон Э. Детство и общество. - СПб.: Питер, 1999. - 312 с.

Юнг К.Г. АЮМ: Исследование феномена самости // Избранное. — Минск: ООО «Попурри», 1998. - 448 с.

Юнг К.Г. Психологическая проблематика брака // Дух в человеке, искусстве и литературе. - Минск: ООО «Харвест», 2003. - 384 с.

Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. — СПб.: Питер, 2000. — 640 с.

АпезР. СезЫсше йег Кшйпей. - Мипспеп, Щеп, 1975.

Бапаига. А., ЦЫеп К. 5ос1а1 еагшпё апс! регеопаЙгу Йеуе1ортеп1. - М.-У.: Но11, Шпе-Ъай апс! ХМшЮп, 1963.

Вапп 5. Уа1егеспап ип Шапёе! // 5о21а1та§аг1п. - 2000. - Ней 1. - 5. 14-22.

Вес1сегС.5. А1геа1ие оп 1Ъе ГапШу. — СатЪгМ§е, МА: Нагуагё 1Лиуегягу Ргек, 1991.

ВепгепЖ V., ШттеЪЪасп Р. 3о21а1агЪеиензспе 1п1егуеп1!оп5тоё11спкеНеп Шг Шег-Кшй-РатШеп. - ОоПтиш!, 1987.

ВеМу ^., УоШп\$ В. Ь. МоЙгегтв, Шпегтв, апд тага! т1егас1юп т 1пе Гатйу (пае ёи- пп8 тГапсу // Меп'51гап5Шоп51о рагепИюоё: БокеКиШпа! йиШев оГеайу ГатЦу ехрепепсе / Е<1з. Р.\\: Вегтап, Р.А. Рейегзеп. - НиЪ1а1е, № и\угепсе Ег1Ъаит, 1987. - Р. 37-63.

Вегцапп У.-Л. Ьо5ипёюпеп1ег1е АгЪей 1т РатШепгесЫ. Оег куйеиаспе Апзай 1т РатШепгесЫ. — Коелп: Випйезаптешег \Ъг1а§, 2001.